

ОГОНЁК
№ 10 МАРТ 1957
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»



Китайская Народная Республика. Подруги Ван Мин-ся и Ван Сю-фан — водители автокаров на Автомобильном заводе в Чанчуне.

Фото Дм. Бальтерманца.

На первой странице обложки: Кандидат в депутаты Ивановского областного Совета, помощник мастера фабрики имени Ф. Э. Дзержинского Мария Васильевна Куликова с дочками Ниной и Галей.

Фото С. Фридлянда.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 10 (1551)

3 марта 1957

35-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

КАНДИДАТЫ НАРОДА



20 лет исполнится в этом году Тамаре Грачевой, электрику машиностроительного завода, пришедшей на производство после десятилетки.

Сегодня в восьми советских республиках: Российской Федерации, Украине, Белоруссии, Узбекистане, Литве, Молдавии, Таджикистане и Туркмении — избиратели опустят в урны бюллетени с именами кандидатов в депутаты местных Советов. В других республиках выборы состоятся 10 и 17 марта.

День выборов по традиции стал праздником для народов нашей страны, в этот день особенно ярко проявляется главная отличительная черта советского строя — самый широкий демократизм, его всенародный характер.

В нашей стране приобщены к политической жизни миллионы трудящихся, и они доверяют лучшим из лучших управление государством. В работе Советов депутатов трудящихся участвует свыше полутора миллионов граждан всех национальностей, населяющих нашу Родину, рабочие и колхозники, инженеры и врачи, деятели культуры, руководители предприятий и воины Советской Армии, государственные и общественные работники.

Они облечены высоким доверием народа и сами являются плотью от плоти народа, сынами и дочерьми тех, кто ныне идет на выборы.

Буржуазные политики произносят много высокопарных слов об избирательных правах в капиталистических странах.

Однако всему миру, и в первую очередь трудящимся капиталистических стран, хорошо известно, что все славословие по адресу так называемой западной демократии — ложь. Миллионы людей в странах капитала лишены возможности участвовать в голосовании: в этом им препятствуют возрастные ограничения, имущественный ценз, ценз оседлости и множество других ограничений.

На словах одно, на деле другое — вот что прежде всего характерно для буржуазной демократии.

Советское государство не только провозглашает, но и материально обеспечивает всем членам общества права, записанные в Конституции. Поэтому каждые выборы проходят у нас на основе самого демократического избирательного закона, в обстановке всеобщего политического подъема. Они вновь и вновь демонстрируют силу и единство нашего народа, его сплоченность вокруг Коммунистической партии в великом деле построения коммунизма, в великой борьбе за мир.



Комплектовщице механического завода Валентине Фищенко нет еще 22-х лет. Работу на заводе она совмещает с учением в школе рабочей молодежи.

Среди кандидатов в депутаты местных Советов много женщин. Трудящиеся Москвы посылают в Советы наряду с испытанными представителями старой рабочей гвардии недавно пришедших на производство работниц. На наших снимках — одни из самых молодых кандидатов в депутаты Московского городского Совета депутатов трудящихся.

Швее-мотористке Валентине Сухоруковой 22 года. Она в числе лучших производственниц швейной фабрики № 5.



Швея-мотористка Валентина Гущина. Ей 21 год.

Фото В. Полунина.



Зоя Кузнецова, работница картонажного цеха карандашной фабрики, родилась в 1935 году. Четыре года назад она приехала в столицу из колхоза Ярославской области.



ЗА БОГАТСТВО СОДЕРЖАНИЯ И ФОРМЫ!

З. АЗГУР,
делегат первого Всесоюзного съезда художников

В дни, когда мы собрались в Москве на свой первый Всесоюзный съезд,— в эти знаменательные для всего советского искусства дни хочется вспомнить лучшее, что было создано советскими скульпторами, художниками, и, критикуя недостатки в нашей работе, сказать и о наших победах. Это тем более важно потому, что за последнее время целый ряд искусствоведов настолько увлеклись критикой наших недостатков, что начисто забыли о достижениях, обо всем том, что создано советскими мастерами.

Очень «модными» стали нынче разговоры об импрессионизме. Но нельзя, захлебываясь, восторгаться некоторыми достижениями импрессионистов и забывать при этом, что профессиональное мастерство — одно из достоинств нашей советской живописи, скульптуры, графики. Мы не против импрессионистов, хотя это уже пройденный этап художественной культуры, мы любим прозрачность воздуха в их пейзажах, трепет солнечных зайчиков на нежной зелени листвы и даже их изысканные цветовые соотношения. Но мы твердо знаем и другое: недостаточны одни цветовые гаммы. Настоящее искусство — это гармоническое сочетание высокой формы и глубокого содержания.

У нас, скульпторов, как и у живописцев, есть свои образцы, которыми мы восхищаемся,— великие греки во главе с Фидием, Микельанджело, Рюд — автор скульптурной группы «Марсельеза» в Париже, Антокольский, Шубин, Козловский, Пименов и многие другие мастера прошлых веков. Можно и должно восхищаться гениальными творениями гениальных мастеров, творениями, которые надо внимательно и любовно изучать. Но при этом нельзя забывать, что в этих произведениях совершенной художественной формы всегда воплощены идеалы эпохи.

Мы живем в замечательную и героическую эпоху, которую и призваны отражать в своих произведениях. Советские люди, мужественные, благородные и скромные, их героический труд, история борьбы нашего народа за лучшие чаяния человечества — вот что должны воспеть советские художники. Перед советским искусством стоят возвышенные задачи. Наши мастера призваны не просто воспитывать вкус зрителя, но и развивать лучшие его чувства, черты характера: любовь к Родине, мужество, душевную красоту.

Скептики, пытающиеся отрицать значение и сущность метода социалистического реализма, вряд ли смогут назвать много современных выдающихся произведений, созданных сторонниками иного метода. Наше искусство, искусство социалистического реализма, изображая труд и боевые подвиги обыкновенных, простых людей, создало большие художественные богатства. А ведь мы еще очень молоды! И сколько еще впереди великих свершений!

Что же касается художественной формы произведений советского искусства, то здесь мы ориентируемся на все растущие вкусы зрителя, а его требования очень высоки и с каждым годом все больше растут. У наших художников есть свой, очень требовательный и взыскательный судья — народ.

Советский строй создал все необходимые условия для подъема культуры национальных республик, для яркого расцвета искусства, национального по форме, социалистического по содержанию. Целая плеяда живописцев, скульпторов, графиков братских союзных и автономных республик из года в год радует нас своими работами, представленными на выставках в Москве. Решающую роль сыграл во всем этом метод социалистического реализма, направивший развитие многонационального советского искусства на служение народу, создание произведений, верных жизненной правде, воодушевленных высокой идейностью, отличающихся мастерством.

Яркой иллюстрацией правильности такого направления могут служить лучшие образцы искусства социалистического реализма, которыми мы имеем право гордиться. Они есть во всех областях, во всех жанрах нашего искусства. Но я остановлюсь здесь только на скульптуре: она мне особенно близка и дорога.

Вдохновенный образ Ленина запечатлел скульптор И. Шадр; созданный им памятник на ЗАГЭСе получил общее признание. Широко известны и другие знаменитые скульптуры Шадра: «Булыжник — оружие пролетариата», «Сеятель», «Рабочий» — своеобразный гимн человеку труда, созидателю, хозяину жизни.

Поэзией и мягкой лирикой овеян образ Т. Г. Шевченко в композиции-памятнике работы М. Манизера в Харькове: великий кобзарь показан в окружении героев своих произведений. И уже другое настроение — романтическую взволнованность — сумел передать этот же скульптор в памятнике герою гражданской войны Чапаеву в Куйбышеве.

Среди произведений советских ваятелей особое место принадлежит замечательной группе В. Мухиной «Рабочий и колхозница», в которой и порыв, и радость молодости, и ощущение силы советского человека. Кому не известна работа Е. Вучетича — монумент советскому воину-освободителю в Берлине! Благородный облик советского солдата предстал в нем перед всем миром как символ человеколюбия и безмерного мужества.

Простым и сердечным человеком, стойким и пламенным борцом изобразил Кирова скульптор Н. Томский — памятник установлен в Ленинграде. В одном ряду с ним памятник Щорсу в Киеве, сделанный скульптором М. Лысенко, и Чернышевскому в Саратове — работа А. Кибальникова, и многие другие. Всеми этими монументами по праву может гордиться советское искусство. Своеобразный талант С. Т. Коненкова, его особый, «свой» почерк, говорит о том, что советская скульптура насчитывает в своих рядах немало художников «хороших и разных».

Целая галерея скульптурных портретов замечательных сынов и дочерей нашей Родины создана советскими ваятелями. Наш народ свято чтит героев, не щадивших жизни во имя счастья и свободы Родины. Их подвиги вдохновили многих талантливых скульпторов: В. Лишева, В. Мухину, Т. Залькалнса, Н. Томского, Е. Вучетича, З. Виленского, М. Лысенко, И. Чайкова, Я. Николадзе, С. Лебедеву, Л. Кербеля, В. Цигаля и других.

«Мать, оплакивающая своего сына-героя» — так называется скульптурная группа, созданная В. Лишевым. Это взволнованный рассказ художника. Или другая статуя, «Мать», скульптура С. Орлова... Такие произведения всегда вызывают живой отклик зрителя.

Правдиво и тепло показал советских бойцов в скульптуре «Солдатская дружба» М. Аникушин; чудесного молодого рабочего запечатлел в статуе «Трудовые резервы» Л. Кербель. Перечень этот нескончаем: создано великое множество портретов наших современников, об их жизни, их труде повествуют наши скульпторы. В далекое будущее они передают свой «рассказ» о людях нового мира, которые ненавидят войну, борются против несправедливости, которые страстно верят в правду и счастье.

«Искусство и литература нашей страны могут и должны добиваться того, чтобы стать первыми в мире не только по богатству содержания, но и по художественной силе и мастерству»,— указывалось в отчетном докладе ЦК КПСС на XX съезде партии.

Для того, чтобы оправдать это высокое доверие народа и партии, советские художники должны постоянно совершенствовать свое мастерство, использовать богатейший опыт искусства прошлых веков, пристально и глубоко изучать жизнь. В этом залог успеха.

В. Мухин, В. Агибалов, В. Федченко. ПАМЯТНИК ГЕРОЯМ «МОЛОДОЙ ГВАРДИИ» В КРАСНОДОНЕ.



Е. Вучетич. ПАМЯТНИК ВОИНУ-ОСВОБОДИТЕЛЮ В БЕРЛИНЕ. Фрагмент.



При посещении Московского университета немецкие гости встретили среди студентов своих соотечественников. Профессор Корренс здоровается со студенткой из ГДР Эрикой Леман.

Фото Г. Санько.

Профессор Эрих Корренс: «Дружба с СССР — основа нашего национального существования»

По приглашению Парламентской группы СССР в нашей стране гостит делегация Национального фронта демократической Германии. Глава этой делегации, депутат Народной палаты профессор Эрих Корренс, и член делегации Ганс Зейгевассер сказали корреспонденту «Огонька»:

— Национальный фронт весьма признателен правительству Советского Союза за ту конструктивную политику, которую оно неизменно ведет по отношению к Германии. Постоянные дружеские контакты между немцами и советскими людьми, взаимный обмен опытом во всех областях: в экономике, в технике, в науке и культуре обеих стран,— все это в большой степени способствует углублению нашей дружбы.

Подавляющее большинство населения Германской Демократической Республики активно и сознательно поддерживает борьбу за мирное сосуществование различных общественных систем, за разрядку в международных отношениях.

— В чем это находит конкретное выражение?

— Будь у нас больше времени,— вступает в беседу Ганс Зейгевассер,— мы могли бы привести множество фактов и документов для подтверждения того, что немецкий народ встречает сердечным одобрением каждое искреннее предложение о разоружении. Не только в ГДР, но и в Западной Германии горячие стремления к миру проявляются во всех слоях населения, включая широкие массы верующих христиан, а также служителей евангелической церкви.

Профессор Корренс приводит некоторые факты:

— Третий и четвертый конгрессы объединения профсоюзов Западной Германии ясно высказались против ремилитаризации. Настойчивые стремления трудящихся к мирному сосуществованию не могли не отразиться также и на решениях, принятых в прошлом году мюнхенским съездом Социал-демократической партии Германии. Далее, большой размах приняло движение среди молодых немцев, отказывающихся вступить в агрессивную армию Североатлантического союза. Правда, боннское правительство принимает все меры (не останавливаясь перед провокациями и применением силы), чтобы подавить это патриотическое движение, но, тем не менее, известно много случаев позорного провала вербовщиков. Студенты Геттингена, Мюнхена, Марбурга, Гейдельберга и некоторых других городов осмеяли и обратили в бегство бывших нацистских офицеров, которые пытались соблазнить их «прелестями» службы в Бундесвере. Известно, что многие студенты в Западной Германии живут в исключительно трудных условиях. Заболеваемость среди студентов там в три раза выше, чем среди других слоев населения. А боннское правительство неизменно отклоняет все справедливые требования повысить до минимально необходимых размеров ассигнования на стипендии.

— Для положения в Западной Германии,— говорят далее наши гости,— показательна закончившаяся недавно забастовка металлистов Шлезвиг-Гольштейна. Она нашла широкий отклик среди рабочего класса Западной Германии, который видит в ней не только пример упорной борьбы за справедливые требования рабочих, но и протест против разрушительного влияния милитаризации на экономику страны. После 1905 года это была здесь самая продолжительная забастовка — она длилась 114 дней! Хозяевам стачка причинила убыток в размере не менее двухсот миллионов марок.

— Правда,— замечает профессор Корренс,— кое-кому в Западной Германии пока еще удается вносить раскол в среду рабочего класса и патриотических сил. Поэтому Национальный фронт демократической Германии готов сделать все, чтобы помочь установлению в Западной Германии единства действий рабочего класса. Мы убеждены, что это единство стало бы собирательной и центростремительной силой для всех патриотов.

В заключение профессор Корренс говорит:

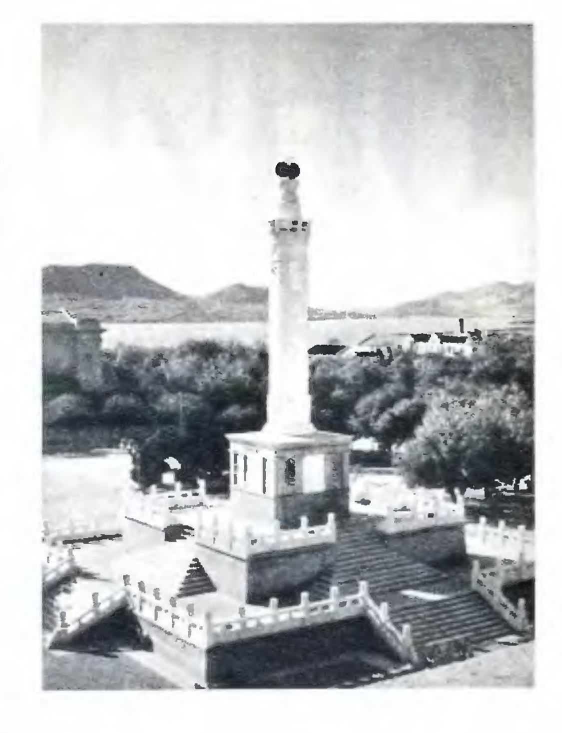
— Буквально накануне отъезда нашей делегации в СССР Президиум Национального фронта одобрил развернутую программу борьбы за мирное, демократическое объединение Германии. Вот почему мы рассматриваем Послание Председателя Совета Министров СССР Н. А. Булганина к канцлеру Аденауэру как помощь миролюбивым силам всей Германии. Высказанное Н. А. Булганиным положение, что «германский народ не может быть заинтересован в том, чтобы снова идти по пути вражды с Советским Союзом, по пути, на котором Германия может лишь все потерять, но найти ничего не может», является основой нашего национального существования.

МОНУМЕНТ В ПОРТ-АРТУРЕ

14 февраля 1957 года в Порт-Артуре в 7-ю годовщину подписания Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи между Китайской Народной Республикой и Советским Союзом был открыт монумент китайско-советской дружбы.



Деталь монумента.



Расширение франко-советской торговли



Соглашение подписывают П. Кумыкин (слева) и Жан Массон.

Фото автора.

В феврале в Париже было подписано соглашение между Советским Союзом и Францией о взаимных поставках товаров на трехлетний период. С советской стороны соглашение подписал глава Правительственной торговой делегации заместитель Министра внешней торговли П. Кумыкин. От имени Франции — Государственный секретарь по экономическим делам Жан Массон.

Соглашение является выполнением договоренности, которая была достигнута между руководителями СССР и Франции во время московских переговоров в мае прошлого года. В истории франко-советских экономических связей это — первое долгосрочное соглашение. Все предыдущие заключались обычно на один год.

В. ДВИНИН

Гость из США

Недавно Советский Союз посетил г-н Честер Боулс. Во время своей поездки он побывал в Москве, Ленинграде, Ташкенте и Самарканде. Г-н Честер Боулс был принят Первым секретарем ЦК КПСС Н. С. Хрущевым и имел с ним беседу.

Г-н Ч. Боулс — один из лидеров Демократической партии США, председатель фонда по мирному использованию атомной энергии. Он занимал видные административные посты во время президентства Ф. Д. Рузвельта и Г. Трумэна. После войны он был губернатором штата Коннектикут, а затем послом США в Индии.



Г-н Честер Боулс.

Фото Юл. Семенова.

Трансполярный рейс



24 февраля открылась регулярная авиалиния Копенгаген — Токио через Северный полюс. Этот путь самолет проходит за 30 часов, делая лишь одну остановку в городе Анкоридже на Аляске.

На борту самолета, вылетевшего из Копенгагена в первый рейс, находились премьер-министр Дании Х. К. Хансен, министры иностранных дел Швеции и Норвегии, генерал Я. Р. Ларсен, летавший на Северный полюс вместе с Р. Амундсеном в 1926 году, а также Тур Хейердал, руководитель экспедиции на плоту Кон-Тики. Пролетая над Северным полюсом, Х. К. Хансен выступил по радио. В частности, он сказал:

— Мы не смогли бы лететь через Северный полюс, если бы не опирались на исследования ученых всего мира, добытые неимоверным трудом и героизмом.

ОНИ СРЕДИ НАС

А. СТАРКОВ

Красавица Катя

Нынешней зимой я часто бывал у старого большевика И. М. Гордиенко, записывая его воспоминания о подпольной работе, о гражданской войне, о встречах с Ильичем. В комнате, где мы беседовали, находилась, как правило, и жена Ильи Митрофановича, тихая, молчаливая, старавшаяся ничем не заявить о своем присутствии. Она или вязала или сидела за книгой. А если перебирала что-то в шкафу, в буфете, то совершенно бесшумно. Я почти ничего не знал об этой пожилой женщине с усталым лицом, кроме того, что ее зовут Екатерина Ивановна. Но вот как-то мы с Ильей Митрофановичем остались одни: хозяйка ушла в поликлинику, — и он вдруг сказал:

— Поглядите, какой она была в молодости!

И поставил передо мной фотографию юной красавицы с лицом удивительно тонкой резьбы, с густой волной волос, ниспадающих на высокий лоб, с гордым взлетом бровей, из-под которых смотрят спокойные, ясные глаза.

— Хороша? — спросил Илья Митрофанович, покручивая свои и поныне еще лихие запорожские усы.— Вот с этой карточкой в руках врангелевская контрразведка по всему Крыму ее искала. А она лежала раненая. Люди жизнью рисковали, спасая Катю. Рисковала хозяйка квартиры, давшая ей первый приют. И хирург, который оперировал раздробленную ногу. А санитарка, что ухаживала за Катей? А лесной объездчик, надолго укрывший ее в своем домике? А матросы с шаланды, которые переправили ее на Тамань? Все эти люди знали, что она большевичка. Что за ее голову назначена награда — двадцать тысяч золотом. А тому, кто скроет, — виселица. И все-таки никто не выдал Катю. Не нашлось предателя... Вот какая у нее была молодость, у Екатерины Ивановны! — раздумчиво произнес Илья Митрофанович и тут же добавил: — Между прочим, она получила осенью письмо из Симферополя, из Крымского краеведческого музея. Хотите прочесть? Возьму на себя такой грех, покажу вам. Только вы меня не выдавайте...— И он протянул листок.

«Дорогая Екатерина Ивановна!

От всего сердца поздравляю Вас, пламенного борца за родную Советскую власть, с 39-й годовщиной великого Октября.

Желаю долгих лет жизни, счастья и здоровья.

Я никогда не встречалась с Вами, но хорошо знаю «красавицу Катю» по ее подвигам в тылу у белых и полюбила Вас заочно. Я всегда с волнением рассказываю о Вас посетителям музея.

Милая, хорошая Екатерина Ивановна! Приезжайте к нам в гости. Мы все очень хотели бы увидеть героиню Крымского подполья. И еще просьба: соберитесь с силами и начните писать воспоминания. А может быть, Вы их уже пишете или даже написали? Пришлите нам, пожалуйста, все, что у Вас есть. Мы хотим создать к 40-летию Октября новую экспозицию. Но без участия живых свидетелей исторических событий сделать это невозможно. Помогите нам, дорогая Екатерина Ивановна!

Оберегайте себя. Вы должны еще долго, долго жить. Передайте привет и поздравления Вашему мужу.

Крепко жму руку.

Уважающая Вас
Ольга Дмитриевна Кондратенко, научный сотрудник».

— Знаете что,— сказал Илья Митрофанович заговорщицким тоном. — Семь бед — один ответ. Пока жена моя в поликлинике, почитайте-ка еще это.— И он положил на стол пухлую рукопись.— Вот. Катины воспоминания... Я думаю, что в вашем распоряжении не меньше двух часов.

Начинаю перелистывать страницы, потом вчитываюсь в отдельные фразы, абзацы, и вот уже, целиком захваченный повествованием, переношусь на тридцать семь лет назад, в Симферополь, занятый белыми, в большевистское подполье.

...Город до отказа набит военными. Но все идут и идут эшелоны с войсками, отступившими с Украины. Со всего Крыма сгоняют в Симферополь «мобилизованных». Из Франции прибыли две тысячи русских солдат, которые во время мировой войны были отправлены туда на подмогу в составе экспедиционного корпуса; их называют в городе «французами». Сформированы особые воинские части, вроде отборного полка, где нет рядовых, где все офицеры... Казарм уже не хватает, весь город — огромная казарма. Генерал Слащев усиленно готовится к предстоящим боям против Красной Армии, которая обложила Крым, как медвежью берлогу. Но генералу пока неведомо, что в его с таким трудом сколачиваемых войсках уже имеется широко разветвленная сеть подпольных большевистских ячеек. Они везде, во всех полках, даже в офицерском!

Все нити от этой тонко разработанной сети сходились в руках человека, который ни по возрасту, ни по профессии не подходил, казалось бы, для роли руководителя такой крупной военной организации, к тому же еще тайной, созданной в самой сердцевине деникинской армии... Это был Юра Дражинский, двадцатилетний сын портного и сам портновский подмастерье, член подпольного горкома партии. Не успев пройти армейской службы, он, тем не менее, знал ее во всех тонкостях, знал солдатский быт, офицерские нравы, и это помогало ему устанавливать связи, подбирать нужных людей. У него даже в контрразведке были свои люди. Он был бесстрашен и выходил невредимым из самых рискованных операций. А погиб, случайно попав в засаду. Погиб, не дождавшись нескольких недель до рождения сына, о котором так мечтал. Сына назвали тоже Юрием, и он прожил ровно столько же, сколько и отец,— двадцать один год,— пав в осажденном фашистами Очакове...



1920 год. Катя Григорович.



Крымский областной краеведческий музей. Посетители у стенда «Подпольное движение в Крыму». На стенде, во втором ряду снизу, справа, фотография Кати Григорович.

Фото Г. Бородина.

Помощницей, связной у Дражинского была молоденькая швея Катя Григорович. Юрий давал ей поручение, и она шла то в пулеметную команду, то к «французам», то в студенческую роту, то в офицерский полк.

В солдатские казармы она шла деревенской простушкой в цветастом платке, домотканной юбке, деревянных башмаках, с плетеной корзинкой в руке. В каждой казарме у нее был или «брат», или «зятек», или просто «ухажер», которым она приносила выстиранное белье, гостинцы, табак. Это разрешалось, и часовые пропускали Катю. Они ведь не знали, что у нее в корзинке припрятаны листовки. А бывало, и знали... Перед отправкой частей на фронт Катя разносила по казармам пачки «отпускных свидетельств», снабженных печатями и подписями соответствующих воинских начальников. Оставалось только проставить фамилию «отпускника». Такой документ был пострашнее листовки. Имея эту бумагу, составленную по всей форме, солдат мог где-нибудь в пути спокойно покинуть эшелон, уверенный, что его не задержат как дезертира. И многие полки доставлялись к фронту в несколько поредевшем состоянии, хотя они и не побывали еще в боях...

В пулеметной команде Катиным «братом» был солдат Григорий, рослый, сильный украинец, вокруг которого образовалась группа боевиков, выполнявших особые задания подпольного горкома... Среди «французов» у Кати был зять, в данном случае настоящий, муж ее сестры. Катя часто навещала его: горкому важно было наладить контакт с солдатами, прибывшими из Франции, распространить на них свое влияние.

В студенческую роту она являлась этаким «синим чулком», курсисткой в строгом, темном костюме, в вельветовой панамке, в очках... А в офицерском полку ее знали как обаятельнейшую невесту поручика Никатова. В этот полк сам Слащев отбирал офицеров. И Никатов считался среди них наиболее ревностным службистом, готовым жизнь отдать за букву устава. Только Кате было известно, как тяготится он своей шинелью, своими погонами, как мечтает о профессии учителя... Они иногда прогуливались по центральной улице. Медленно шли под руку в шумной, пестрой толпе высокий, статный поручик и его красавица-невеста в элегантной шелковой блузке, в соломенной шляпе с широкими полями, отбрасывающими тень на лицо. И кто заподозрит в этой нежно воркующей паре секретаря подпольной большевистской ячейки и члена подпольного горкома партии, выслушивающую доклад о состоянии дел в офицерском полку?

Катя была знакома еще с одним поручиком, с адъютантом начальника гарнизона Тимофеевым. Да, адъютант известного и наделенного большой властью генерала был связан с большевиками... Офицер военного времени Сергей Константинович Тимофеев происходил из мелкочиновной семьи, был воспитан в демократических традициях и ненавидел весь строй, всю атмосферу белой армии, в рядах которой оказался по воле судьбы. Встречи с ним носили особо конспиративный характер. Тимофеев был человеком семейным: в Киеве у него оставалась жена с двумя девочками,— и Катя приходила к нему на квартиру как «вдова» его лучшего друга, деникинского офицера, якобы погибшего под Новороссийском. Она носила глубокий траур, и никто из соседей Тимофеева по дому на Луговой улице никогда не видел скрытого под густой вуалью лица навещавшей его дамы.

Поручик оказывал неоценимые услуги подполью. Он сообщал обо всех совещаниях, происходивших в кабинете начальника, о секретных приказах по гарнизону, армии. Горком узнавал о мобилизационных планах, о дислокации войск, о продвижении военных грузов. Даже содержание телеграмм, которыми обменивались Деникин и Слащев, становилось тотчас же известным Кате Григорович... Тимофеев был с ней на «вы», называл Екатериной Ивановной, сухо, кратко, так же, наверно, как и на докладах у своего начальника, излагал суть дела, и его бледно-матовое, всегда до синевы выбритое лицо казалось бесстрастным. Да и весь он казался таким. Только раз, когда Катя собралась уже уходить, он сказал вдруг с необычайным волнением в голосе. «Катенька! — Он впервые назвал ее так, и щеки его чуть порозовели.— Милая Катенька... Я знаю, что мне не уцелеть в этом водовороте. Да-да, знаю и не страшусь. Я боюсь лишь одного. Страшно, что дочери мои так и не узнают, кем был их отец...» «Что вы, что вы! — воскликнула растроганная Катя.— Вы будете жить, Сергей Константинович...» «Нет, мне не уцелеть! — повторил он. — И поэтому прошу вас, Екатерина Ивановна, если вы когда-нибудь увидите моих девочек, скажите им правду...» И снова лицо его стало холодно-бесстрастным, и Катя поняла, что пора уходить.

Однажды государственная стража — так при Деникине называлась жандармерия — арестовала члена подпольного ревкома. Было известно, что он сидит в участке. Требовалось выручить товарища, пока его не перевели в тюрьму или в контрразведку: оттуда вызволить сложней. Но нужно твердо знать расположение камер участка, состав охраны... И Катя, облачившись в траур, пошла к Тимофееву. «Хорошо, — сказал поручик, — по роду службы я имею право инспектировать участки. Воспользуюсь этим правом. Утром буду там, а вечером приходите за ответом».

И снова «вдова» идет на Луговую, чтобы получить от адъютанта все необходимые сведения. «Торопитесь,— говорит он.— Завтра вашего товарища переведут в тюрьму...» Делится некоторыми соображениями по поводу того, как освободить арестованного. Теперь Катя отправляется на явочную квартиру, где ее ждут члены горкома. Они одобряют предложения Тимофеева. И Катя, сменив траурное одеяние на наряд деревенской молодицы, спешит в казарму пулеметной команды, к «брату» Григорию. Она несет ему свежевыстиранную, отутюженную рубаху.

В полночь в участок, где сидит член ревкома, приводят большую группу арестованных. Их конвоируют четверо солдат, которыми распоряжается высокий, плечистый прапорщик. «Принимай красную сволочь!» — кричит он дежурному. «Господин офицер, — вытягивается тот,— у нас все камеры забиты. Может быть, вы в соседний участок отведете?» «Тогда давай мне в помощь дополнительную охрану». «Господин офицер, где же я вам возьму столько стражников! У меня их всего четыре». «Правильно!— говорит Григорий, а это был он, переодетый прапорщиком.— Мы знали, что вас тут пятеро. А нас, видишь, сколько! — И он показывает и на солдат и на «арестованных», на всех боевиков-подпольщиков.— Так что давай-ка, дорогуша, выкладывай на стол пушку и открывай камеры». Вся операция длится четверть часа. Долго ли обезоружить пятерых и втолкнуть их в камеры взамен выпущенных оттуда людей!.. С грохотом захлопываются двери, щелкают замки, и снова тишина, порядок. А утром в приемной начальника гарнизона раздается телефонный звонок. Трубку берет адъютант. Выслушав сообщение о налете большевиков на участок, поручик Тимофеев, как всегда спокойный, подтянутый, идет в кабинет генерала, чтобы доложить о случившемся...

В подполье проник провокатор. Начались массовые провалы, аресты коммунистов и тех, кто им сочувствовал. Был схвачен и расстрелян поручик Никатов. Сергея Константиновича Тимофеева взяли прямо в генеральской приемной, но на первом же допросе он сумел выхватить из потайного кармана маленький дамский браунинг и выстрелить себе в висок... Наведенные провокатором контрразведчики напали на собравшуюся в горах близ Коктебеля подпольную партийную конференцию. В перестрелке была ранена в ногу делегатка Катя Григорович. Товарищи помогли ей добраться до Феодосии. Потом ее укрывали на разных квартирах в Симферополе. Контрразведка шла по ее следам, и казалось, вот-вот настигнет. Но...

«Деменция прекокс»

...Но на пороге комнаты стоит Екатерина Ивановна, вернувшаяся из поликлиники, и с укоризной смотрит на Илью Митрофановича.

— Катя,— говорит он в смущении,— ты уж извини...

Я откладываю рукопись.

— Нет, нет.— останавливает меня Екатерина Ивановна.— Читайте, пожалуйста. Я ведь для людей писала.— Она снимает пальто, присаживается к столу, задумчиво перелистывает страницы своей рукописи.— Я не о себе хотела рассказать, я была маленьким человеком в подполье... Я хотела рассказать о настоящих героях. А сколько их было! Об одной бесстрашной Эмме можно составить целую книгу...

— А кто эта Эмма?

— О, Эмма! — восклицает Екатерина Ивановна. — Она была правой рукой Спера-Просмушкина, замечательного конспиратора. Спер прошел школу нелегальной работы в Петербурге. И у нас в подполье он создал особую организацию, которая называлась «паспортным столом» или «прачечной». Почему «паспортный стол», понятно. Тут фабриковались паспорта, солдатские отпускные свидетельства, справки об освобождении от воинской повинности, медицинские заключения, — словом, самые разные официальные бумаги. Часть бланков для них печаталась в подпольной типографии, часть скупалась у мелких чиновников различных управ. Ну, а чаще всего приходилось использовать старые, отслужившие свой срок или скомпрометированные документы. Вот их нужно было «выстирать», иначе говоря, требовалось уничтожить прежний текст, чтобы вписать новый. Отсюда и название «прачечная»

«Прачкой» была Эмма, студентка-медичка, голубоглазая девушка с огромной золотистой косой. На самом деле ее звали Марией. Когда-то, кажется, в четырнадцатом году, в большевистской газете были напечатаны ее стихи за подписью «Эмма Алисина». Так мы ее и называли в подполье... Она была искусная «прачка». Могла «выстирать» любой паспорт, любую метрику, любую справку. Пользовалась какими-то только Просмушкину и ей известными химикалиями, которые типографскую краску не трогали, а чернила и тушь слизывали, будто их и не было... И знаете, где она все это проделывала? В комнате, которую снимала у своей бывшей гимназической классной дамы, дочери симферопольского протоиерея. Надежное выбрала место!..

А как она ловко подделывала подписи! Ведь документ нужно не только заполнить, но и подписать. Да так, чтобы подписи поверили. Эмма была на это великая мастерица. Она подписала как-то за военного прокурора «вызов на допрос». Наши боевики, переодетые стражниками, явились с этой бумагой в тюрьму. Идут к начальнику. «Вот,— говорят,— приказано доставить на допрос к прокурору таких-то и таких-то по списку». Начальник читает бумагу. К нему и раньше такие присылали. Все в ней по форме, печать приложена, подпись знакомая. Приказывает вывести заключенных согласно списку, сдать их конвою. Провели всю эту процедуру, откозырял старший стражник начальнику тюрьмы, начальник — старшему стражнику. Конвой под



1920 год. «Эмма» — Мария Кубанцева.

ружье, заключенные в середине. Вышли в таком порядке на улицу, и только их всех и видели... Потом шло по этому делу следствие, и прокурору предъявили «подписанную» им бумагу. Он сказал, что подпись действительно его, но документ этот он видит впервые...

Сколько подпольщиков жило по паспортам, «выстиранным», заполненным и подписанным нашей Эммой! Сколько солдат удрало от Деникина с ее «отпускными свидетельствами» в кармане!.. Сколько парней избежало мобилизации, предъявив Эммины «освобождения от воинской повинности»!.. Лишь сама не уберeглась. Схватила ее контрразведка. Это случилось уже при Врангеле летом двадцатого года. Все мы считали, что пропала наша Эмма. Из лап врангелевской контрразведки редко кто вырывался... А она спаслась. Симулировала безумие, осталась жива... Но знаете что, пусть сама Эмма расскажет вам об этом. Она здесь, в Москве. Запишите: Мария Александровна Кубанцева, врач Краснопресненского психо-невралгического диспансера... Да, ирония судьбы: бывшая «сумасшедшая» стала психиатром. Вот ее телефоны: домашний и служебный...

...И вот передо мной Эмма. Ей не двадцать, как было в ту пору, ей на тридцать семь лет больше. Нет золотой косы. Но глаза не постарели. И голос совсем молодой.

— Узнаю милую Катю! Это она вас направила по моему следу? И, конечно, наговорила про «смелую, бесстрашную, героическую Эмму»... Она еще лет двадцать назад напечатала в «Комсомольской правде» заметку, которую так и назвала: «Бесстрашная Эмма». А я никакая не бесстрашная. И то, что произошло в контрразведке, не было подвигом. Это была борьба за жизнь. Мне не хотелось, понимаете, умереть. Я знала о судьбе наших комсомолок Жени Жигалиной и Фани Шполянской, попавших в контрразведку: их убили. Я хотела выжить. Обидно было уходить из жизни, когда красные войска уже стучались в ворота Крыма.

Шла третья неделя, как я угодила в контрразведку. Были уже и уговоры и шантаж, побои и пытка жаждой. Я тупо, монотонно тянула свое: «Это какая-то ошибка. У вас ложные сведения... Отпустите меня». Кажется, на восемнадцатый день рядом с моим следователем появился человек, которого я знала. Это был провокатор, обманувший наше доверие, выдавший многих из нас. Он сидел спиной ко мне и говорил, не поворачивая головы, словно боялся, что я плюну ему в лицо. Он говорил: «Эммочка! Игра закончена. Расскажи, куда ты спрятала свои игрушки. Они тебе больше не понадобятся... Расскажи про прачечную. Про Спера. И тебя отпустят к папе с мамой». А я ему в ответ все свое же: «Вы меня с кем-то путаете. У вас была знакомая прачка Эмма? Она потерялась? Ищите ее. А я Мария Кубанцева, студентка медицинского факультета. Мария Кубанцева. И никакого Спера не знаю». Говорю так, но понимаю, что петля вокруг меня стягивается. Нужно что-то придумать. Нужно выложить какую-то последнюю карту. И я решилась! Передо мной возникло одно воспоминание детства. В нашем доме жила женщина, про которую говорили: «Буйнопомешанная». Она начинала вдруг кричать, заламывать руки, бросаться на родных. Вызывали карету из сумасшедшего дома. И вся улица сбегалась смотреть, как ее, растерзанную, окровавленную, вопящую, тащат через двор дюжие санитары...

Ночью я порвала на себе рубашку, расцарапала лицо, размазала кровь по всему телу, распустила свои длинные волосы, которых было у меня тогда чуточку побольше, чем сейчас... И вот в таком виде, полурусалкой-полуведьмой предстала утром перед надзирателем. Как только он открыл дверь в камеру и переступил порог, я кинулась к нему с криком: «Жоржик, любимый!» — и повисла на шее. Он пхнул меня коленом в живот, отбросил к стенке и ударил каблуком по голове. Весь день я бесновалась, плакала, хохотала, выла по-собачьи, пела, стонала, декламировала, скребла ногтями штукатурку, плевала в каждого, кто входил ко мне. Словом, проделывала все, что, по моему тогдашнему представлению, должен был проделывать буйнопомешанный. Вообще-то говоря, долго симулировать сумасшествие невозможно. Рано или поздно симулянт будет разоблачен. Теперь я это знаю... Но тогда, неопытная девчонка, оказавшись в отчаянном положении, я ринулась головой в омут. Была не была! Авось, и выскользну из петли...

Я боялась экспертизы. И она явилась. В камеру в сопровождении офицеров-контрразведчиков вошел высокий, грузный старик. О, я сразу узнала его! Это был известный в Крыму профессор, главный врач губернской психиатрической больницы, крупный авторитет в своей области. Я училась с его дочерью, моей тезкой, в одной гимназии, была у них как-то в доме, и старик видел меня. Узнал ли он сейчас подругу своей дочери? Во всяком случае, виду не показал. Забившись в угол, я сидела на корточках и, по-восточному сложив ладони лодочкой, громко молилась на каком-то только мне известном языке... Профессор нагнулся и заглянул мне в глаза, намереваясь, видимо, проследить мои зрачковые рефлексы. Я рванулась к нему навстречу и лязгнула зубами, будто желая укусить. Но старик придержал меня за плечо. «Девочка,— сказал он.— Не надо так. Успокойся, милая».

И в том, как он произнес эти несколько слов, и в прикосновении его теплой ладони мне почудилось вдруг какое-то особое сочувствие. Но, может быть, подумала я тут же, это лишь обычное проявление врачебной гуманности. «Ну что ж,— сказал профессор, обернувшись к офицерам, — вы ждете от меня заключения? — При этих словах я внутренне замерла.— Но, к сожалению, мне сейчас трудно в точности определить характер заболевания. Возможно, это острый приступ преждевременного слабоумия. То, что носит латинское название «деменция прекокс». А вероятен и тяжелый реактивный психоз, возникший, как ответное состояние на некую сильную психическую травму... Ну, скажем, такую реакцию мог вызвать страх. Да, господа, страх!» И старик, знаете, очень выразительно развел при этом руками: что ж, мол, поделаешь, такова кругом обстановочка... «А не считаете ли вы, доктор, что девчонка ломает комедию?» — спрашивает один из контрразведчиков. И профессор отвечает: «Факт симуляции можно проверить только в больничных условиях...» «Сколько же вам потребуется времени, чтобы вынести окончательное суждение?» «Не меньше двух недель». «Хорошо, забирайте!»

Так я оказалась в сумасшедшем доме. Сначала меня положили в общую палату для буйных или, как говорят психиатры, беспокойных больных. А потом профессор распорядился перевести меня в изолятор. Я не понимала, почему он это сделал. Ведь в изолятор клали только в самых тяжелых случаях. Неужели я так удачно симулирую, что старик счел меня «трудным случаем»? Попав в изолятор, я вздохнула полной грудью. В общей палате я постоянно находилась на виду у всего персонала и чувствовала, как каждая струнка во мне напряжена до предела. Кроме того, ужасно действовали на психику все эти буйные. А тут, в изоляторе, одиночество, тишина, покой. Дежурит одна санитарка. Она лишь изредка подходит к двери и смотрит в глазок, как ведет себя больная. Мелькнула мысль: не потому ли перевел меня сюда профессор, чтобы я оказалась в одиночестве, чтобы за мной наблюдало меньше глаз? Значит, он изолировал меня не потому, что поверил в мою симуляцию, а потому, что считает меня здоровой. Значит, догадался...

Но во время своих ежедневных утренних обходов палат и изолятора профессор вел себя со мной, как и со всеми прочими больными, и ничем не выдавал своего особого отношения ко мне. Однажды он пришел в изолятор со студентами и, демонстрируя им меня, сказал: «Перед вами, господа, типичный случай «деменции прекокс» в тяжелой форме. Отметьте себе, что при этом заболевании не обязательна постоянная высокая возбудимость. В состоянии больного возможны различные фазы...» И мне показалось, что он говорил это не так для студентов, как для меня. Он вроде давал мне знать, что им уже установлен окончательный «диагноз», который требовали от него в контрразведке, и одновременно как бы инструктировал меня: веди себя спокойней.

В ту же ночь, во время дежурства санитарки Наташи Вернигора, ко мне в изолятор спустилась дочь профессора, моя гимназическая подруга Маша. Она жила с отцом тут же, при больнице, в квартире на верхнем этаже. Пришла Маша и сказала: «Папа все понимает. У папы были ваши люди... Он прислал тебе вот эту книгу». И, положив на койку томик Флобера, выскользнула из изолятора так же бесшумно, как появилась. Но санитарка ее, конечно, видела. В томике, оставленном Машей, оказалась моя любимая «Госпожа Бовари». Но откуда профессору известно, какие книги любимы мной? Нет, это просто совпадение. Попался под руку Флобер, прислал Флобера. А потом меня осеняет: госпожу Бовари зовут Эммой, и я в подполье тоже «Эмма». Так вот, старик, посылая мне «Госпожу», словно говорит: «Я все знаю про тебя, я даже знаю твое тайное, подпольное имя. Верь мне!» Да, теперь я вижу, что это мой настоящий друг, мой союзник.

Но, кроме главного врача, есть в больнице другие врачи, есть фельдшеры, сестры, санитарки. Люди разные... Среди них может быть и агентура контрразведки. Я не забывала об осторожности. Приглядывалась к персоналу, дежурившему в изоляторе, и особенно к санитаркам: они ведь ближе всего к больному. Одна из них, Наташа Вернигора, определенно нравилась мне. Простая, бесхитростная деревенская девушка, добродушная и заботливая, как-то очень легко, весело исполняющая свою трудную работу. А вот другая санитарка, Зойка, была мне не по душе. Я то и дело ловила ее злой, подозрительный взгляд. Но я уж зато и изводила эту Зойку, вовсю буйствуя на ее дежурствах. Ах, подозреваешь? Так на ж тебе!

Часто наведывалась в изолятор старшая фельдшерица Мария Васильевна Бабушкина, женщина лет сорока пяти, тоже, видно, из крестьянок, с говорком на «о». Со мной была ласкова, внимательна, как, впрочем, и со всеми больными. Я заметила, что ее дежурства в приемном покое всегда совпадают с дежурствами Наташи Вернигора в изоляторе. И вот как-то в полночь приносит мне Наташа халат и говорит: «Надевай, идем в дежурку. Тебя Марья Васильевна зовет чаю вместе с ней откушать. Идем, идем, не бойся!» Я думала, что санитарка шутит, что понадобилась я Бабушкиной для чего-нибудь другого. А приходим в дежурку, там действительно на столе самовар под парами, чашки расставлены, варенье на блюдечках и между прочим мое самое любимое — малиновое. Наташа привела меня, а сама ушла, оставив нас вдвоем с Марьей Васильевной. Сидим, пьем чай вприкуску, и я еще не понимаю, зачем она меня позвала. Рассказывает о своей молодости, как на гулянках гуляла, как в замужество отдавали. И вдруг без связи с остальным рассказом, словно бы невзначай: «Бывало и прокламации почитывала. Брат-то у меня тоже революционером был». Должна признаться, что сразу я как-то не оценила всего значения этой фразы. Не поставила ее в связь с именем-отчеством фельдшерицы, с ее фамилией. Да тогда, помнится, я еще и не слыхала о существовании Ивана Васильевича Бабушкина. А это была его сестра, родная сестра ученика и сподвижника Ленина! Но и не ведая пока об этом, я поняла из слов Марии Васильевны, что она мой друг. Про Наташу она сказала: «Наталья — верный человек».

Итак, отношения определились. Теперь я знала, что у меня три союзника: главный врач, старшая фельдшерица, санитарка. Особенно мы сблизились с Наташей. Забегу вперед и скажу вам, что позже, при Советской власти, я дала Наталье Вернигоре рекомендацию в партию. Там, в больнице, мы целые ночи коротали с ней — санитарка и «буйная», — беседуя о жизни. Наташа связалась с моими товарищами в подполье, приносила от них вести, которые становились все радостней. Белая армия доживала последние недели в Крыму. Потом Наташа принесла заветные мои бутылочки, чернила, перья, и в изоляторе губернской психиатрической больницы открылся филиал подпольного «паспортного стола». «Прачка Эмма» приступила к исполнению своих основных обязанностей...

Но не считаете ли вы, что мой рассказ затянулся? В Крымском подполье были личности

куда более яркие. Напишите о них. Напишите про Настеньку Блохину, про комсомолку, которая под носом у деникинцев и, можно сказать, с помощью деникинца перевезла из Симферополя в Евпаторию всю нашу партийную кассу: два миллиона рублей. В чемоданчике... Непременно разыщите Настеньку, она в Москве.



1920 год. Настя Блохина.

Саквояж с двумя миллионами

Разыскал. Сижу в одном из управлений Министерства автомобильной промышленности, беседую с Настенькой, с Анастасией Петровной Селеневич-Блохиной, инженером-механиком, «бабушкой Настей», как называет ее внучка Наташа.

— История с двумя миллионами? Господи, зачем вам такая давняя давность? Сколько лет не вспоминала я этой истории! Вот когда я работала на московском автозаводе, была там начальником главного конвейера, мне часто приходилось выступать перед комсомольцами. Рассказывала им про гражданскую войну. А сейчас что-то не приглашают. Ну хорошо, приступим к делу!

Это было летом девятнадцатого года. Белые заняли Крым. Муж мой, губернский военный комиссар, ушел с нашими войсками. А я была оставлена в тылу у деникинцев, сначала в Симферополе, а потом перебралась в Евпаторию. Но вскоре снова пришлось ехать в Симферополь. Там оставалась наша партийная касса. Место, где хранились деньги, было ненадежным, и мы решили перевезти их в Евпаторию. Кто поедет за деньгами? Подполье только формировалось, людей было мало. Вот я и вызвалась. Был тут, правда, некоторый риск: меня знали в Симферополе как жену губвоенкома и как работника политотдела армии. Но я ходила тогда в гимнастерке, в сапогах. А сейчас навела полный маскарад: богатое летнее пальто, шелковое платье, роскошная шляпа с перьями, вуаль, золотой браслет, медальон на груди. Товарищи посмотрели, говорят: «Ты, Настенька, неузнаваема, поезжай». Взяла саквояж и тронулась в путь.

Я и туда ехала в фаэтоне и обратно в фаэтоне. Но только поездка в Симферополь прошла без всяких происшествий. А возвращение в Евпаторию оказалось сплошным приключением.

В Симферополе я довольно быстро разыскала нужных людей. Чуть-чуть, правда, не угодила случайно в облаву, но отделалась легким испугом. Выкопали мы зарытые в землю деньги, пересчитали — два миллиона! — и я уложила их пачками в саквояж. Он оказался вместительным, этот маленький саквояжик, оставалось еще место, и я поверх денег положила немного белья, а поверх него бутерброды на дорогу. Фаэтоны обычно отправлялись в Евпаторию с базарной площади: там была их постоянная стоянка,— и я ранним утром пошла на базар. Саквояж в руке, в саквояже деньги, настроение чудесное!

На стоянке фаэтонов было много пассажиров. Я оглядывала людей, чтобы выбрать себе подходящего спутника. Вот дама с мальчиком в гимназической форме. Я подошла к ней, предложила сесть в один экипаж. Она охотно согласилась, сказав, что едет лишь до Сак. «Вот и хорошо,— подумала я,— потом останусь одна». В это время я почувствовала на себе чей-то пристальный взгляд. Обернулась: моложавый подполковник. Заметив, что я оглянулась, вытянулся, покорно склонив голову. Знакомый? Но у меня нет знакомых подполковников! Кто же он?

Вскоре фаэтоны, набрав пассажиров, один за другим тронулись в путь. Вслед за нашим ехал экипаж, в который сел подполковник. Я заметила это на стоянке... Спутница у меня оказалась разговорчивой, я тоже не принадлежала к числу молчаливых, и мы громко болтали и еще громче смеялись. День был нежаркий, ночью прошел дождь, прибил пыль, дышалось легко, и, в общем, все было хорошо.

В Саках мы расстались с моей милой спутницей, женой местного врача. Я проводила ее немного и собралась уже снова занять место в фаэтоне, как навстречу шагнул подполковник. «Мадам»,— начал он. «Мадемуазель»,— поправила я. «Вы, мадемуазель, остались, кажется, в одиночестве.» «Да, моя спутница, к сожалению, сошла». «Не могу ли я,— он элегантно поклонился, — восполнить эту утрату?» И тут какой-то бес взыграл во мне. Я решила, что будет забавно, если оставшийся путь мой саквояж с партийными деньгами проделает под охраной подполковника. «Прошу вас»,— сказала я. И он сел в мой фаэтон.

Мы познакомились. Он петербуржец, а сейчас стоит со своим полком в Симферополе, едет в Евпаторию на один день в командировку. Я назвалась дочерью саратовского помещика. Окончила гимназию, живу пока в Евпатории у тетушки, ездила в Симферополь узнавать, когда начнутся занятия в университете. «И что же вы везете в подарок своей тетушке?» — спросил подполковник, показывая на мой саквояж. «К сожалению, я не успела походить по магазинам... — сказала я. — Но очень хорошо, что вы напомнили о моем багаже. Тут есть кое-что и для вас». «Любопытствую!» Я раскрыла саквояж. Там лежали бутерброды. Деньги были ниже, под бельем... «О, это весьма кстати. Я голоден, как волк. Утром не позавтракал и ничего с собой не взял». «Все мужчины ужасно беспечны», — сказала я и протянула ему бутерброд с куриной котлетой. Потом второй, третий... Он проглотил их, не мигнув, что называется, и глазом. Да, не знала я вчера вечером, кому готовлю пропитание... «Благодарю эти маленькие, нежные ручки!» — сказал сытый подполковник и поцеловал мне руку выше перчатки. И я подумала в эту минуту: как бы он выглядел, узнав, чью руку целует? Руку питерской прачки! Сказать бы ему, что в апреле семнадцатого года у Финляндского вокзала я встречала Ильича. Что была санитаркой в отряде красногвардейцев, штурмовавших Зимний. Что дралась против белых... Поцеловал бы он мне руку?..

Вот и въезд в город. Около шлагбаума солдаты. Проверяют документы, багаж у всех проезжающих. Вчера здесь не было заградительного отряда. Наверно, кого-нибудь ищут. К нашему фаэтону подходит прапорщик с двумя солдатами. Увидев подполковника, козырнул, повернулся ко мне. «Эта дама со мной»,— сказал подполковник, и нас пропустили. Теперь мы едем по городу. Проезжаем мимо гостиницы, в которой разместилась контрразведка. Не сюда ли моему спутнику? Нет, едем дальше. Вот и Столыпинская улица, вот и дом № 23. Я прошу остановить фаэтон. Подполковник помогает мне сойти, он хочет взять саквояж.

«Нет, нет,— говорю,— он совсем легонький»,—и прижимаю его к груди. «До встречи в Симферополе!» — откланивается подполковник. «Непременно!» — говорю я. А через секунду уже взлетаю по лестнице и распахиваю дверь в квартиру, где меня ждут товарищи.

Вот и вся история с двумя миллионами...

* * *

Екатерина Ивановна Гордиенко-Григорович. Мария Александровна Кубанцева. Анастасия Петровна Селеневич-Блохина.

Три пожилые женщины.

Мы встречаем таких в магазинах, в метро, в фойе кино, просто на улице. Они среди нас. Они самые обыкновенные. Подойдите к ним, расспросите об их жизни: она героическая.



1957 год. Слева направо: М. А. Кубанцева, А. П. Селеневич-Блохина и Е. И. Гордиенко-Григорович.
Фото О. Кнорринга.



Васильевка — село старинное...

О. ШМЕЛЕВ

Фото М. САВИНА.

Пожалуй, только по старой ветряной мельнице, размахнувшей свои серые руки на самой макушке холма, над селом, можно догадаться, что не вчера приглянулось людям это место. А когда идешь по сельским улицам, которые полукруглыми ступенями спускаются к озеру, думается, что совсем недавно, не далее, как год — два назад, сбежались сюда и построились в правильные порядки эти новенькие избы. Еще не овеянные как следует ветрами, не омытые дождями, они цветом точно такие, как свежий срез сосны, и кажется, сосновый дух еще не успел выветриться из стен. Впечатление молодости усиливается тем, что все избы, словно нанизанные на одну тугую нить, соединены проводами с линией электропередачи, тоже совсем новой: столбы пришагали недавно с близкой, по соседству расположенной Куйбышевской гидроэлектростанции.

Нина Кузнецова.



Между тем Васильевка, стоящая под приволжским городом Ставрополем, Куйбышевской области, — село старинное, основанное еще в 1798 году. Есть среди его жителей люди, хорошо знающие неписаную историю своего села — и давнюю и новую. Есть, как и во всяком русском селе, такие старички, что любят тихим летним вечером, сидя на нагретой за день завалинке, вспомнить на людях прошлое. Вздохнет старичок, прищурится, скажет: «Э, разве нонче пшеница! Вот в тогдашние времена была — не сравнять...» А молодые парни слушают, слушают эти речи, и кто-нибудь из них спросит, подмигнув товарищам: «Дед, а солнце тоже, говорят, раньше лучше светило?» Тогда дед, осердясь, вскинет бороду и закричит: «Дурень! Я это к тому говорю, что мне в мою молодость хлеб слаще был, потому как доставался туже. Поковырял бы землицу сохой да на корове, а не на тракторе — посмотрел бы я на тебя!»

Нелегким был путь к зажиточности у васильевских колхозников, не сразу пришли они к миллионным доходам. Колхоз «Путь Ленина» начал крепнуть с приходом Ивана Григорьевича Маштакова, вот уже десять лет бессменно выбираемого на пост председателя. 560 дворов стоит сейчас в Васильевке, а было время — насчитывалось едва сто. Уходили отсюда люди в поисках лучшей жизни, а в последние годы повернулось наоборот: прошлым летом правление вынуждено было отказаться от приема в колхоз новых членов: земля уже не позволяет.

...Зима на исходе, но светает еще поздно. На работу выходят в темноте.

Возле правления на Коллективной улице перемигиваются цигарками колхозники. В председательском кабинете, ярко освещенном сильными электрическими лампами, людно, дымно: идет распределение нарядов на день. Ивану Григорьевичу, парторгу Михаилу Федоровичу Фадееву и другим коммунистам — их в артели тридцать четыре человека — давно не приходится убеждать колхозников отправляться на работу. Сами приходят, обижаются, когда нужно ждать, терять время. Это и понятно: за прошлый год по девять рублей деньгами, по четыре килограмма зерном выдали на трудодень да еще кое-что дополнительно. Говорят, на нынешний год запланировано еще больше...

Вышла из своего дома молоденькая Нина Кузнецова, сакманщица. Так называют тех, кто ухаживает за овцами с ягнятами. Торопятся на ферму свинарки Надежда Шишкина, Люба Степанова, Таня Нестерова.

В январском обращении ЦК партии и Совета Министров СССР Куйбышевская область была названа в числе тех, которые плохо выполняют план заготовок и поставок мяса. Животноводы колхоза «Путь Ленина» в отставании области не повинны: у них дело ведется неплохо, недаром районный слет молодых передовиков животноводства устраивали в Васильевке.

...Вот и солнце взошло. На бугре, возле мельницы, визжит пилорама, сверкают над грудой толстых сосновых бревен ясные лезвия топоров в руках плотников.

Со всего района съехались в Васильевку на слет молодые животноводы.

Пусто в гараже: все колхозные грузовики, числом одиннадцать, в разъезде. Только одинокий серый «ЗИМ», бесполезный на заметенных снегом сельских дорогах, стоит в своем каменном стойле.

Пробежали по улице санки, остановились, окруженные ребятами. Это киномеханик Николай Петрович Михалкин привез ленты. Вечером клуб станет самым оживленным местом в селе. Правда, тесно, душно в старом клубе, но теперь, кажется, осталось недолго ждать и до нового. Каменные стены стоят давно, правление обещало скоро доделать клуб окончательно...

Важно идет по селу колхозный электромонтер Саша Сорокин, с «кошками» через плечо, перепоясанный широким, как у пожарника, брезентовым поясом с металлическими ушками. Он ищет, где бы что починить, но чинить особенно нечего, линия проведена недавно. Правда, вон бабушка Александра Васильевна Демина нашла, видно, какую-то неисправность, зовет электромонтера...

Возле дома Алексея Васильевича Никулина, ушедшего на покой, — шум, ребячьи голоса. Это школьники пришли помогать ему по хозяйству. В сторонке стоит маленькая девочка.

— Как зовут тебя?

— Татьяна Николаевна Герасимова, — солидно отвечает пятилетняя гражданка села Васильевка...

Сегодня, в день выборов в местные Советы, первыми придут голосовать, наверное, люди старшего поколения, и это понятно: они, старики, народ мудрый, всякое испытали в жизни и лучше любого молодого могут оценить перемены, происшедшие в селе.



С лесистого берега озера, как на ладони, видна Васильевка.



Электромонтер свой, колхозный. Саша Сорокин сделает все так, как говорит хозяйка Александра Васильевна Демина.

Комсомольцам перед выборами скучать не приходилось. Заглянут в агитпункт на минутку — и к избирателям. На снимке: секретарь комсомольской организации Леонид Головин и учительницы Васильевской средней школы (слева направо) Юлия Зеленова, Александра Муравьева и Александра Андронова.





К Алексею Васильевичу Никулину столько помощников пришло, что сразу для всех и работы не придумаешь.





Татьяне Николаевне Герасимовой от роду пять лет.

Строктели Илья Перфильевич Панин (сидит) и Матвей Григорьевич Башкиров устроили перекур. Да и топорам надо дать отдохнуть.



Когда киномеханик Николай Петрович Михалкин привозит новую картину, нет ему отбоя от ребятишек.

По семейным обстоятельствам

Рассказ

Наталья ДАВЫДОВА

Рисунки В. ВЫСОЦКОГО.



Если надо было ехать читать лекцию в район и никто не соглашался ехать, если было известно, что аудитория трудная, а тема неинтересная, посылали Аню Кравченко. Там, где другие решительно отказывались или умели отщутиться, уговорить, Аня только обижалась и соглашалась.

Начальник литературной секции городского лекционного бюро, где работала Аня, Веткин хорошо относился к ней, да и вообще был прекрасным человеком, но он вечно спешил, опаздывал и изнемогал под бременем дел, которые он взвалил на себя и которые, казалось, прибили его к земле и иссушили.

Это был маленький, худенький человек, узкоплечий и буйно курчавый. Издали его можно было принять за мальчика. Но вблизи он казался старше своих сорока лет, усталый, озабоченный человек с нездоровым цветом лица, окруженный облаками папиросного дыма. Странным контрастом с внешним обликом Веткина был его зычный, разработанный голос лектора.

Несомненно, что Веткин был слабохарактерным, потому что лучшие путевки у него вытягивали наиболее напористые лекторы. На руках у Веткина оставались самые неудобные путевки, он либо ехал и читал лекции по этим путевкам сам, либо звонил Ане и говорил: «Выручайте». И Аня выручала.

Так было и на этот раз. Аня приехала в лекционное бюро. Веткин встретился ей на лестнице, ухватился за ее рукав и закричал:

— Анна Ивановна, вся надежда на вас! Горит путевка, выручайте!

Аня вздохнула и спустилась на две ступеньки, чтобы Веткину не приходилось вставать на цыпочки, разговаривая с нею.

— Скажу прямо, путевка на завтра, на утро, и довольно далеко. Но мы узнавали, поезда идут так, что вы обернетесь до вечера совершенно свободно... И от станции близко.

Все было знакомо: и заверения, что от станции близко и что железнодорожное расписание составлено безупречно.

Ане очень хотелось отказаться, сказать бы: «Не поеду, почему всегда я? Есть другие лекторы, кроме меня. Можете их посылать».

Мало ли в какой форме можно было показать Веткину, что довольно на ней выезжать, хватит! Но вместо этого Аня вздохнула, сказала, что поедет, и даже поблагодарила Веткина за что-то.

Веткин сказал:

— Должна была читать Герасимова, но в последний момент оказалось, что она не может. По семейным обстоятельствам.

Веткин говорил это, улыбаясь, и он и Аня знали, что никакие семейные обстоятельства не мешают Герасимовой ехать: наверно, свидание, или театр, или еще что-нибудь. Ане нередко приходилось читать лекции вместо Герасимовой.

Веткину захотелось порадовать Аню. Он сказал:

— Да, Анна Ивановна, вы у нас самый исполнительный лектор. Я всегда это говорил. Зато в следующем месяце, клянусь, все лучшие путевки — ваши. К старшеклассникам, в институты. И в центре города. Первая будете выбирать, как придут заявки.

И он благодарно потряс Анину руку и с раскаянием заглянул ей в глаза, потому что хорошо знал, что в будущем месяце повторится то же самое.

— Ой, ой, ой! — Веткин сморщился, посмотрев на часы. — Черт возьми!.. Желаю успеха,— сказал он и поскакал по лестнице вниз.

Аня медленно пошла наверх по лестнице, почему-то обильно уставленной зеркалами, не глядя ни в одно из них. Аня считала, что ей смотреться в зеркало нечего — это для Герасимовой.

А ехать, видно, придется далеко, завтрашний день потерян.

Взяв у секретаря путевку, Аня вышла из лекционного бюро на улицу.

Она не спешила. Перед витриною новинок стояли люди. Аня тоже подошла, посмотрела. Большая, сложная овощерезка была ей не нужна: Аня не занималась хозяйством. Стиральную машину давно хотелось купить в дом. Был выставлен еще особенный календарь на вечные времена, электрополотер новой конструкции. Электрическая бритва, авторучки. Все это хорошо было бы купить и подарить кому-нибудь. Но дарить было некому, и Аня отошла от витрины.

Домой она не торопилась. Что было делать дома? Предстоял длинный одинокий вечер. Такой, как вчера, и позавчера, и завтра. Подруги Ани после университета разъехались, а новые друзья почему-то не заводились. Писем Аня получала много, но по телефону ей никто не звонил, кроме Веткина.

Аня не могла бы объяснить, почему ей дома все в тягость. Ее раздражали внимательность матери, ее вопросы:

— Что с тобой? У тебя неприятности? Опять тебя посылают в район, почему всегда тебя?

Вопросы были участливые, но Аня сердилась и отвечала:

— Это — мое дело.

Отец веселыми и чересчур частыми шутками старался прикрыть неловкость, которая возникала в семье из-за угрюмости Ани. Отец шутил, бабушка вздыхала, мать сдерживалась, чтобы не задавать вопросы, и только маленький брат, который ко всем приставал, приставал, конечно, и к сестре.

Аня вернулась домой и дома сделала все, чего делать была не должна. Она сердито отмахнулась от брата, просившего прочитать о Буратино, книгу, которую он знал наизусть, съязвила бабушке по поводу супа, котлет и киселя и, забыв поздороваться с отцом, ушла к себе в комнату.

Ей хотелось побежать извиниться. Она знала, что все обрадуются, потому что они добрые, легкие люди, а она одна портит всем настроение.

«Ну и пускай,— в следующую минуту думала Аня,— я ничего плохого не делаю. Я хочу быть одна. Я не хочу, чтобы на меня смотрели так, как будто у меня горе или меня обижают. Меня никто не обижает».

Ей вспомнились слова Веткина: «Вы у нас самый исполнительный лектор»,— вспомнилась Герасимова с веселыми глазами. «По семей-

ным обстоятельствам». Аня не терпела лжи, не понимала, как можно сказать неправду, не выполнить обещания, опоздать. Она ни разу в жизни никуда не опоздала.

Протянув руку, Аня взяла со столика зеркало и посмотрела на себя. У нее было смуглое лицо без румянца, серьезные серые глаза, большой лоб. Русые волосы были собраны сзади в небольшой пучок, а спереди была косая челка, которая очень не шла Ане. Но челка была данью моде, подражанием Герасимовой и попыткой улучшить свою внешность, то есть ухудшить, закрыть большой и красивый лоб.

Аня была коренастая и по-мужски плечистая. Туфли она носила без каблуков. Карманы ее темного мешковатого костюма были обычно набиты всякой всячиной, как у мальчишки. Ключи, блокноты, карандаши, какие-то штучки вроде футлярчика с грифелями бренчали в ее карманах. Сумкой Аня не пользовалась. На костюм она всегда привинчивала свой университетский значок.

Аня сняла жакет, легла на диван, набросила халат на ноги, закрыла ухо подушкой и, не раздеваясь, заснула.



А в соседней комнате, боясь включить радио, сидели за столом бабушка перед горкой составленных грязных тарелок, брат с желтой книжкой о Буратино на коленях и отец, который обедал, читал газету и шутил, что он, слава богу, не холостой студент, чтобы обедать в одиночестве, поэтому пусть все сидят с ним за столом. Это была старая, престарелая шутка отца, повторявшаяся ежедневно уже много лет. А мать сидела рядом и думала о том, что Аня скучает, никуда не ходит, и ей было обидно за дочь.

На следующее утро Аня сообщила, что уезжает до вечера читать лекцию за город.

Мать всплеснула руками:

— Анечка, опять! Почему ты соглашаешься? Ведь для этого есть областное бюро, наконец. Честное слово...— начала она, но, взглянув в лицо дочери, осеклась.

— Читать лекции — это моя обязанность. Кроме того, деньги нам нужны. Так что нечего возмущаться. А вы меня не ждите только, ложитесь спать. Я могу задержаться: это далеко. — Потом, сообразив, что так разговаривать с матерью нехорошо, Аня добавила: — Не надо беспокоиться. Веткин попросил меня. Надо было его выручать. И вообще, как я могу отказываться от лекций! Съезжу и прочитаю. Ты понимаешь?

Мать все понимала. Она погладила Аню по голове.

— Да, да. Я тебя буду ждать.

Через час Аня села в гулкий, полупустой поезд. Потопала промокшими на вокзале валенками и стала смотреть в окно. За окном были северные прозрачные лесочки и бревенчатые домики, которые убегали, как недосягаемые видения.

Аня сошла на маленькой платформе. Дежурный по станции сказал, что надо идти сперва через лес, потом начнутся улицы поселка, там столько-то раз направо-налево — и она легко найдет общежитие ремесленного училища, которое обозначено в ее путевке.

В бревенчатом доме, в большой комнате, где топилась печка, вокруг Ани собрались ребята, подвигали стульями, пошептались и затихли.

Голос у Ани был глуховатый, негромкий, но лекции она читала хорошо. За три года работы она научилась главному — говорить просто. Она умела пошутить — ее лекции нравились.

Ей посчастливилось завладеть вниманием ребят, и тотчас же ей самой сделалось интересно, и она уже старалась вовсю и забыла, что старается. Высеклась какая-то искра между нею и слушателями, лекция перестала быть лекцией в прямом и, будем откровенны, несколько скучном смысле этого слова, и можно было не смотреть на часы.

Когда Аня кончила отвечать на вопросы, за окнами уже было темно.

Два мальчика пошли провожать Аню на станцию. Они оказались очень любопытными, и Аня должна была ответить им, сколько и где она училась, какие еще может читать лекции, трудное ли это дело, всем ли оно доступно. Мальчики спрашивали, бывает ли так, что она не может ответить на вопрос и «садится в калошу», сколько ей лет, какая у нее семья, знает ли она математику и физику.

Потом подошел поезд, похожий на случайного важного гостя на этой маленькой деревянной станции, и Аня села в вагон.

Две темные фигурки остались на платформе в нечетком кругу света от единственной качающейся лампочки. Любопытные слушатели! Аня помахала им рукой, но они уже не могли ее видеть.

Вагон был пустой, ни одного человека. Аня села на скамейку, почувствовала, что устала.

Поезд шел и стучал, громыхал железом, как старый дом с неисправной крышей в плохую погоду.

Аня сидела в углу скамейки и думала о мальчиках, которые ее провожали, о том, что лекция сегодня была удачной, — черт с ним, с Веткиным, не стоит обращать внимания!

Поезд остановился, в окна влетел свет от станции, стукнула дверь, и чей-то голос негромко произнес:

— Пустой вагон, вот так штука!

Вошел моряк, в ушанке, с красным от мороза лицом. Он остановился посреди вагона, огляделся и заметил Аню.

— Все-таки есть живая душа,— приветливо сказал он,— не так тоскливо будет ехать.

Аня ничего не сказала. Выражение ее лица не предвещало моряку веселой поездки.

— Я здесь бывал на лыжах,— моряк ткнул рукой в сторону окна,— хорошие места. Вы разрешите? — спросил моряк вежливо и сел напротив Ани на скамейку.

Аня пожала плечами: мол, скамейки свободные, но лучше бы вам сесть куда-нибудь подальше,— отвернулась к окну и стала внимательно смотреть в темноту.

— В гости ездили? — услышала она.

— Нет.

— А зачем же?

— Лекцию читать.

— Лекцию?— удивился моряк.

Лицо у моряка было широкое, глаза маленькие и нос маленький, а подбородок раздваивался.

Посмотрев на Аню круглыми, в ободке прямых черных ресниц глазами, моряк сказал:

— Вы часто ездите за город читать лекции?

Аня сдавленным голосом ответила, что часто. Ей было неприятно, что вагон пустой и приходится разговаривать с незнакомым человеком. Конечно, можно было встать и перейти в другой вагон, но она осталась сидеть.

Моряк замолчал, заметив Анино недовольство. Теперь было видно, что он тоже смущается. Он покашлял, потер щеки. Придвинулся к окну и сообщил, что идет снег.

— Да, снег,— поддержала разговор Аня.

— И сильный,— сказал моряк.

Потом моряк снял шапку, у него оказались густые, как будто склеенные, гладкие черные волосы. Он вынул портсигар, постучал по нему двумя пальцами, спросил Аню: «Вы разрешите?» — и закурил.

Трудно было определить, сколько моряку лет. Его лицо было как будто очень молодым, почти детским, но порою оно выглядело суровым и взрослым.

— Вот едем,— улыбнулся моряк,— да еще вдвоем в пустом вагоне. Даже странно. Надо

все-таки познакомиться. Разрешите представиться: Кондратьев Сергей.

Кондратьев учился на последнем курсе военного вуза.

— А вы? — с улыбкой спросил Кондратьев.— Вы, наверно, очень ученая, раз вы читаете лекции?

Аня сказала, что кончила университет и работает в лекционном бюро.

Кондратьев был вежлив, серьезен и очень стеснялся. Это понравилось Ане, и она даже начала улыбаться. А когда Аня улыбалась и убирала со лба свою косую челку, она становилась хорошенькой. Во всяком случае, ее случайный попутчик заметил это и сказал:

— Как это вас, такую хорошенькую девушку, отпускают одну?

Аня нахмурилась. Но молчать ей не хотелось, и она спросила, какая следующая станция.

— Не знаю, — ответил Кондратьев. — А вы любите ходить на лыжах?

Аня ответила, что ей не приходится. Кондратьев рассудительным голосом стал говорить, что это неправильно и надо ходить на лыжах. Аня подумала, что он, небось, отличник, из образцово-показательных и очень молодой.

А вслух она немного раздраженно сказала:

— Что значит неправильно? И что значит надо? А что такое работа, вы понимаете?

Кондратьев улыбнулся:

— Я во флоте. И не первый год. В общем знаю.

— Вы были на фронте?

— Да,— ответил Кондратьев.

Поезд остановился, в вагон вошли люди, и с этой минуты разговор между Аней и Кондратьевым уже не прекращался. Кондратьев действительно оказался отличником.

— У вас на лице написано,— засмеялась Аня.

Пока они торопливо выясняли, кто что любит и какие у кого друзья, поезд шел, останавливался и шел. И они еще очень мало успели рассказать и выяснить, как поезд окончательно остановился. И из вагона, где они вначале ехали вдвоем, вместе с ними вышло довольно много людей.

— Молодец тот человек, который послал вас читать лекцию сегодня,— сказал Кондратьев, и Аня засмеялась, вспомнив Веткина.

— Нет, он вообще не молодец,— сказала она.

— Завидую вам,— сказал Кондратьев,— придете сейчас домой. Вас ждут. Вы понимаете, какая вы счастливая?

— Очень счастливая! — усмехнулась Аня.

— Не понимаете. С чего вам понимать?

— Почему вы так говорите? — удивилась Аня.

— Для этого надо быть бездомным.— Кондратьев помолчал.— Только и всего. А завтра у вас опять лекция?

— Нет, лекции нету.— Аня запнулась.— Завтра концерт в филармонии,— быстро проговорила она и почувствовала, что у нее взмокли ладони. Ей было стыдно: получилось, что она назначила свидание,— и ей очень хотелось, чтобы Кондратьев не расслышал ее слов.

Они шли по площади к остановке троллейбуса.

В первый троллейбус Аня не села: он показался слишком полным.

— Нет сидячих мест, безобразие,— растерянно сказал Кондратьев и потер щеку. — Подождем следующего, не возражаете? Собственно, я хотел...

Подошел свободный троллейбус, больше пропускать было неудобно. Аня быстро поднялась по ступенькам и остановилась на площадке.

— Спасибо, до свидания! — негромко крикнула она.

Троллейбус тронулся.

— Как же вы так быстро уезжаете? — услышала Аня.— Всего хорошего. Завтра приду.

Или ей послышалось: «Завтра приду»?

Аня посмотрела в окно и увидела только здание вокзала, надписи «Багаж» и «Ресторан».

Кондукторша подала Ане билет и спросила, который час. Было около десяти.

Аня подумала, что завтра в филармонию ей нечего надеть. «Вы счастливая»,— сказал Кондратьев. Аня никогда не считала себя счастливой. «Для этого надо быть бездомным». Аню дома ждут. Она представила себе, как отец сидит над кроссвордом, которые она раньше всегда помогала ему решать, и, все пытаясь шутить, говорит: «Товарищи, кто отгадает реку, тому плачу рубль».

А брат кричит: «Волга, Нева!..»

Больше он не может вспомнить никаких рек, а ему очень хочется получить рубль.

Мама гонит брата спать. А брат хнычет: «Подожду Аню», — хотя совершенно неизвестно, зачем ему нужно ее ждать.

А бабушка произносит излюбленную фразу: «Хорошие мальчики давно спят. Хорошие мальчики давно вымылись на ночь и крепко спят».

Но брату безразличны хорошие мальчики.

Аня улыбнулась, представив себе, что делается дома.

Улыбаясь, она позвонила и сразу же услышала крик брата: «Аня пришла!» — и вошла в переднюю.

Брат повис у нее на шее. Бабушка сказала:

— Хорошие мальчики давно спят, я кому говорю? — И схватила брата за руку.

— Оставь Аню в покое! — сказала мать. — Видишь, она устала с работы.

— Я не устала,— сказала Аня и подошла к столу, за которым сидел отец и листал журнал.

Отец спросил:

— Как прошла лекция?

— Хорошо.

Раздался телефонный звонок.

— Да, — сказала мать, — тут без тебя звонил Веткин. Просил завтра вечером прочитать лекцию где-то. Это, наверное, опять он звонит.

— Завтра? — переспросила Аня.— Я не подойду к телефону. Скажите, что меня нет дома. И скажите, что я завтра не смогу читать лекцию. По семейным обстоятельствам.





Лирика

Ксения НЕКРАСОВА

НА УРАЛЕ

Лежало озеро
с отбитыми краями...
Вокруг него березы трепетали,
и ели, как чугунные, стояли,
и хмель кусты перевивал.

Шел человек по берегу из леса
в больших болотных сапогах,
в дубленом буром кожухе́;
и за плечами, на спине,
как ло́скут осени, лиса
на кожаном ремне висела.

Я друга из окошка увидала,
простоволосая, с крыльца
к нему сбежала...
Он целовал мне шею, плечи, руки...
И показалось мне,
что клен могучий
касается меня листами,
сплетая стан мой
сильными ветвями.
Мы долго на крыльце стояли...

Колебля хвойными крылами,
лежит Урал на лапах золотых.

Электростанции,
как гнезда хрусталей,
мерцают гранями в долинах,
и избы, как птицы,
на склонах сидят
и желтыми окнами в воду глядят.

РУССКИЙ ДЕНЬ

И густо снег летел из туч,
и вдруг зари багровый луч
поверхность мглистую задел —
сугроб в тиши зарозовел.

Старинным серебром отяжелели
на бурых бревнах
шапки крыш.
И небеса, как васильки,
вдруг синим цветом зацвели.

И мощные стволы вздымались из снегов,
пронзая прутьями сучков
оплыв сияющих сосулек.

И восхищенный взор мой ликовал.
И удивлений дивных трепет
чуть-чуть покалывал виски —
и плакать можно,
и писать стихи...

Вон крестики сорочьих лап,
как вышивки девичьи на холстах...

И предо мной возник народ,
рожденный в ярости метелей
и от младенческих мгновений
и до белеющих седин
живущий чуткой красотою.

Храните родину мою,
ее берез не забывайте,
ее снегов не покидайте.

Продолжаем НЕОКОНЧЕННЫЙ РАЗГОВОР

Отклики читателей.

В пятом номере «Огонька» был опубликован материал «Неоконченный разговор», посвященный насущным вопросам физического воспитания в школе. Сегодня мы продолжаем неоконченный разговор, публикуя письма наших читателей. Первые отклики были напечатаны в № 7 журнала «Огонек».

Нам надо помочь

Наша школа-новостройка работает с 1953 года, она рассчитана на 440 человек, а занимаются в ней две смены — 800. Казалось бы, в новом школьном здании должны быть все условия для физкультурных занятий. Но увы! В школе нет спортивного зала, нет и соответствующего оборудования.

Сейчас школа работает по новому учебному расписанию, по которому в 8—10-х классах физкультура преподается три часа в неделю. В связи с этим мы достали план и смету на строительство спортзала. Его можно было бы выстроить прямо на территории стадиона, около школы. Мы пытались заинтересовать этим проектом руководителей Канашского вагоноремонтного завода. Написали письмо в Управление железной дороги с просьбой отпустить средства на пристройку спортзала, но нам никто не хочет помочь. Многие работы могли бы выполнить сами учащиеся, но нам нужно оборудование и стройматериалы.

Нет спортивных залов и в железнодорожных средних школах №№ 13 и 29, расположенных недалеко от нас, нет у них и спортплощадок.

Хочется еще сказать о медицинском контроле за физическим развитием детей. Один врач обслуживает несколько школ. В результате врачи почти никогда не бывают на уроках физкультуры, на заседаниях педсоветов. Прошло больше чем полгода, а врача у нас не было ни на одном уроке в 5—10-х классах.

Н. КАРГИН,
директор средней школы № 59.

Чувашская ССР,
станция Канаш.

Залов нет

О значении физкультуры очень много говорят, пишут, но «воз и ныне там». Чтобы убедиться в этом, достаточно познакомиться



В этой комнате занимаются учащиеся школы № 8 в Курске.

с развитием спорта в школах Курска. Вряд ли я ошибусь, если скажу, что во всех школах города нет физкультурных залов. Есть в лучшем случае комната для спортзанятий. Поэтому зимой такие виды спорта, как волейбол, баскетбол, из расписания занятий секций просто вычеркиваются.

В Курске часто проверяют постановку физической подготовки в школах. Это очень хорошо. Но одними советами преподавателю не поможешь. Как можно сделать ученика-десятиклассника сильным, здоровым, если ему на занятие физкультурой отведено всего 45 минут в неделю? Мне скажут: а внеклассная работа? Это правильно, но внеклассная работа основана на добровольном желании, а урок обязателен. Очень многие учащиеся и к уроку относятся недобросовестно: ведь они знают, что физкультура никакой роли при переходе из класса в класс не играет.

В. ШТРИКМАН,
преподаватель физического воспитания школы № 8.

Курск.

Главное — желание

В 1954—1955 годах я жил в Магнитогорске и учился в школе № 24. Школа была большая, светлая, с хорошими классами, был у нас и зал, где зимой проводились занятия по физкультуре. Только как они проводились? Одни бегали по школе, другие в спортивном зале играли в «кошки-мышки». Разве такие занятия могли нам привить любовь к спорту? Конечно, нет! Я пытался, именно пытался, проникнуть в волейбольную секцию многих спортивных обществ, но везде я получал только один ответ: «Здесь требуются разрядники». Так разбились мои мечты.

Но в 1956 году мы переехали в город Кыштым. Здесь я поступил учиться в школу № 1. В ней нет спортивного зала, но зимой мы ходим на лыжах, а иногда занятия проводятся в спортивном зале «Металлург». К урокам физкультуры мы относимся с интересом. Мы любим и уважаем своего преподавателя по физкультуре Владимира Антоновича Макеева. Весной и осенью занятия у нас проходят на стадионе. В школе мало найдешь учеников, которые пропускали бы уроки физкультуры. У нас есть хорошие спортсмены, как Л. Губин, В. Ахмина, В. Степанов и другие. Работает много секций.

Из всего этого видно, что многое зависит от желания преподавателя сделать урок увлекательным и интересным.

Г. САВИНОВ,
ученик 1-й средней школы 9-го «В» класса.

Кыштым,
Челябинская область.

В сельских школах

Победа советской команды на олимпийских играх вызывает законную гордость за нашу Родину, вырастившую замечательных мастеров спорта. Но что делает наша общеобразовательная школа, чтобы прививать любовь к спорту с юношеских лет, чтобы Куцы, Муратовы, Латынины, Нетто вырастали не единицами, а сотнями? Нужно сказать, что очень мало делает. Особенно плохо поставлено дело физического воспитания учащихся в сельских школах. Если в московских школах имеются, хоть и не отвечающие всем требованиям, физкультурные залы, то у нас их нет. Например, из 22 средних и семилетних школ Брасовского района только в одной средней школе есть примитивный зал с очень скудным оборудованием. Вот и приходится все занятия по физкультуре в любое время года проводить на улице. А сколько уроков срывается из-за ненастной погоды!

Сельские школы часто не имеют возможности приобрести необходимый спортинвентарь, и не только из-за отсутствия денежных средств, но и потому, что инвентаря нет в продаже. На протяжении осени и зимы текущего учебного года в наш район не было завезено ни одной пары лыж, несмотря на неоднократные просьбы и заявки торгующим организациям.

В. ЧЕПЛЯ,
заведующий районо.

Брянская область,
Брасовский район,
поселок Локоть.

«Вы нам не нужны»

Мы прочли в «Огоньке» статью «Неоконченный разговор» и решили написать вам.

В нашей школе еще недавно зала совсем не было. Сейчас из двух смежных классов сделан небольшой зал, в котором довольно трудно развернуться. Но если нельзя заниматься в школе, то можно вступить в спортивное общество. Мы тоже так думали. Однако это оказалось не легким делом.

РАСТИТЬ ЗДОРОВУЮ МОЛОДЕЖЬ

Обзор писем

Вопросы физического воспитания школьников, поднятые на страницах «Огонька», вызвали отклики читателей — педагогов, родителей, учащихся. В редакцию поступают письма, в которых наши читатели сообщают о трудностях в работе учителей физического воспитания, вносят предложения, которые, по их мнению, должны благотворно сказаться на системе воспитания здоровой, сильной, тренированной советской молодежи.

Пенсионер **В. Лавров** (Москва) предлагает занятия по физическому воспитанию проводить ежедневно и ввести оценки успеваемости по физической подготовке.

Директор средней школы № 1 Молотовска (Архангельская область) **Н. Пунанов** так же, как и заведующий учебной частью Северокоммунарской средней школы (Молотовская область) **М. Никулин**, считает, что занятия по физкультуре в 1—4-х классах должны проводить специалисты — преподаватели физического воспитания.

Преподаватель физического воспитания железнодорожной средней школы № 41 Конотопа **А. Темирчиди** предлагает уделять в работе с подростками значительно больше внимания легкой атлетике.

О плохом качестве спортивного инвентаря пишет в своем письме преподаватель физического воспитания тушинской средней школы № 12 **Н. Щербаков**. На эту же тему высказывается читатель «Огонька» **Р. Цыбуля** из Грозного. Он пишет: «Я не спортсмен и не преподаватель физкультуры, я рабочий-металлист. Я узнал из печати, что в Норвегии обязательной принадлежностью каждого ученика являются лыжи. У нас на Кавказе в этом году снежная зима, но в спортивных магазинах нет лыж, а летом — роликовых коньков».

Лейтенант **Е. Наумчик** пишет: «...Я служу в одной из военных школ в должности командира



Шестнадцатилетних ребят просят не беспокоиться — таков подтекст этой афиши. Она сообщает, что в спортивную школу принимаются ребята рождения 1942—1945 годов.

Еще в седьмом классе (а сейчас мы уже в девятом!) мы решили записаться в волейбольную секцию. Но в обществе «Спартак» нам сказали, что мы еще «недостаточно владеем мячом», а в других обществах с нами вообще не разговаривали.

Мы обратились в редакцию газеты «Советский спорт» с просьбой помочь нам. Наше письмо передали директору стадиона «Юных пионеров» тов. Чупшевой. Мы очень благодарны тов. Чупшевой, которая хотела нам помочь, но тренеры Коротков и Вейсов разговаривали с нами так, что больше не хочется ходить туда. «Вы нам не нужны,— сказали они,— у нас пятнадцать человек прекрасно играют, а остальных мы держим только для виду». Если бы наши учителя рассуждали так же: 15 человек грамотны, а остальных учить не нужно?! Ведь спорт должен стать действительно массовым.

Желания заниматься спортом мы не утратили, но надежд на то, что это удастся, осталось очень мало.

ЖУЧКИНА, ПОЗНАНСКАЯ и другие.

Ученицы 9-го «А» класса 586-й школы.

Москва.

Что мешает

Городские школы жалуются на то, что у них нет спортплощадок, а в селе, наоборот, площадки есть, а спортзалов мало. Например, в нашей школе есть неплохая спортплощадка: беговые дорожки, яма для прыжков в высоту и длину, волейбольная, баскетбольная площадки,— а вот со спортзалом хуже. Выделена одна комната, и делай что хочешь. Оборудование есть, но разместить его негде. Такое же положение и в других школах.

Часто в учительской можно услышать такой разговор.

— Завтра будем писать сочинение в десятом классе,— говорит преподаватель языка,— нужны два урока. А как раз физкультура завтра! Вот и заменю.

Дирекция школы легко соглашается с таким решением. А ведь замена уроков физкультуры недопустима.

А. ТАРАН, учащийся.

УССР, Сумская область, Лебединский район, Будыльская средняя школа.

15 из 45

В Ногинске имеется несколько начальных и средних школ. Но только в одной из них есть помещение, которое можно назвать спортивным залом. Однако в этом зале нет колец, нет и брусьев, точнее, жердей к ним. Стальные станины ждут, когда в спортивном магазине Ногинска будут жерди, а их нет уже два или три года.

Остальные школы используют для уроков физкультуры просто классные комнаты. Уроки в таких условиях проходят скучно, неинтересно, поэтому и посещаемость плохая. В этом больше всего винят преподавателей, не понимая того, что у них нет почти никаких возможностей для проведения нормального урока.



— Вот брусья, а перекладин к ним достать мы не можем,— говорит В. Савельев.

О лыжной подготовке. На урок отведено 45 минут. Что можно сделать за эти минуты? Очень мало! Пятнадцать минут уходит на выдачу лыж, за 15 минут до конца урока преподаватель уводит класс, чтобы ребята не опоздали на следующий урок, и таким образом на само занятие остается всего 15 минут. Легко представить настроение учащихся. К тому же нередко во вторую смену некоторые завучи ставят урок физкультуры шестым, когда на улице уже темно.

В. САВЕЛЬЕВ, преподаватель физического воспитания школы № 2.

Ногинск, Московская область.

«II разряд минус 10%»

Мой опыт почти двадцатилетней работы в школе говорит, что основная причина плохой постановки физкультуры в школе — это кадры педагогов.

Едва ли в самой глухой деревушке отдаленного района можно найти учителя географии, истории, естествознания, языка, математики с образованием... в 6—7 классов. А вот учителей физического воспитания с такой «подготовкой» можно встретить сплошь да рядом, и не только в селах, но и в районных и в областных центрах. Наиболее распространенным разрядом тарификации учителей физвоспитания является: «II разряд минус 10%». Это означает, что такой учитель не имеет ни среднего, ни высшего образования.

Все это привело к тому, что учителей физического воспитания называют не педагогами, а «физруками».

Мой знакомый учитель языка и литературы заболел. Прошло время, он подлечился, ему разрешили работать в школе, но посоветовали побольше бывать на свежем воздухе. И вот человек, совершенно незнакомый ни с одним видом спорта, взялся за физическое развитие школьников и в этой должности преуспевает уже три года.

Необходимо решить вопрос и о преподавании физкультуры в младших (1—4-х) классах. По существующему положению, преподавание этого предмета входит в нагрузку учителя класса. А ведь зачастую учителями в младших классах работают люди пожилые, которые не могут в силу состояния здоровья вести занятия по физкультуре. Не пришла ли пора всех выпускников институтов и техникумов физической культуры, факультетов физического воспитания педагогических институтов направлять на работу только в одно место: в школы?

Н. ПАНОВ, завуч школы № 22.

Житомир.

В каждом саду— спортплощадка



Киев. В одном из дворов по улице Ленина.

Мне кажется, что при составлении генеральных планов реконструкции городов надо обязательно предусматривать спортивные площадки не на район, а на квартал. Почему мы застраиваем целые массивы, не оставляя достаточно места для скверов и спортплощадок? Неужели у нас не хватает площадей для строительства? У нас в Киеве на весь город имеются три катка — вот и все. Не лучше положение и летом. Где ребятам играть в городки, крокет, кегли, волейбол, баскетбол и другие игры? Почему бы во всех скверах и садах не отвести места для спортплощадок?

Я много лет был членом родительского комитета 129-й школы, где училась моя дочь, и 92-й школы, где учится мой сын, и много раз эти вопросы ставил перед общественными и другими организациями. Но вопросы эти не решены до сих пор. Сад садом, цветы цветами, но нужны и спортплощадки для молодежи.

В. МАРЧУК

Киев.

Фото А. Богданчикова, Н. Козловского, Р. Лихач, А. Михайлова.

взвода, и вопросы физического воспитания молодежи меня давно волнуют... Надо сказать, что особенно плохо в смысле физического развития выглядят юноши, окончившие школы в Краснодарском крае и Курской области, а вот в ленинградских школах положение другое. Как правило, ленинградцы — хорошие лыжники, гимнасты. Почему же в школах других городов нельзя подобным же образом поставить физкультуру?»

О недостаточной подготовленности многих преподавателей физического воспитания пишет **В. Желобов,** пенсионер из города Калинина.

В. Орлов из Харькова считает, что включать оценки по физкультуре в аттестат нет смысла, но надо увеличить число уроков по физкультуре для младших классов (до 6 в неделю), а для старших классов ввести домашние задания по физкультуре с обязательным контролем. А преподаватель физического воспитания 2-й средней школы Задонска (Липецкая область) **И. Осипов** рекомендует Министерству просвещения «вынести оценку физического воспитания в аттестат зрелости и оценку эту учитывать так же, как и оценку литературы, математики. Только тогда будет поднято чувство ответственности у учащихся».

А. Тонких из Воронежа утверждает, что «в неудовлетворительной организации физического воспитания во многих наших школах виноваты сами преподаватели, которые очень часто свою бездеятельность оправдывают отсутствием специальных, хорошо оборудованных спортивных залов».

Много писем посвящено одному из центральных вопросов—отсутствию в школах спортивных залов и площадок. Об этом пишут **В. Подмазко** из поселка Беляевка (Одесская область), **Н. Полога** (Остров, Псковская область), жильцы дома № 10 по переулку Хальзунова — **Кузнецова, Поклонов, Жуков, Чистяков, Родионков** (Москва) и **Журавлев** — преподаватель Вязовицкой семилетней школы (Липецкая область).

Интересное письмо прислал **А. Александрович** — преподаватель физического воспитания Узденской средней школы № 1 (Минская область). «В своей практике я убедился, — пишет тов. Александрович,—что многое можно сделать руками самих учащихся. В нашей школе оборудованы баскетбольные щиты, гимнастические скамейки, стойки для прыжков. Дирекция школы находит средства (хотя и небольшие) для приобретения инвентаря».

ИСПОРЧЕННЫЕ ОТНОШ

Я. ФОМЕНКО

Хмурый, недовольный собою, Дмитрий Федорович Козлов идет по заводскому двору и раздумывает, что ему делать.

Минут пять назад, когда он стоял в цехе возле «своей» машины, к нему подошел мастер Калинин. Осторожно придерживая кончиками пальцев измятый козырек кепки, мастер спросил:

— Скоро возьмемся за дело, товарищ Козлов? Сроки упускаем.

Дмитрий Федорович и сам знает, как много дней потрачено на бесплодные разговоры и пререкания. Время уходит, а машина как стояла, так и стоит без электропривода.

Иногда, вот сегодня, например, Козлову кажется, что все, кого он ни встретит, втихомолку злорадствуют: «Посмотрим, как ты выкрутишься, дорогой товарищ конструктор!»

Он гнал от себя нелепую подозрительность. Ему сочувствуют, готовы помочь, особенно рабочие. А самолюбие подсказывало: дальше тянуть канитель — значит осрамиться перед теми же рабочими.

Не так легко было Козлову, не имея практического опыта, взвалить на свои плечи ответственность за электрическую часть уникальной машины. Риск нешуточный. Рискнуть он рискнул, а вышло, что его знания, его решимость испробовать силы в трудном деле — все осталось втуне. Где-то кто-то напутал, что-то «заело» — и все застопорилось. И, кажется, наглухо.

«Пойти разве к Федосову?» — спрашивает самого себя Козлов.

Федосов — директор завода. К нему пробиться вот так, с ходу, вряд ли удастся, но, если повезет, можно рассчитывать на содействие. У директора крепкая рука.

Дмитрий Федорович вошел в помещение заводоуправления и по привычке, вместо того чтобы подняться наверх, к директорскому кабинету, свернул от вахтера вправо и решительно распахнул одну из дверей.

И канитель началась с того же, что и вчера. Козлов требовал, а ему объясняли, почему его требования нельзя удовлетворить.

— Товарищ Козлов! Извините, вы получили кабель! — укоризненно восклицает сотрудник отдела.

— Свинцовый? Не годится! Понимаете? Я отказался, и нечего говорить о нем!

— Тогда вообще не о чем говорить. Мы сами кабель не делаем. Если бы сами...

Сидящий за столом человек мечтательно возносит глаза к потолку и договаривает:

— К сожалению, получаем по кооперации...

На лице Козлова задергался непослушный нерв. Произнесено обезоруживающее, почти магическое слово. Козлову нечем парировать удар. Нагрубить? Пробьешь ли грубостью такой непроницаемый щит, как ссылка на внезаводские обстоятельства?!

Кооперирование предприятий... В стенах института Дмитрий Федорович усвоил уважительное отношение к тому, что подразумевается под этими словами. Да и сейчас: кто в принципе отрицает, что кооперация — разумная, выгодная, прогрессивная форма межзаводской связи?!

Столкнувшись с практикой, Дмитрий Федорович увидел, как невинные, казалось, изъяны в организации кооперирования, малейшие нарушения сроков, договорных отношений ломают старательно разработанные планы и графики. Он увидел, что предприятия охотно идут на обзаведение «всем у себя», лишь бы не иметь дела с «соседом». Что-то ненормальное! Замкнутое натуральное хозяйство при высоком уровне техники! Былые представления Козлова о кооперации выворачивались наизнанку. Разумное становилось нелепым, выгода — проигрышем, техническая культура — ремесленничеством, вместо ускорения движения — буксовка, когда колеса вертятся, горючее расходуется и все ни с места.

Именно в таком положении оказался Козлов.

Что же, опять уйти не солоно хлебавши? Козлов требует:

— Дайте провода! Сами будем кабель монтировать.

— Не имеем права, товарищ Козлов,— слышится спокойный голос из-за другого стола. В разговор включается заведующий отделом Тихомиров.

— А замораживать миллионы рублей из-за какого-то кабеля имеем право? — оборачивается к нему и со злостью спрашивает Козлов.

Тихомиров пожимает плечами: ничего не поделаешь, спецификация; провод идет на другие надобности.

...Дмитрий Федорович выходит из заводоуправления еще более недовольный собою. Отношения он испортил, а добиться ничего не добился.

Ноги сами несут его в цех, где стоит замечательное сооружение из металла — красивая, быстроходная машина с новшествами электронной техники. Машине присвоено короткое, энергично звучащее название «ГАП», что значит: «Газетный агрегат «Правды». Производительность — два миллиона оттисков в час!

Дмитрий Федорович смотрит на машину, и упрямая складка резче обозначается над бровями.

Кончается рабочий день. Людской поток выносит Дмитрия Федоровича с территории завода на улицы города, в эти часы всегда оживленные и веселые.

* * *

Город Щербаков еще не отвыкли называть Рыбинском. Железнодорожные билеты по-прежнему продают до станции Рыбинск. Море поблизости — Рыбинское, хотя оно совсем новое. Да и город, хотя и зовут его часто по-старому, не тот, что был прежде.

В отдаленном прошлом столица верхневолжского купечества — хлеботорговцев, рыбопромышленников, пароходчиков, нынешний Щербаков — это город машиностроителей. В нем много энергетиков. Они зажигают кремлевскую елку и снабжают электричеством Щербаковской ГЭС московские троллейбусы. В нем немало водников. Капитаны из Щербакова водят теплоходы по каналу имени Москвы и Рыбинскому морю. Больше всех тут металлистов.

Пройдитесь вслед за инженером Козловым по улицам. Заведите беседу с прохожими. Можно идти на спор: из троих собеседников двое окажутся металлистами.

Попозже, когда схлынет главная волна пешеходов, на улицах вы заметите добротно одетых стариков. Это ветераны первых пятилеток — токари, кузнецы, слесари, мастера сборочных цехов,— теперь отставная рабочая гвардия, пенсионеры.

Непогасшими, еще острыми глазами они вглядываются в лица встречных, стараясь не пропустить знакомых. И вот сойдутся старые друзья на перекрестке — и потечет беседа. Длится она полчаса, час... Куда торопиться? Горячие деньки и ночки остались в прошлом. Зима нынче мягкая, совестно и называть ее зимой. Пусть беседуют. Город обязан этим старикам всем новым, в том числе и новыми традициями.

Но не одними тихими беседами живет испытанная рабочая гвардия. И теперь иногда приходится показать пролетарскую удаль. Не так давно кузнец-пенсионер М. П. Новиков починил закапризничавший молот. Брались исправлять машину его преемники — что-то не вышло. Новиков посмотрел, попробовал, послушал, повозился — вышло!

— Что случится — зовите! — сказал и отправился домой.

Не поленитесь, сходите на переправу через Волгу! Там вы познакомитесь с людьми, которые на вопрос о месте рождения в шутку ответствуют: «На дне морском». Собственно, это не шутка. Это правда.

На той стороне Волги, в поселке Ново-Лосевском, живут уроженцы исчезнувшего с географических карт старинного русского города Мологи. Там, где находилась Молога, теперь море. Прославленные луговоды, любители ягодничества, мастера травосеяния и молочного хозяйства, жители Мологи с переселением в Щербаков сменили профессии и стали судостроителями, электромонтерами, сборщиками машин. Сложив вместе свой труд, старожилы Щербакова и новоселы из Мологи, тоже ставшие старожилами, делают много разных и хороших машин.

Перечислить все, что производят щербаковцы, трудно. Вот главное: дорожные катки и спички, мостовые краны и мука, двигатели и кабель (заметьте, кабель!), земснаряды и аппаратура связи, суда и полиграфические машины.

География распространения изделий города Щербакова весьма обширна. Она не вписывается в родные границы, давно их перешагнула, включает ряд стран Европы и Азии.

Обширна и география производственных связей. Заводы Щербакова кооперируются с очень отдаленными от него индустриальными точками страны, вплоть до Еревана, Архангельска... А хорошо ли это? Всегда ли необходимы такие дальние связи?

Дмитрий Федорович Козлов идет мимо дома с ярко освещенными окнами. Если бы он зашел в этот дом, то узнал бы: те же заботы, какими живет он, беспокоят многих.

...Объявлен перерыв. Участники совещания разбиваются на группки. Вскоре все тонет в густом табачном дыму, лица еле видны.

— Смешно и обидно! — слышится разговор в одной группке.— Литье для букс и колес до сих пор получаем из Алма-Аты! Двадцать процентов командировочных на «толкачей» потратили...

История кооперирования Щербаковского завода гидромеханизации с алма-атинским заводом Минтяжпрома больше печальная, чем смешная. Литье, получаемое из Средней Азии, составляет половину стоимости крана, выпускаемого заводом, тогда как детали, изготовляемые из этого литья,— это всего четверть машины. Одно колесо обходится в две тысячи рублей.

— Не может быть! — слышатся возражения.

Может! Литье доставляется из Алма-Аты разными видами транспорта, вплоть до воздушного. По прибытии в Щербаков металл совершает дополнительное путешествие в Москву и обратно уже на автомобилях. Не верите? Факт. Дело в том, что заготовки поступают без термической обработки. Закаленный металл, как известно, трудно сверлить. В Алма-Ате его не сверлят, поэтому и не закаляют. Сверлят и обрабатывают его в Щербакове, а затем везут в Москву на закалку.

— Да неужели в Щербакове нельзя лить буксы, колеса и шестерни? Сколько тут литейных? — слышатся недоуменные вопросы приезжего человека.

— Э-э, батенька! — хором отвечают люди искушенные, главные металлурги.— Литейных хоть отбавляй! В этом разве суть? Габариты литья не те! И даже не в габаритах «собака зарыта». Ведомства разные!

— Ведомства? — удивляется опять приезжий.— Какие еще ведомства? У нас одно «ведомство» — государство!

— Верно, конечно. Но попробуйте заказать литье другому заводу, не вашего министерства... У нас рядом живут два директора двух крупных машиностроительных заводов одного и того же ведомства и не могут между собою поладить. А вы говорите...

ЕНИЯ

Возьмите элеватор и комбикормовый завод! Один стоит на правом, другой — на левом берегу Волги. Комбикормовый завод получает сырье с элеватора и тащит его через реку. С перевалками, с перегрузками. Одних весовщиков держит до девяноста человек. Вот вы не верите, а это факт. Итог? Три миллиона рублей убытка — вот вам итог! А строительство комбикормового цеха при элеваторе стоит два, от силы два с половиной миллиона. Вот вам экономический парадокс! За счет убытков можно выстроить цех, в один год оправдать затраты и вдобавок заработать полмиллиона рублей. Так минус может стать плюсом. А сколько таких минусов? Настоящая кооперация,— конечно, плюс. А такая...

— Неужели у вас что ни завод — то удельное княжество?

— Нет, зачем же! Есть у нас счастливчики. Семенихина возьмите, директора электротехнического завода. Получает по кооперации литье у Федосова, с завода полиграфических машин, и никаких ему забот. Нигде не дует и не течет, как у Христа за пазухой. А сам Федосов без кабеля сидит.

— Постойте! Тут же есть кабельный завод! — удивлен приезжий.

— Есть! У нас много кое-чего есть, да не про нашу честь. Легко вам говорить: на месте кабель заказать, раз завод есть. А ведомства? Министерства не скооперированы...

Все по вертикали идет... Хоть ты и родственник по характеру производства, но раз у тебя мундир другого министерства,— ставь забор! Плохо учитываем и плохо используем местные возможности!

Создали мы в порядке местной инициативы городской технический совет. Чтоб сдружить покрепче заводской народ. Знаете, новшествами поделиться: взаимообмен, так сказать, а когда и взаимовыручка. По горизонтали попробовали пойти... Гор не свернули. Недавно про кузнечные дела толковали. Узнали хоть, чем располагаем,— и то хлеб.

Нужен такой закон: дальнее кооперирование только после того, как исчерпаем местные возможности, ближайшие. Мы скачем в Ленинград, в Харьков, в Ригу, в Алма-Ату и обходим то, что под боком: Ярославль, Иваново, Владимир, Кострома... Смотрите, какие города поблизости! Возим из Москвы, из Ленинграда кабель, а свой гоним в обратном направлении. Стекло нам дает Горький, а не Гусь-Хрустальный. Поодиночке посылаем автомашины в Серпухов, чтоб перемотать электромотор. Вот тут у нас недалеко, на Угличском шоссе, фабрика есть. Толь, рубероид, пергамин делает. Мы получаем все это не с фабрики, а из Москвы

Батенька мой! Навести бы порядок — сколько на одних перевозках экономии! Алебастр нам возили из-за Архангельска? Возили! Теперь возим из Ярославля. Можно, значит? Конечно, можно...

Перерыв кончается, все заходят в зал. С трибуны называют проценты роста производства на заводах города.

* * *

Мастер Калинин Павел Сергеевич был в числе тех, кто свыше четверти века тому назад осваивал первую плоскопечатную машину «Пионер». Много воды утекло с тех пор. Ушедшие на пенсию дружки, встретив его на улице, спрашивают уже: «Скоро в нашу компанию, Сергеич?»

Мастер отшучивается и торопится на завод. Много незаконченных дел осталось. Тот же «ГАП»... Это не «Пионер». Какая техника была, когда «Пионер» делали? Большинство работ шло вручную. А сейчас? «Пионер» № 1 сдан в музей. На полиграфические комбинаты идут отечественные многорольные ротационные агрегаты, офсетные машины. Думали разве создатели «Пионера», что за их рабочий век завод настолько разрастется, что им придется делать вот такие «штуки», как «Газетный агрегат «Правды»? Мечтали, конечно, о чудо-машинах, а техника взяла да и опередила их мечтания.

В цехе высится двухэтажный исполин. Он на голову выше всех других машин, ростом и видом под стать блюмингу. Только изящнее, конечно. На «ГАПе» будут чувствительные приборы, фиксирующие брак, отсчитывающие каждый экземпляр газеты при бешеной скорости вращения цилиндров; будет аппарат, склеивающий рулоны без остановки машины.

Приятно поломать голову над такой машиной, но еще приятнее увидеть ее в действии и знать, что все сделано на совесть. Первая «прокрутка» дала двадцать семь тысяч оборотов в час. Сносно. Но самое интересное — автоматика со всеми ее тонкостями — все же впереди. И тут, как на грех, задержка.

Павел Сергеевич видит: рабочие, хотя и ворчат на кустарщину, безотказно выполняют работу. Им тоже интересно поскорее увидать, как пойдет их машина. А ворчат они справедливо. Электронная техника — и рядом какая-то отрыжка мануфактуры... Век новый, и век минувший. Так работали, когда осваивали «Пионер».

По цеху идет Дмитрий Федорович Козлов. Мастер подходит к нему и, как всегда держась за мятый козырек, спрашивает:

— Долго кустарщиной будем маяться, товарищ Козлов?

Что может ответить молодой инженер? Ему удалось доказать, что присланный по наряду главка свинцовый кабель ставить на «ГАП» нельзя. Не только потому, что в проекте значится другая марка. Это, как говорят, формальная сторона дела. Есть более серьезная причина. Свинцовая оболочка — ненадежная защита от механических повреждений. Дальше — соображения эстетического порядка. На окончаниях свинцового кабеля обязательны воронки — раструбы. Они не вписываются в архитектуру машины.

Козлов добился своего. Ему выдали провод. Что это означает? Вместо восьмисот метров кабеля уйдет не меньше десяти километров провода.

...Инженер и мастер заходят на участок. Электромонтеры вручную кольцуют края, собирают куски провода в жгуты и пропускают в металлорукав. Скучная работа! На специальном заводе машины сделали бы это скорее и аккуратнее.

Каждую линию придется еще «прозвонить», на все концы прикрепить бирки, чтобы не путать контакты. Уйму труда потянула за собой вынужденная «инициатива» — монтировать кабель своими силами.

— Смешно и грустно! — говорит по поводу невыгод сверхдальнего кооперирования директор завода гидромеханизации Горбачев, подписывая счета на оплату самолетных рейсов с металлом из Алма-Аты.



Не ладится с машиной! Нервничает инженер Д. Ф. Козлов (слева), недоволен представитель заказчика печатник Н. В. Иванов.

Фото О. Кнорринга.

— Обидно! — говорит мастер Калинин, глядя на то, что делают рабочие его участка.— Это что же, завод или мастерская? Шестая или первая пятилетка?

— Провода не хватает,— заявляет один из электромонтеров.

Дмитрий Федорович живо представляет знакомую картину. Входит он в комнату, где сидит спокойный и очень корректный человек, Дмитрий Владимирович Тихомиров. Вначале все идет чинно и ладно. Чуть иронические взаимные приветствия, два слова о неимоверно кислой зиме, а затем сухо-деловое:

— Прошу выписать еще полтора километра провода..

— Не могу; что хотите, делайте. Идите к Федосову, к кому угодно — не имею права,— тише, чем обычно, скажет Тихомиров.

Он прав. Оба они правы — и Козлов и Тихомиров. Но инженер знает: провод будет выписан. Отношения с заказчиком натянутые, могут окончательно испортиться. И вообще, не стоять же машине среди цеха немым укором снабженцам!

Тихомиров пожалуется, какая бесконечная волынка идет с изготовлением бесконечных ремней для «ГАПа», как ему осточертело писать и докладывать про неблагополучие с «покупными» деталями; отведет душу и прикажет:

— Выпишите! Но... товарищ Козлов... последний раз нарушаю порядок... Только ради такого дела...

...А вдруг все произойдет иначе? Вдруг — только он откроет дверь — вместо «Здравствуйте, товарищ Козлов!» ему навстречу хором закричат:

— Дмитрий Федорович! Кабель получен! От соседей...

То-то было бы хорошо!

СТРОИМ ДЛЯ СЕБЯ

Это один из новых избирательных округов — 236-й. Длинные ряды добротных шлакоблочных и деревянных коттеджей образуют несколько улиц. Аккуратно очищены от снега тротуары и мостовые.

В октябре прошлого года здесь, на пустыре, возник поселок. Восемьдесят шесть семей рабочих Серовского металлургического завода въехали в новые квартиры.

Вот какова история этого поселка. На одном из рабочих собраний в доменном цехе обсуждали вопрос о жилищном строительстве. Для серовских металлургов построено немало домов, но жилья все же не хватает.

— Давайте ускорим дело, будем строить сами.

Предложение доменщиков было поддержано, выделили средства. Наметили соорудить сорок три двухквартирных дома. Участок выбрали в живописной местности, на окраине уральского города Серова, неподалеку от завода.

Строительство началось с распределения... квартир. Цеховые комитеты профсоюза после длительного обсуждения составили списки многосемейных рабочих, нуждающихся в жилье в первую очередь. Каждой семье решили предоставить отдельную квартиру. Будущие жильцы пришли на площадку, когда ее еще расчищали бульдозеры.

А вот теперь мы обходим в поселке дом за домом, и нас гостеприимно встречают довольные хозяева.

Федор Дмитриевич Верещагин, машинист паровоза транспортного цеха, и его жена Ольга Кондратьевна показывают только что купленную новую мебель: диван, гардероб, комод.

— Раньше-то не покупали, хоть и достаток был: впятером жили в одной комнате. А теперь у нас квартира: три комнаты, кухня — сорок квадратных метров,— говорит Федор Дмитриевич.— Какое участие принимал в строительстве, спрашиваете? Провел здесь весь месячный отпуск, а потом выходные дни и после работы с семейством приходил... Главное, конечно, товарищи помогли, завод. Спасибо им!

Трехкомнатную квартиру занимает и сверловщик ремонтно-механического цеха Петр Андреевич Зыков.

Побывали мы и у Афанасия Николаевича Перонкова — помощника засыпщика в доменном цехе. Был всего час дня, но Перонков уже вернулся с работы. Усадив двух старших в соседней комнате за уроки, он что-то мастерил для четырехлетней Нади и семилетнего Пети.

— Теперь у людей моей профессии шестичасовой рабочий день. Вот и прихожу рано,— рассказывает он.— Что ни говорите, приятно подольше побыть с семьей, да еще в уютной квартире. Есть где отдохнуть и с детьми позаниматься.

У большинства новоселов квартиры из трех комнат. Но есть двухкомнатные с просторной верандой. В одной из таких квартир живет шофер заводского гаража Павел Нестерович Науменко. Мы встретились возле нового шлакоблочного дома, на котором сверкала аккуратная табличка: «Улица Шестой пятилетки». Вооружившись лопатой, он расчищал накопившиеся за ночь чуть ли не метровые сугробы снега. Науменко — один из энтузиастов самодеятельного строительства. Все лето он возил лес на стройку жилых домов, плотничал, трудился на земляных работах.

Первые 86 квартир, построенные силами рабочих-металлургов в Серове,— только начало. Сейчас сооружается второй поселок. Здесь металлурги к осени текущего года получат 134 трехкомнатные квартиры, будет здесь и магазин и детский сад.


Одна из улиц нового поселка металлургов.

Заместитель директора завода по капитальному строительству И. Ф. Грановский сообщил любопытные данные. В 1956 году генеральный подрядчик — Серовстальстрой — должен был построить для рабочих завода 1 700 квадратных метров жилья, но с задачей не справился. А завод своими силами построил 2 694 квадратных метра! Стоимость одного квадратного метра жилья у Серовстальстроя — 1 474 рубля, а у завода — 825 рублей, почти вдвое дешевле.

По примеру металлургов в этом году почти все предприятия Серова возводят дома силами трудящихся.

А. ГРИГОРЬЕВ

Фото И. Тюфякова.


Машинист транспортного цеха Ф. Д. Верещагин:
— У нас квартира — три комнаты, большая кухня.

Хозяйка электричества

Золотистый дом, одетый в нарядные оранжевые плитки, радует глаз свежестью. Он точно именинник среди своих собратьев — серых корпусов на Ленинградском шоссе в Москве. Все как будто готово. Почему же, однако, по вечерам не светятся глазницы окон? Оказывается, по проводам, скрытым в стенах дома, не побежал еще электрический ток.

Жизнь в это бетонно-каменное здание вдохнет худенькая темноволосая женщина в пуховом полушалке. Это она зажжет веселые огоньки новоселья в комнате инвалида труда на четвертом этаже, в столовой инженера с авиационного завода на седьмом этаже. Это она — хозяйка электричества — даст голос радиоприемникам, оживит экраны телевизоров... Как много радости и света приносит людям бригадир электромонтеров Анна Яковлевна Макарова, или просто «тетя Нюра», как зовут ее в бригаде!

— Тетя Нюра, посмотрите, правильно я поставила щиток? — обращается самая юная из ее помощниц, восемнадцатилетняя Рая Кабанова.

И тетя Нюра внимательно осматривает мраморную панельку, на которой ученица смонтировала предохранители и, тщательно изолировав, подвела к ним толстые, в резиновой оболочке провода.

— Хорошо, дочка,— удовлетворенно говорит Анна Яковлевна Макарова.— Иди теперь на шестой этаж.

Вот такой же, чуть постарше, девушкой двадцать четыре года назад пришла сама она в строительную контору у Ильинских ворот. Подносила материалы, приготавливала инструменты, помогала где не хватало рук. Помогала и в то же время зорко присматривалась к работе. Однажды в бригаде электромонтажников кто-то заболел, и на его место поставили Нюру. С каким тщанием покрывала она алебастром отверстия в стене, через которые прошла проводка, и ставила черные розетки!


А. Я. Макарова
с племянницей

С тех пор контора не раз меняла свои номера, переезжала с места на место. Много за это время сменилось в ней прорабов и инженеров, а Макарова работает в ней и по сей день. И как работает! Она стала передовым мастером сложных электромонтажных работ и возглавляет бригаду — одну из лучших среди электромонтажников всего Мосстроя. Эта бригада в числе первых заменила дефицитные и дорогостоящие металлические трубки стеклянными. Три года назад Макарова и ее подруги объявили поход за бережливость. По каждой квартире они расходуют на 10—15 метров провода меньше. По их почину теперь экономят материалы все монтажники. Сам бригадир удостоен почетного звания Героя Социалистического Труда. Недавно трудящиеся Советского района столицы выдвинули А. Я. Макарову кандидатом в депутаты Московского городского Совета по избирательному округу № 608.

...Если вы видите шнур, натянутый, как струна, по стене, или пластмассовый выключатель, не думайте, что только в этом состоит работа электромонтажников. Начинается она с фундамента здания, от самой земли.

Анна Яковлевна развертывает лист синьки — чертежа, испещренного кружочками, жирными линиями и стрелками.

— Сколько метров кабеля, провода, шнура протянула в этом доме ваша бригада?

— Трудно сказать,— отвечает Анна Яковлевна.— Должно быть, несколько тысяч метров.

Не метры, а километры, сотни километров провода протянула она своими руками за два десятилетия в десятках московских домов.

...Анна Яковлевна спускается в щитовую, включает рубильники. Вспыхивают лампочки в парадных и на лестницах. Пополз вверх, подымая первых пассажиров, лифт. Желтыми, зелеными, голубыми, розовыми огнями расцветятся скоро окна.

Еще один дом получил ток!

Г. КУЛИКОВСКАЯ

КРУПНЕЙШИЙ СОВЕТСКИЙ ИСТОРИК

Помню, как 35 лет назад, в 1922 году, на одном из заседаний историков впервые выступила молодая, энергичная женщина, которая сразу же обратила на себя внимание пытливым умом и зрелостью своих суждений. Тогда А. М. Панкратова только начинала свой путь советского ученого-историка. За ее плечами были высшая школа, тяжелые годы гражданской войны и большевистского подполья в тылу белогвардейских армий.

В следующем, 1923 году Анна Михайловна опубликовала свою первую капитальную работу — «Фабзавкомы России в борьбе за социалистическую фабрику». Эта тема затем была развита и в других трудах, основанных на опыте работы фабзавкомов и профсоюзов России, Германии, Италии и Франции. В дальнейшем она написала ряд исследований и статей по истории рабочего класса и рабочего движения в нашей стране.

Панкратова стоит в ряду первых советских исследователей, которые заложили прочные основы научного изучения одного из важнейших вопросов истории — истории рабочего класса и рабочего движения нашей Родины. Вскоре она стала признанным представителем советской исторической науки на международных конгрессах историков разных стран. Ее, советского академика, избрали действительным членом Академий наук ряда стран народной демократии.

Анна Михайловна занимается и большой педагогической деятельностью. Среди ее воспитанников много научных сотрудников, педагогов, общественных работников. По учебнику истории, выпущенному под ее редакцией и при ее участии, вот уже полтора десятилетия занимаются миллионы школьников 8, 9 и 10-х классов.

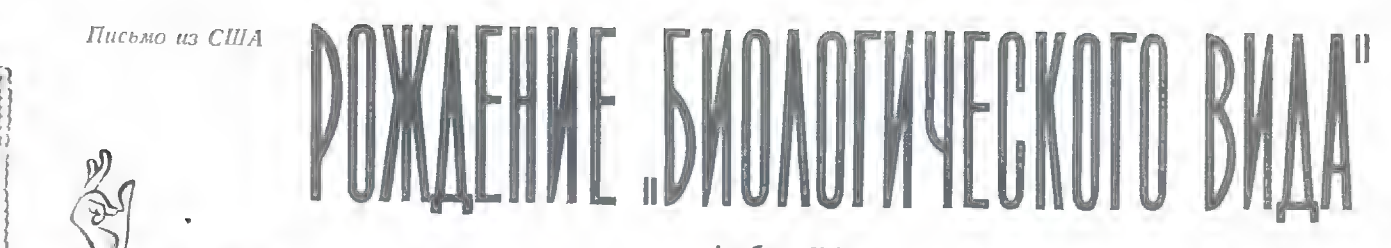


Для Панкратовой характерно, что она свою научную и педагогическую работу соединяет с активной общественно-политической и государственной деятельностью. На XIX и XX съездах КПСС Анна Михайловна была избрана членом Центрального Комитета. Она депутат Верховного Совета СССР и член его Президиума. Ученый принимает активное участие в международных организациях, борющихся за мир и дружбу между народами.

А. М. Панкратовой 60 лет. Неутомимая труженица науки полна энергии и творческих планов.

С. ДУБРОВСКИЙ,
доктор исторических наук.

Письмо из США



РОЖДЕНИЕ „БИОЛОГИЧЕСКОГО ВИДА"

Альберт КАН

Рисунок Бор. Ефимова.

Древности принадлежит крылатая фраза: «Времена меняются, и мы меняемся вместе с ними». Истина эта проявила себя за последнее десятилетие в Соединенных Штатах. После президентства Франклина Рузвельта перемены у нас произошли большие и глубокие. Новые законы, новые нравы — все это густо выросло на поверхности жизни американской нации. Перемены породили на свет божий даже некую новую разновидность человеческих существ, пока еще не получившую биологической классификации. Я говорю, как и в предыдущем письме[1], о профессиональных политических доносчиках и лжесвидетелях, размножившихся в неимоверном количестве за годы «холодной войны».

Некоторый свет на природу этой новоявленной разновидности рода человеческого бросает статья, недавно напечатанная в газете «Нью-Йорк таймс». Над статьей распростерся жирный заголовок: «Проект возрождения земель Христовых! В Калифорнии будут воспроизведены библейские поселения. Затраты достигнут 20 миллионов долларов». Директором нового предприятия, судя по сообщению «Нью-Йорк таймс», оказался некий Герберт А. Филбрик. Газета привела заявление этого джентльмена: «Строительство поселков будет вестись с таким расчетом, чтобы последовательно отразить весь жизненный путь Христа — от рождения в Вифлееме до вершин его пастырского служения и мученической смерти. Мы будем устраивать в этих поселках религиозные и воспитательные представления с использованием музыки и кинофильмов, будем выпускать периодические издания, трактаты, книги, посвященные жизни Христа».

Вышеуказанный Герберт А. Филбрик приобрел в Соединенных Штатах довольно широкую известность. Однако он этим обязан отнюдь не своей деятельности на религиозном поприще. Многие американцы узнали о нем... по его неоднократным выступлениям в суде в качестве платного лжесвидетеля Федерального бюро расследований. Ряд деятелей Коммунистической партии США отбывает тюремное заключение в результате «свидетельских показаний» этого слуги Христова. Впрочем, работая по совместительству на мирской и духовной арене, Герберт А. Филбрик не упускал случая писать доносы и на видных деятелей церкви, свидетельствуя под присягой, что они являются не кем иным, как «коммунистическими попутчиками».

Таков один из представителей нового «биологического вида», о котором идет речь. Имя Иуды издавна служит символом отвратительного предательства. В душной политической атмосфере «холодной войны» этот символ в Соединенных Штатах претерпел удивительное превращение. Фигура профессионального клеветника и предателя оказалась поднятой на пьедестал «стопроцентного американизма». Один из самых рекламируемых представителей этой профессии, ренегат Луис Буденц, получил звание профессора Фордхэмского университета, ему даже была устроена торжественная церемония с вручением ключей города Бостона. В честь двух других известных мастеров лжесвидетельства в штатах Пенсильвания и Массачусетс ежегодно устраиваются празднества в специально отведенные дни. Член конгресса от Мичигана Чарльз Поттер с большим пафосом выдвинул проект: учредить для профессиональных лжесвидетелей «медаль за храбрость, какими награждаются солдаты на полях сражений».

Десятки тысяч долларов приносят им гонорары за печатаемые в кричащих обложках автобиографии, за «консультации», даваемые частным фирмам по вопросам о «неблагонадежных» рабочих и служащих, за выступления в кино, по телевидению. Шпик Буденц сколотил себе на этом капиталец в 100 тысяч долларов. Лжесвидетель Матт Кветич заработал большой куш как автор книги под характерным названием: «Как я был коммунистом для ФБР».

Многие из лжесвидетелей, учитывая широкий спрос на их «услуги», набивают цену и требуют от ФБР и министерства юстиции более щедрой мзды. Автор этих строк никогда не был склонен становиться в спорах о заработной плате на сторону работодателей; но он по-человечески понимает, какие бюджетные затруднения приносит некоторым правительственным органам возрастающая требовательность их подопечных. «Этот грязный бизнес,— писал Ричард Донелл в иельском юридическом журнале,— правительству приходится оплачивать, чтобы иметь возможность преследовать и подавлять инакомыслящих».

В свое время я присутствовал как корреспондент на процессе коммунистического лидера Стива Нельсона. Против него в качестве государственного эксперта-«свидетеля» выступал уже упомянутый Матт Кветич. Один коллега-журналист познакомил меня с поверенным Кветича на суде. Поверенный, видно, не разобравшись, в каком духе я пишу, пригласил меня позавтракать. За столом этот деятель юстиции, по имени Гарри Шерман, был похвально откровенен и поведал много интересного о своем подопечном. Вот некоторые тогдашние заметки из моей записной книжки:

«Шерман хвалит Кветича как «очень хорошего свидетеля». «Кветич выполняет приказы точно, как солдат», — так выразился Шерман. «Я подробно говорю ему, как выступать, и он никогда не сбивается»... «Правда,— замечает Шерман, — с Кветичем иметь дело нелегко: он иногда так напивается, что не в силах держаться на ногах и давать показания... Приходилось даже откладывать слушание дела»... «И никак его не отучишь от спиртного... Я водил его к священнику, он клялся, что бросит пить, но вскоре начинал снова».

Я потом знакомился с историей болезни Кветича в одной из больниц, куда он не раз попадал во время запоя. «Пациент, — говорилось в этом документе,— пять лет подряд потреблял спиртные напитки в неумеренном количестве».

Печально, но факт: муниципальные власти города Питсбурга учредили специальный день для воздания почестей Кветичу за его «патриотические действия против коммунизма...»

Кветич — отнюдь не выдающийся экземпляр среди ему подобных. Вот портретная галерея некоторых из его коллег — о них отчасти уже говорилось в моем предыдущем письме.

Луис Буденц был однажды так охарактеризован сенатором от штата Новая Мексика Деннисом Шавезом: «Как частный гражданин и как выступающий публично свидетель, он показал себя в самом мрачном свете; это лживая, развращенная, способная на тайные махинации личность».

Поль Кроч сам признался одному журналисту: «Я часто пишу письма друзьям и всяким воображаемым адресатам, например, королям и другим высокопоставленным лицам, и в этих письмах я рассказываю о себе всякие выдуманные вещи. Я делаю это для того, чтобы развивать свое воображение». Это «воображение» Кроч широко использовал в десятках «свидетельских показаний».

Уильям Новелл был выброшен из профсоюза рабочих автомобильной промышленности как разоблаченный хозяйский шпик. Прежде чем стать платным лжесвидетелем министерства юстиции, он состоял в личной охране фашистского вожака Джеральда Смита.

Морис Малкин до того, как был использован в качестве лжесвидетеля, отсидел срок в тюрьме по приговору за «особо зверское уголовное преступление».

При желании портретную галерею можно продолжить. Что бросается в глаза,— это отчетливо выраженные черты уголовщины, украшающие почти каждый из портретов.

И это, конечно, не случайно. Это лежит в самой логике формирования «биологического вида» наемных провокаторов. Вот Джон Эрл Фергюсон. Он выступал главным «экспертом» обвинения на процессе, сфабрикованном с целью высылки из США видного профсоюзного деятеля Гарри Бриджеса. Впоследствии Фергюсон сам публично признался: «Я совершил целый ряд преступлений, которые стали известны властям. Меня заставили дать ложные показания: надо мной висела угроза, что в противном случае преследование повернется против меня самого...»

В начале статьи я привел древний афоризм. Да, конечно, время не стоит на месте, меняются в беге времени люди. В тот период, когда начала смягчаться напряженность в международных отношениях и наступила разрядка атмосферы «холодной войны» в самих Соединенных Штатах, отвращение американцев к системе легализованного лжесвидетельства стало всеобщим. Оно приняло характер широкого общественного движения протеста.

Сегодня некоторые правительственные органы еще продолжают борьбу за сохранение и использование аппарата профессиональных сеятелей лжи и клеветы. Но все громче и настойчивее раздается осуждающий голос американских граждан. Это дает надежду, что не за горами то время, когда «биологический вид», порожденный гнилостной средой «холодной войны», начнет вымирать и уходить в небытие.

[1] См. «Огонек» № 7.

Народные песни и

Л. ХРИСТИАНСЕН,
заслуженный деятель искусств РСФСР, руководитель Государственного Уральского народного хора

Дивны и чудны русские песни, душевные мелодии их, убежденно повторял выдающийся собиратель песенного фольклора, создатель знаменитого народного хора Митрофан Ефимович Пятницкий... Именно народная песня с ее своеобразием интонационного строя, со всеми богатствами ее вокально-тембровых красок, с характерным для нее многоголосием была тем неиссякаемым источником, который питал творческую фантазию великих наших музыкантов, создавших могучую хоровую литературу. Оттуда, из народных мелодий, и пошли задушевность, правда музыкальных звуков, так трогающих слушателей в произведениях Глинки, Балакирева, Римского-Корсакова, Мусоргского, Чайковского...

Все это уже стало бесспорной истиной в наших условиях, когда так много делается для роста музыкальной культуры масс. Стсит назвать много говорящие цифры: 180 тысяч хоровых кружков в городах и селах страны, до 3 миллионов их участников! Мы уже давно перестали удивляться таким радующим фактам, как появление на оперной сцене замечательных певцов, начавших когда-то свой путь в самодеятельном хоре, или широкому признанию, которое завоевали наши лучшие самодеятельные коллективы.

И тут нельзя не сказать о той большой роли, которую уже три десятилетия с лишком выполняет созданный М. Е. Пятницким и носящий его имя народный хор. Его творческий опыт собирания, изучения и исполнения народной песни используется многими десятками других народных хоров. Речь идет здесь не о копировании, а о великолепных традициях: любви к русской народной песне, бережном к ней отношении, настойчивом отборе на местах исполнителей и исполнительниц и, наконец, тесной дружбе с самодеятельными песенниками. Этим традициям старается следовать и наш Уральский народный хор.

Те, у кого мы хоть раз записали песни, становятся нашими близкими друзьями. Примечательным было первое наше знакомство с хором села Измоденова, Белоярского района, Свердловской области. Руководительницы этого хора — колхозница Александра Ивановна Широкова и домашняя хозяйка Ксения Григорьевна Каштанова — пожилые женщины, страстно любят пение. В их избах, можно сказать, и получил начало Уральский народный хор. Песни этих двух женщин легли в основу первоначального нашего репертуара, у них училась молодежь искусству исполнения. Многим обязаны мы и Марии Якимовне Плехановой — колхозной стряпухе села Покровского, Егоршинского района, Свердловской области.

Заслуженный деятель искусств РСФСР Л. Христиансен и песенники В. Конюхов и В. Шелковкина



Таких мастеров и мастериц пения, как правило, отличает особенно выразительное исполнение. Помню, как-то я записывал песни у любителя-старателя Ивана Артемьевича Карыпова из деревни Малая Лая, Кувшинского района, нашей же области. У него звонкий и высокий голос, удивительный для его возраста: Карыпову было тогда 73 года. Записал я напев драматической песни «Дубравушка» точно, нота в ноту, и для проверки пропел ему. Прослушав, Иван Артемьевич виновато улыбнулся и сказал:

— Правильно, да не совсем! — И пропел еще раз сам, то же самое, но с волнением, со слезами в голосе.— Вот так будет правильно!

Наиболее проникновенным бывает пение, когда певцы поют в родной им обстановке или же когда они думают, что их никто не слышит. Передать все эти оттенки нелегко. Пожалуй, только в исполнении «Черемухи» нам удалось сохранить и донести естественный, подлинно жизненный характер народной песни. Я услышал ее впервые от артистов нашего хора, когда в 1944 году мы выехали в гастрольную поездку. В полутемном вагоне пригородного поезда группа девушек запела «Черемуху» «для себя». Пели вползвука, задушевно, тепло. На всю жизнь запомнилась мне обаятельная, чистая интонация свежих девичьих голосов. Эту манеру пения, точнее, напевания, мы передаем и в исполнении «Уральской рябинушки».

В нашем репертуаре немало песен советских композиторов-профессионалов, главным образом уральцев, но с наибольшим увлечением мы занимаемся фольклором, и именно на нем творчески сформировались и выросли наши артисты.

Мы много даем концертов по всей стране, побывали и за ее рубежами. Но не устаем выявлять и привлекать опыт народных песенников, укрепляя связи с многими самодеятельными коллективами.

Мы с гордостью можем заявить, что в одной только нашей Свердловской области около двух тысяч народных хоров. У нас, в Свердловске, ежегодно проводятся семинары самодеятельных песенников, в них принимают участие и композиторы-любители, и начинающие поэты, и так называемые «распевщики». Обычно у песенника слова и основная мелодия складываются и возникают одновременно. Для каждого участника семинара такое сочинение тут же, на занятии, пусть даже самых незатейливых мелодий и стиха, обязательно. Когда песня сложилась и, что называется, «получилась», она коллективно «распевается». Певцы-«распевщики» и создают требуемое многоголосие.

Семинары эти очень полезны, особенно если учесть, что вообще художественный уровень многих самодеятельных хоровых коллективов невысок. Крайне мало еще в них настоящей культуры, слабо изучается нотная грамота. Причина одна, и она давно установлена: отставание с преподаванием пения и музыки в школах.

Культура пения должна складываться с детских лет! Только при этом условии музыкально одарен-



Уральский народный хор.
Фото И. Тюфякова

ные люди, которых у нас великое множество, перестанут оставаться... музыкально неграмотными. Широко вошедшее у нас в практику народных хоров так называемое «устное сочинительство» песен с последующей их нотной записью специалистом, тем не менее, полностью себя оправдывает.

Немало есть удач в создании песен у хора молодых строителей Воронежа, хора железнодорожников Вологды, давно прославилось творчество песенницы Урала домохозяйки Е. П. Клюшниковой. Плодотворно работает в Молотовской области самодеятельный композитор М. Камский. Он сочинил слова и музыку популярной в наших хорах песни «Новая неделька», построенной на использовании хорового аккомпанемента солистке, кстати, старой традиции уральских песенников.

Плодотворно творческое содружество начинающей поэтессы Н. Солохиной и уральского композитора Е. Родыгина: созданная ими песня «Едут новоселы» поется сейчас чуть ли не всюду.

Успехи самодеятельных песенников были бы значительно бо́льшими. Но многим из них мешает незнание нот. И еще один наболевший вопрос: издательства недостаточно помогают нам репертуаром. Сборники народных песен почти не издаются, а подготовленные собирателями «рассматриваются» годами. Непонятна эта странная осторожность, особенно если учесть, что посредственные эстрадные песенки находят в издательствах самую сердечную заботу. А десятки тысяч хоровых кружков годами испытывают нужду в репертуаре, осаждают и радиовещание и более крупные хоры просьбами «переписать и выслать» ту или иную полюбившуюся им песню.

Недавно на страницах «Правды» группа ведущих советских композиторов и хоровиков подняла вопрос о создании Русского хорового общества, поставив перед ним широкие музыкально-просветительные задачи, в том числе, конечно, и всемерную заботу о развитии хорового искусства в стране.

Нельзя не присоединиться к этому пожеланию! Многого еще недостает для создания нормальных условий развития хорового дела в стране!

Однажды наш хор выступал в Свердловске по радио. Передача началась, а мне надо было уйти на занятия в консерваторию. И вот вижу, на улице женщина стоит у репродуктора и слушает. Она вся погружена в песню. Замолк хор, и женщина пошла своей дорогой, видимо, торопясь. Но тут началась новая песня, и она вернулась: родная уральская мелодия не пускала ее!

У нас таких слушателей, любящих хоровое искусство, многие миллионы.

Пусть же множатся и дальше у нас коллективы певцов и творцов новой народной песни! Такой песни, о которой можно было бы сказать словами Гоголя: «Это народная история, живая, яркая, исполненная красок, истины...»

Нина Солохина — автор песни «Едут новоселы» (музыка Е. Родыгина).



БОЛЬШАЯ ДРУЖБА

Мы печатаем интервью писательницы Марии Тересы Леон с известной испанской драматической актрисой Маргаритой Ксиргу, которая сейчас руководит Национальным театром в Монтевидео (Уругвай).

Маргарита Ксиргу стала известна в Испании своим блестящим исполнением героинь в комедиях Лопе де Вега и Кальдерона. В 1939 году она эмигрировала в Аргентину, где с большим успехом ставила пьесы испанских классиков и современных драматургов демократического направления. Особенно часто обращалась она к пьесам Федерико Гарсиа Лорки, трагически погибшего 20 лет тому назад в Гранаде. О большой творческой дружбе, которая связывала Маргариту Ксиргу и великого поэта, рассказывает испанская писательница.

Мы сидим в уютном фойе театра Колон. Мы — это Маргарита Ксиргу, Мигель Ортин, муж Маргариты, ее настоящий ангел-хранитель, и я. Только что закончилась опера Хуана Хосе Кастро. Маргарита закрывает на мгновение глаза, и картины прошлого снова предстают перед нею...

— Ему бы она понравилась! Я говорю, Федерико был бы в восторге от этой оперы.

Мы еще полны музыкой оперы Хуана Хосе Кастро, той музыкой, которая стала новой одеждой «Кровавой свадьбы» Гарсиа Лорки. Нам слышно, как в зале вновь и вновь поднимаются аплодисменты — яркое свидетельство успеха...

Сидим здесь и продолжаем нашу беседу с Маргаритой о Гарсиа Лорке. Мы чувствуем его руку в своей, каждый день ощущаем его незримое присутствие. Увы! Только незримое!

Объединение испанской демократической интеллигенции в Аргентине опубликовало открытое письмо с обращением к университетам и культурным организациям всех стран отметить память трагически погибшего поэта. Одним из первых откликнулся парижский университет.

И обо всем этом мы говорим с Маргаритой. Говорим о вечерах памяти Лорки. Писатель Алехандро Касона составил большую программу, где при участии Маргариты Ксиргу и известных испанских и аргентинских артистов будут представлены сцены из «Кровавой свадьбы», «Дома Бернарды Альбы», «Йермы», «Чудесной башмачницы», «Доньи Роситы», «Марьяны Пинеды»... Между сценами из драматических произведений поэты многих стран прочтут свои стихи, посвященные памяти Гарсиа Лорки.

Нас постоянно осаждают вопросами: «Каким был Федерико?» И мы с Маргаритой рассказываем, как он часто сидел за фортепьяно, слегка откинувшись назад, как заразительно он смеялся, закрывая лицо руками... Какое это было чудесное время, счастливые дни, проведенные в Мадриде!

— Тогда я ставила в театре Фонтальба «Марьяну Пинеду». Меня вдохновило произведение великого поэта.

Маргарита замолчала. Когда она начала вновь, то голос ее слегка задрожал:

— Однажды так случилось, что мы немного отдалились друг от друга. Он сам был виноват в этом. Но вскоре Федерико почувствовал угрызения совести, и этот прекрасный человек подошел ко мне и сказал очень просто: «Я уже написал для тебя два акта...» Это была «Йерма». Прошло много времени, прежде чем он закончил третий. Но в конце 1934 года Федерико вернулся из Буэнос-Айреса, и мы поставили «Йерму» в Мадриде, в Испанском Национальном театре.

После спектакля, когда зрители без устали вызывали автора, Федерико сказал мне, стоя за кулисами: «Твоя рука впервые вывела меня на сцену...» И я ответила ему тогда: «Сейчас на сцену вывела тебя я, но когда мне будет много лет и я буду уже стара, ты подашь мне руку, которой к тому времени напишешь уже много пьес». Как я ошиблась! Он умер так рано!..

Маргарита говорит о Федерико, как мать о ребенке, которого у нее похитили. Ее слова полны горечи. Прекрасная испанская актриса, силою обстоятельств очутившаяся вне испанского театра, кому, как не ей, так говорить о Лорке!

Об Испанском Национальном театре Маргарита вспоминает, как о месте, где любили собираться многие. Не было ничего приятнее для писателя, как подняться в небольшой уютный театральный салон, стены которого всегда увешаны портретами различных авторов и артистов. Там часто можно было встретить президента Испанской республики и одновременно писателя Мануэля Асанья, лучших представителей интеллигенции того времени.

Маргарита показывает несколько фотографий:

— Этот блестящий атласный костюм очень нравился Федерико. Посмотрите, рядом со мной он выглядит здесь совсем мальчиком. Эта фотография была сделана в Барселоне во время представления «Доньи Роситы».

Маргарита рассказывает о последней пьесе Лорки, которая еще не имела названия: писатель закончил только два акта.

Действие происходит в театре, где ставится комедия Шекспира «Сон в летнюю ночь». Внезапно в городе вспыхивает восстание. Публика не может выйти из театра на улицу. Представление прекращается, и между артистами и публикой завязывается диалог. Женщина из зала в отчаянии кричит: «Мои дети! Что будет с моими детьми? Какой ужас!..» Поэт, сидящий в зале недалеко от нее, возражает, что бывают вещи намного страшнее, и в доказательство читает заметку из газеты, которую достает из кармана. В заметке говорится о том, что в рождественскую ночь на улице нашли умершую от голода женщину с грудным ребенком... Титания, персонаж из комедии Шекспира, вступает в спор, который разгорается все сильнее и сильнее. Постепенно люди показывают свое подлинное существо, становится виден их эгоизм, трусость, жестокость и т. д. Поэт не выдерживает и бросается на улицу, где погибает.

— Второй акт происходит на улице, где умирает поэт,— заканчивает Маргарита.— Я спросила Федерико: «А где же будет остальное?» Он ответил: «Третий акт будет на небесах...»

Это страшное совпадение в судьбах главного персонажа его последней пьесы и самого поэта нас потрясло. Мы долго сидим молча. На столе перед нами фотография, которую мы получили недавно из Гранады: маленький домик, где жил Лорка, в городке Фуенте Вакерос. Две старые худые женщины стоят у порога, охраняя дом, как святыню.



Мария Тереса Леон (слева) и Маргарита Ксиргу.

МОЛОДОЙ ВРАЧ НА ЦЕЛИНЕ



— Сегодня Люда сделала первый шаг,— говорит мать врачу В. А. Корниловой.

Фото П. Коновалова.

Девочке было очень плохо. Врач с трудом прощупывала пульс; не помогали уже ни камфара, ни кислород. Молодая, неопытная мать запустила болезнь и ночью, в стужу и буран, принесла в больницу умирающего ребенка.

— Позвоните в Кокчетав, вызовите санитарную авиацию,— советовала фельдшер Житухина Вере Алексеевне Корниловой, врачу целинного зерносовхоза «Александровский», Кокчетавской области.

— Звоните,— коротко сказала Корнилова. И снова наклонилась с кислородной подушкой к девочке.

...Поздно, слишком поздно! Двустороннее воспаление легких, гнойное воспаление ушей, возможно, начинающийся менингит, а Людочке нет еще и года! Нельзя ждать помощи из области, нельзя медлить: счет идет на минуты и секунды. Иначе ребенок не доживет до утра!

— Оставьте телефон,— говорит фельдшеру Корнилова.— Приготовьте все для переливания крови.

— Но у матери нельзя брать кровь: она болела туберкулезом,— напоминает Житухина.

— Я знаю.— Вера Алексеевна закатывает рукав халата и тщательно протирает спиртом свою руку...

Через три часа, когда ребенок заснул, врач вышла в приемную и увидела там Людину мать — комсомолку Галину Агромакову, недавно приехавшую в совхоз с Урала.

— Ну, что, доктор? — в голосе тревога и ожидание.

— Не беспокойся, будет жить,— отвечает Вера Алексеевна.

Семь раз врач В. А. Корнилова отдавала свою кровь Люде Агромаковой и спасла жизнь ребенка.

— Ну что же здесь такого? Это мой врачебный долг,— говорит Вера Алексеевна.

В маленькой приемной совхозной больницы ослепительная чистота, цветы, накрахмаленные вышитые занавески.

— Вот здесь, где построен наш дом, два года назад в степи был вбит колышек и раскинулись палатки. А сейчас, видите, целый поселок: дома с центральным отоплением, баня, магазин, столовая, наша, хоть маленькая, но своя больница,— рассказывает Корнилова.

...Вера Алексеевна приехала в Казахстан из Витебской области. Там, на родине, она заведовала поликлиникой, работала в районной больнице. Отец Корниловой — старый медик — одобрил решение дочери поехать на целину, но не советовал брать с собой сына. «Нет, не на гастроли я отправляюсь, возьму Игоря»,— ответила Вера Алексеевна.

У врача Корниловой за плечами нелегкая трудовая жизнь. Она начала работать медсестрой в Ленинграде в дни военной блокады, была на фронте. После войны вернулась в разбитый родной Витебск, жила в землянке, училась в институте и работала, помогая семье, вернувшейся из партизанского отряда, и брату, тяжело раненному летчику.

На целине первым ее врачебным кабинетом была брезентовая палатка. Однажды во время приема буран сорвал палатку с колышков. Вера Алексеевна, наскоро укутав пациента, бросилась подбирать подхваченные ветром бинты, порошки, медикаменты...

А такие неожиданные случаи, как с Людочкой Агромаковой, бывают иногда в целинной больнице. Подчас нужно моментально принять решение, а посоветоваться не с кем, и нет пока под рукой ни рентгена, ни лаборатории.

...Открывается дверь, и входит Галина Агромакова с Людочкой на руках. Двадцать восемь дней пролежала Люда в больнице. Ее выписали здоровой и крепкой.

Мать ставит девочку на пол, и та, улыбаясь, шагает и хватается ручкой за белый врачебный халат.

И. ИЛЬИЧЕВА

СОБРАНЫ ДРЕВНИЕ РУКОПИСИ

Экспедиция отдела рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина прибыла в заволжскую часть Горьковской области. Население было оповещено: экспедиция собирает древние рукописи. Одновременно научные сотрудники Б. Шлихтер и Я. Щапов пешком обходили деревни.

Всего было собрано 55 рукописных книг XV—XIX веков. В их числе немало исторических и литературных произведений. Сейчас эти рукописи изучаются.

Одна из них, относящаяся к XVIII веку,— запись варианта былины об Илье Муромце. Приобретены «Повесть о снах Шахаиши» и «Хождение Трифона Коробейникова». Имеется до 200 списков «Хождения» и более 40 печатных изданий.

Очень красиво написана «Азбука крюкового пения», некоторые главы которой украшены художественными заставками. Современная пятилинейная нотная система существует на Руси с XVII века. До этого были нотные знаки, называвшиеся крюками — от наиболее простого знака, напоминающего крюк. Вот некоторые названия этих нот: «крюк простой», «крюк мрачный», «крюк светлый», «стопица», «змеицо», «дуда», «паук»... Крюковыми знаками и делались записи.

Найден новый список широко известной среди ученых «Казанской истории», рассказывающей об истории Казанского царства. Написана она во второй половине XVI века. Неизвестный автор — русский, долгое время бывший в плену у татар. В рукописи изложены взаимоотношения Москвы и Казани, описаны и походы на Казань.

В числе покупок — «Китежский летописец», поэтические легенды которого вдохновили композитора Римского-Корсакова на создание оперы «Сказание о невидимом граде Китеже».

Очень хорош по исполнению небольшой по формату сборник XVI века, в котором помещены астрономические таблицы, грамматические правила, сказание о зиме, весне, лете и осени. Любопытны вопросы и ответы по правописанию, как, например: «Чего ради в славянской азбуке больше букв, чем в других письменах?» Книга «Тайная тайных» написана в виде бесед Аристотеля с Александром Македонским. По содержанию своему книга является своеобразной энциклопедией поучительного характера. На Руси она появилась в первой половине XVI века, а в Европе — в XV веке. На русский язык переведена с латинского. Приобретенный библиотекой список начинается словами: «Александре ведай иже мудрость сия нужная царю больше нежели иному человеку».

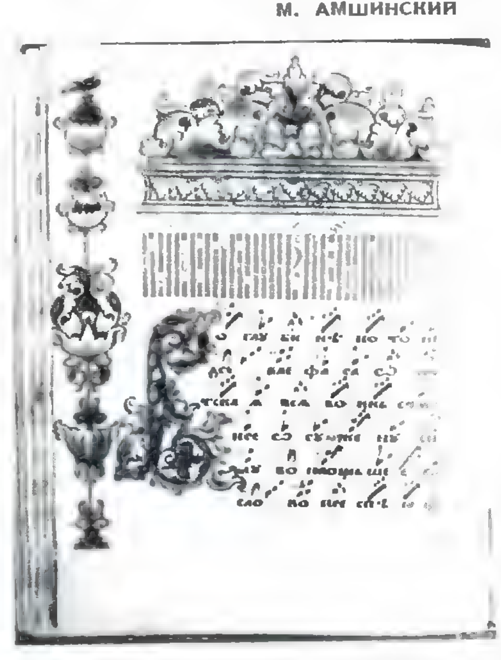
Интересен ранее неизвестный перевод книги Иосифа Иакова Пленка «Физиология или наука о действиях тела человеческого», датированный 1780 годом.

Приобретен писанный при Иване Грозном «Апостол». Рукопись отличается тем, что церковные тексты перемешаны с загадками и пословицами. Можно подумать, что это шутка писца, которому надоело писать духовные тексты, и он развлекался, вписывая фольклорный материал...

Куплены два экземпляра «Кормчей книги». В ней собраны церковные правила и гражданские законы древней Руси. Приобретены жития Сергия Радонежского, Федора Смоленского и убитого в орде Михаила Черниговского, а также «История о Никоне патриархе».

Участников экспедиции повсюду встречали доброжелательно, и владельцы рукописей охотно показывали все, что у них есть. Были случаи, когда сначала отказывались продавать книги, но, узнав, что их приобретают для Государственной библиотеки имени В. И. Ленина, отдавали бесплатно.

М. АМШИНСКИЙ



Нотная крюковая рукопись конца XVIII века

МАЛОГАБАРИТНОЕ ПИАНИНО



В середине декабря свердловская фабрика клавишных инструментов выпустила первую партию малогабаритных пианино «Урал». Длина нового пианино всего один метр, а ширина — 53 сантиметра. Оно занимает мало места, изящно отделано и обладает хорошим звучанием.

Как сообщили на фабрике, в этом году производство пианино новой марки будет значительно расширено.

Малогабаритные пианино начали выпускать также фабрики клавишных инструментов и в других городах страны.

А. ГОРЯИНОВ

Фото И. Тюфякова.

«Огоньку» отвечают

«Скучно в Казалинске»

В журнале «Огонек» (№ 51 за 1956 год) был опубликован очерк «Скучно в Казалинске», в котором рассказывалось о слабой культурно-массовой работе в этом городе.

Как сообщил редакции секретарь Казалинского райкома партии тов. У. Нургазиев, очерк «Скучно в Казалинске» обсуждался на расширенном заседании бюро райкома. Установлено, что факты, изложенные в очерке, полностью соответствуют действительности. За последнее время партийные, комсомольские и профсоюзные организации ослабили воспитательную работу среди населения. Районный Дом культуры и железнодорожный клуб ограничили свою работу лишь демонстрацией кинокартин и танцами. На комсомольских и профсоюзных собраниях редко обсуждаются вопросы дисциплины. Редко читаются лекции.

Бюро райкома особо отметило неудовлетворительную работу органов суда, прокуратуры и милиции по борьбе с хулиганством и нарушениями общественного порядка.

В городе Казалинске, а также в поселке Ново-Казалинск проведены собрания рабочих, служащих и учащихся средних учебных заведений, на которых обсуждались факты, изложенные в очерке.

За ослабление культурно-массовой работы, безответственное отношение к организации и проведению культурно-массовых мероприятий директор Дома культуры тов. Жигачев и художественный руководитель железнодорожного клуба тов. Ключников от работы освобождены.

Бюро райкома наметило ряд мероприятий, направленных на оживление культурно-массовой работы в городе Казалинске. Возбуждено ходатайство о выделении средств на строительство Дома пионеров и здания школы с интернатом на 200 мест в поселке Ново-Казалинск.

Очерк «Скучно в Казалинске» вызвал отклики читателей.

Об отсутствии клуба и кинозалов в городе Молочанске, Запорожской области, написала тов. Охрименко Н. Ф. «До войны это был уютный городок,— пишет она.— Школьники проводили свой досуг во Дворце пионеров. Здесь они обучались игре на музыкальных инструментах. Для взрослых был клуб со зрительным залом на 350 мест и с комнатами для кружков. Гитлеровцы сожгли и Дворец пионеров и клуб. И до сих пор в Молочанске стоят руины. Не восстановлено и здание кинотеатра».

Читательница В. М. Жуковская пишет из Охотска, Нижне-Амурской области:

«Охотск — поселок большой, насчитывающий не одну тысячу жителей. Кроме того, это районный центр. А вот, представьте себе, читальни, и то не имеется. Есть районная библиотека, приютившаяся в крошечном, совершенно не подходящем для этого помещении. И там у стены стоит один-единственный стол. Разместиться за ним может максимум 6—8 человек. Маленький, запущенный клуб громко именуется у нас «Домом культуры». Но там, кроме танцев и кино, ничего не бывает».



Лодочные гонки

Рассказ

Уолтер МЭККИН

Рисунки П. КАРАЧЕНЦОВА

Все это произошло потому, что в канун праздника святого Патрика Колм пришел в гости к Сорче.

Он прекрасно знал, что по-настоящему рады ему там не были. То есть ему были рады сама Сорча, ее мать Сайобан и младший брат, Финтан. Но самый главный человек в доме — Донаф, отец Сорчи, был убийственно вежлив, с таким вниманием выслушал его мнение о разных вещах, что Колма прошибал пот. Все расположение и благожелательность матери и дочери разбивались о неодобрение главы семьи.

Колм вовсе не хотел этой встречи, но на ней настаивала Сорча.

— Ты должен встретиться с отцом,— говорила она,— пусть он узнает тебя и полюбит, несмотря на то, что ты не любишь моря.

В том-то и была беда.

Деревня стояла на берегу Атлантического океана. Океан не всегда улыбался людям, но они хорошо изучили его повадки и то принимались пахать свои каменистые поля, то брали шлюпки и рассекали волны в поисках рыбы, чтобы пополнить запасы продовольствия или продать улов прижимистым торговцам, приезжавшим на грузовиках из близлежащего города.

Колм не любил моря. Он считал, что море требует слишком многого за то немногое, что дает. Поэтому все свои усилия он сосредоточил на каменистой земле. И отец его был таким же. Он очищал от камней свои поля, хорошо удобрял их, вспахивал, а затем обсаживал деревьями, обносил высокой каменной стеной, чтобы защитить от соленых морских ветров. Если какая-нибудь семья покидала побережье или если океан неожиданно выхватывал из жизни ее главу, отец Колма, а вслед за ним и сам Колм покупали оставленные участки и принимались терпеливо выворачивать ломами или при помощи взрывчатки камни, удобряли, вспахивали поля и ухаживали за ними.

Теперь у Колма было двадцать акров земли, не считая болот и охотничьих угодий в предгорьях. Это казалось невероятным, но его участок действительно приносил доход. На все восемь округов провинции Колм был единственным человеком, обладавшим цветущей, доходной фермой, и это при том, что он ни разу не опустил весел в море. Он сажал на своих полях овощи и с выгодой сбывал их в городе. У него были три коровы, дававшие прекрасный удой. Молоко и масло он тоже продавал в городе. Колм преуспевал на своей тщательно возделанной земле. Получив государственную субсидию, он снял соломенную крышу и покрыл дом шифером. Построил хлев, крытый асбестом. В дни холодной атлантической зимы здесь было тепло и чисто, коровы были довольны и сторицей возмещали затраты.

Так почему же Донаф не любит его?

Сидя на деревянном стуле перед очагом, Колм старался решить для себя этот вопрос.

Он был широкоплеч, с крупными, натруженными руками — сейчас он потирал их в нерешительности,— круглое лицо его было чисто выбрито. Одет он был в синий костюм, все еще сохранявший складку.

Донаф сидел, откинувшись, положив на колено ногу в башмаке, подбитом гвоздями. На нем были грубые, домотканные брюки, серая шерстяная рубашка и белая овчинная куртка. «Что годилось моему отцу, годится и мне...» Ему перевалило за шестьдесят, но он оставался высоким, сухопарым и гибким, и только серебристые пряди в курчавых черных волосах и седоватая щетина на небритом лице выдавали его возраст. Живот у него был плоский, как доска. И хотя Колм знал, что в синем кувшине, стоявшем на посудном шкафике, у хозяина не нашлось бы, да вряд ли когда-нибудь и будет, больше десяти шиллингов, он понимал, что с Донафом ему никогда не сравняться: Донаф был лучше его; об этом говорил весь его облик, каждая морщинка на обветренном лице.

Колм подумал: «Неужели мне сейчас придется уйти навсегда?» Он посмотрел на Сорчу. Она стояла у стола возле посудного шкафика и помогала матери вытирать посуду. У Сорчи такие же черные вьющиеся волосы, как у отца. На ней синее платье в белый горошек, стянутое поясом на тонкой талии, и когда она поворачивалась, вот как сейчас, проступали красивые очертания ее бедра. Она смотрела на него, и взгляд ее, казалось, говорил: «Не уходи!» И Колм понял, до чего он любит Сорчу, и сказал про себя: «Пусть старый черт провалится куда угодно!» Он сел прямее и перестал потирать руки.

— Итак, значит, море вы не любите, господин Колм? — очень вежливо осведомился Донаф.

— Я не говорил, что не люблю моря,— ответил Колм,— я только полагал, что у нас в деревне ему отдают слишком много времени. Вот и все. Я люблю погрести иногда. Люблю взять в воскресный день лодку и выйти в море, поймать жирную треску на ужин. Только я считаю, что чем больше отдает человек своей земле, тем больше он получает от нее взамен, а чем больше отдает он морю, тем меньше получает, если оно в конце концов и вовсе не прикончит его.

«Вот теперь я окончательно погубил себя,— угрюмо подумал Колм, заметив отблеск отчаяния в глазах Сорчи.— И чего это я разболтался? Длинный язык никогда еще до добра не доводил. Только я не люблю лицемерить и считаю, что, если Сорча действительно меня любит, она должна выбрать между отцом и мной и покончить с этим раз и навсегда. Но она, видать, любит отца и не хочет огорчать его, хотя как можно любить этого старого черта, я просто не понимаю».

— Вы не хотите сказать, что боитесь моря, господин Колм? — продолжал Донаф все так же вежливо, и слова его пронзали, как острые иголки.— Если это так, то вы самый занятный человек у нас на побережье.

— Просто мы по-разному смотрим на это дело,— сказал Колм,— и, может быть, нам лучше вообще оставить этот разговор.

— Что ж, и это правильно,— согласился До-

наф.— Можно и оставить. Не пройтись ли нам до трактира Киннилли и не выпить ли по стаканчику крепкого портера? Или, может быть, вы и портера не одобряете?

— Хорошо,— сказал Колм,— пошли к Киннилли!

«Прости навек — вот что это значит»,— подумал он про себя. Он говорил Сорче, что душа у него не лежит идти к ним в гости. Он никогда не сможет заставить себя сказать: «Донаф! Сорча и я, мы хотим пожениться, и она будет рада, если вы этому порадуетесь». Все до одного человека знали многое про Сорчу и про него. И Донаф знал. И, тем не менее, Колм скорее проглотил бы язык, чем произнес эти слова. Поэтому он их и не произносил. И теперь ему и Сорче приходится искать другой выход, вот как обстояли дела.

— Мы там долго не пробудем, Сайобан,— сказал Донаф жене.— Я вернусь через полчаса.

Он подчеркнул «я».

У матери Сорчи тревожно сдвинулись брови.

— Хорошо, Донаф,— ответила она.— Заходи еще как-нибудь, Колм.

Это означало: «Еще раз попытайся сойтись с Донафом».

— Я провожу вас до дороги,— проговорила Сорча, выбегая за ними, и, как только они вышли из полосы лунного света, взяла Колма за руку. Она крепко стиснула ее и на мгновение прижала к своему бедру. Выразила сочувствие, так сказать. Вот вам женщина!

— Только не напивайтесь там, слышите? — сказала она, стоя у дороги.

Ночь была хороша: мороз, небо все в звездах, свежий ветерок нагонял на луну облака, и они бежали, как барашки, перегоняя друг друга, и улыбались Колму и Сорче. Но Донаф неумолимо стоял рядом, так что они не могли обменяться словечком.

— Ну, а теперь, дочка, иди домой,— сказал отец,— простудишься.

— Спокойной ночи! — пожелала Сорча и повернулась.

Полмили до трактира они прошли, как будто бы были совсем чужими людьми. Их разделяли три фута неприязни. Донаф был выше Колма. Он держался прямее, плечи у него были могучие. Колм был невысок, но силен. По дороге шли рыбак и фермер, и они были так же далеки друг от друга, как если бы занимались в эти минуты каждый своим делом.

Колм обрадовался, когда после скованной морозом дороги они очутились в теплом, скупо освещенном трактире Киннилли. Трактир был битком набит людьми. Напротив низкой стойки было расставлено несколько скамеек и бочонков, на которых можно было сидеть. В воздухе смешивались запах портера, гарь коптящих керосиновых ламп и тяжелый дым самокруток.

Их встретили приветственными возгласами. Донафа более грубоватыми, чем Колма. Донаф настоял на том, что за две кружки, поставленные перед ними, заплатит он. Колм медленно потягивал портер, Донаф осушил свою кружку чуть ли не одним глотком. Колм заказал еще две кружки и заплатил за них, вынув деньги из небольшого кожаного кошелька, который носил в кармане. Он сидел на бочонке, чувствуя себя несчастным и одиноким.

И все же у него ни разу не мелькнула мысль о том, что хорошо бы ему тоже быть рыбаком, и без всяких разговоров повести Сорчу в церковь, и смеяться, и дружить со всеми посетителями трактира Киннилли.

Неизвестно, сколько времени просидел Колм, задумавшись, пока наконец его внимание не привлек громкий разговор. Донаф спорил с братьями Коннели; старый Киннилли, стоявший за стойкой, поддерживал его.

«О чем они спорят?.. Все о том же. Знакомая брехня... Лодки... Хвастовство!» — думал Колм.

Братья Коннели были похожи друг на друга, как все близнецы: оба высокие, мускулистые, с широкой грудью, небритыми подбородками. Они смеялись над Донафом.

— Свет еще не видел лучших гребцов, чем мы,— бахвалились они.— Посади в другую лодку Файона Май Кумэйла, и Голла Морна, и еще Кукулэйна и прикрути нам веревкой к бедру правые руки, все равно мы дадим им четыре мили форы и обставим, как хотим.

Братья хохотали, выставляя напоказ прекрасные белые зубы, и стучали большими кружками по стойке.

— Вас двое,— говорил Донаф.— Я старик. Я почти вдвое старше вас. Посадите мне ребенка в лодку для баланса, и я завтра же выйду в залив и побью вас. Правильно я говорю, Киннилли?

— Ты здорово гребешь,— искренне сказал кабатчик.— Так же греб и твой отец. Если бы он, царствие ему небесное, был жив и сидел рядом с тобой в лодке, я не знаю, нашлись ли бы два человека в Ирландии, которые смогли бы победить вас.

— Что?! — закричал Джеймс, тот из братьев Коннели, что был повыше.— Этот несчастный



старый Донаф? Что ты несешь? Когда-то он, может, и умел грести, но соль иссушила его мускулы. Он теперь ни на что не годится, разве что рассказывать сказки глупым рыбакам.

Донаф пришел в ярость. Он орал на братьев. Он ругал их последними словами. А те смеялись над ним. Все к тому времени были немного пьяны. Посетители трактира толпились вокруг и, хитро улыбаясь, подзуживали спорщиков. Донаф принял воинственную позу, как все старики, когда ставят под сомнение их силу и мужество. Он подтягивал пояс. Глаза его сверкали.

— Пошли,— крикнул он,— пошли сейчас же! Тащите ваши лодки, мы их спустим на воду при лунном свете... Я один против вас обоих!

— Послушайте,— сказал кабатчик Киннилли, испугавшийся, что дело может дойти до драки.— Будет вам, ребята. Оставьте это до завтра. Завтра святой праздник, завтра и разберетесь.

— Сегодня, завтра или в любой другой день! — орал Донаф.— Еще не родился человек, которого я не побил бы с завязанными глазами все равно где, на море или на суше. А если они хотят, я готов драться с ними обоими здесь, сейчас!

И он принялся стаскивать куртку.

Колм, наверное, тоже был немного пьян.

— Не будь идиотом, Донаф! — закричал он, заглушая шум.

Донаф умолк, застегнул куртку и медленно повернулся лицом к Колму.

— Ладно,— сказал он,— господин Колм советует мне успокоиться. Я уже успокоился. Мы сейчас условимся. Вот я старик. А вот вы двое молодых, у которых глотки покрепче сердец. Завтра после поздней обедни мы спустим на воду две лодки и померимся силами на заливе. Эти двое в одной лодке, а в другой, а для баланса со мной поедет Колм. Вы сами знаете, что он ни черта не смыслит в гребле. Он этого дела не одобряет. Поэтому он будет просто сидеть на полах своего пальто и помахивать веслами, если он хоть на это способен. И все равно я побью вас. Слышите? Ну, господин Колм, что вы скажете на это?

Колму давно следовало бы уйти домой. Он это понял позже. Но старик привел его в бешенство.

— А может быть, я гребу лучше вас всех! — закричал он.— Скажете, нет? Я еще докажу некоторым героям, что один фермер в лодке стоит больше, чем любых два из вас!

«...Что это нашло на меня? Ведь я терпеть не могу всего этого. Лодки, хвастовство, вечная брехня... И вот я сам туда же... И все потому, что этот старик презирает меня, издевается, дразнит. Я его не переношу! И вовсе не из-за дочери. Просто между нами что-то есть».

Они стояли, выпрямившись, и ни один не опускал глаз. Потом Колм поставил на стол кружку и вышел. Вдогонку ему послышался хохот.

Если двое начнут копать яму на городской улице, вокруг них соберутся тысячи зевак.

В день святого Патрика после поздней обедни сотни людей собрались на двух узеньких полосках земли, охвативших залив с двух сторон. Все это место напоминало букву «с», расположенную горизонтально. Шесть миль бурного моря разделяло два мыса. Солнце грело слабо, свежий ветерок тянул с Атлантического океана. Честное слово, море хлопало в ладоши: кто-то уже донес ему, что нашлись четыре дурака, которым, казалось бы, не следовало спускаться на воду в такое время года и которые все-таки собираются сделать это. Оба мыса кончались скалами. Постепенно суживаясь, скалы походили на наконечники копий из закаленной стали, зарывшиеся в воду. Сейчас оба мыса были украшены гирляндами людей и расцвечены яркими красками. Все девушки были в воскресных платьях, старухи — в красных юбках, клетчатых фартуках и платках. Солнце отражалось в никелированных частях велосипедов, небрежно сваленных в кучу на земле. Все болтали и громко смеялись; все бились об заклад, кто победит.

Пока Колм добрался до южного мыса, он чуть не умер от смущения. Люди уступали ему дорогу, указывали на него пальцами. У него ныло под ложечкой. Он уже перестал удивляться тому, что случилось с ним прошлым вечером; он шел сюда в надежде, что вызов был сделан по пьяной лавочке, что ему можно будет вернуться домой и забыть всю эту чепуху. Но, увидев собравшуюся толпу, он понял, что надеяться на это не приходится. Вид Донафа, небрежно сидевшего на краю перевернутой лодки, окончательно добил Колма. Он направился к старику.

— Хм,— сказал Донаф,— я не был уверен, явитесь ли вы.

Колм не ответил. Он жмурился от ослепительного блеска моря. Он не смотрел в ту сторону, где толпился народ. Что подумает о нем Сорча?



— А где братья Коннели? — спросил он с последним проблеском надежды: а вдруг они за ночь умерли в судорогах!

— Вон идут,— сказал Донаф и показал рукой через плечо.

Братья спускались к узенькому причалу, неся на плечах лодку. Головы их были скрыты бортами лодки, виднелись только шагающие ноги. Люди что-то кричали им, когда они проходили мимо, а голоса и смех братьев с гудением доносились из-под лодки. Они дошли до причала и опустили ее на землю.

— А, так вы здесь? — сказал Джеймс.— А я думал, что вы уже удрали за границу от позора.

Его брат тоже ухмылялся.

— Было бы лучше, если бы они удрали,— сказал он,— а то через четыре часа их подымет на смех вся провинция.

— Что с вами разговаривать! — сказал Донаф.— Подождите, пока не придет Пат Киннилли, чтобы дать старт. Тогда придется пожалеть вас, ребята!

— Старый Пат идет,— сказал кто-то.

Кабатчик Киннилли в праздничном котелке спускался вниз. Он запыхался: все знали, что единственным привычным для него занятием было потягивать портер.

— Все в порядке, все в порядке, все в порядке,— говорил старый Пат.— Спускайте лодки на воду и давайте кончать с этим. Замечательный день! — продолжал он, потирая руки и мысленно подсчитывая, сколько собралось любителей портера на обоих мысах.— Покончим с этим, и у нас будет замечательный день! Он войдет в историю нашей провинции, вот что! И пусть победа достанется лучшим!

— Колм! — сказала Сорча, хватая его за рукав и заставляя повернуться к себе. Волосы ее растрепались от ветра, и глаза смотрели сердито.— Ради чего ты все это затеял? — спросила она, не заботясь о том, слышит ли ее Донаф или нет. — Ты что, не понимаешь, что он просто над тобой издевается? Очень ему нужны эти гонки! Ему нужен ты. Он будет теперь всю жизнь повторять: «Если бы со мной в лодке — не этот дурень фермер...» Вот что он будет говорить. Не обращай внимания на них, Колм, уйдем отсюда со мной, и, если захочешь, ноги моей больше не будет в доме отца!..

Колм почувствовал злобу, кипевшую в словах Сорчи. Кто бы мог поверить, что Сорча способна на это?

«Ну, хорошо, — подумал он.— Что меня удерживает здесь? Мужская гордость, ничего больше».

— Они и раньше смеялись надо мной, Сорча, — сказал он вслух, — и, видит бог, будут смеяться и после. Но сегодня дело особое. Я все равно пойду в море, даже если мне будет крышка.

— Должно быть, так и будет! — сказала Сорча, топнув ногой. На ней были красивые, праздничные ботинки; ноги в шелковых чулках выглядели очень изящно.— Море сегодня неспокойно,— добавила она.— А между двумя мысами есть гиблые места.

— В лодки сядут четверо,— сказал Колм,— три рыбака и один фермер. И хоть, может быть, я один из всех не умею ловить рыбу, зато я один умею плавать, а это тоже чего-нибудь стоит.

— Если вы готовы,— послышался голос Донафа,— так помогите мне спустить лодку на воду. Не хотите — возьму с собой Сорчу.

— Прощай, Сорча! — сказал Колм, отворачиваясь от нее.

Тут он здорово насмешил всех. Он осторожно снял свой синий пиджак, свернул его и уложил на камне. Потом снял воротничок и галстук. Братья Коннели уже сидели в раскачивающейся лодке и держались грубыми ручищами за настил причала. Они были небриты, одеты в фуфайки, поверх которых набросили овчинные куртки. Колм все еще стоял на берегу в своей белой рубашке, с безукоризненной складкой на брюках. Он был так непохож на своих соперников, что люди вокруг невольно рассмеялись. Впрочем, осуждать их за это нельзя: как говорили потом, стыд и позор было заставлять лезть в рыбачью душегубку этого франта Колма.

Спустили вторую лодку. Колм посмотрел на бегущие волны, почувствовал, как легка лодка — просмоленный брезент, натянутый на тоненькие планки, больше ничего. Ему стало не по себе. Хорошо же! Он стиснул зубы. Лодка прыгала на волнах, как пробка. Донаф опустился на сиденье, и она слегка выровнялась. Колм сел сзади него. Братья Коннели уже отвалили от пристани и скользили по сильной волне, без всякого усилия работая тяжелыми веслами.

Пат Киннилли кричал, сложив руки рупором у рта:

— Эй, вы, ровняйтесь в линию и будьте готовы начинать, как только я подам команду!

Донаф с силой взмахнул веслами, и причал остался позади. Колм пытался соразмерить свои движения с Донафом, но замешкался, и его правое весло сцепилось с веслом старика. Лодка повернулась и пошла обратно к причалу. Колм покраснел, услышав насмешливые замечания, доносившиеся с берега.

— Опусти весла,— сказал Донаф не сердито,— смотри мне на спину, а не на весла. Когда я наклонюсь, ты наклоняйся, когда я загребаю, ты загребай.

Он снова повернул лодку. Колм поднял весла и старался уловить такт. Он поймал его. Не впервые же он садится в лодку! Просто вся эта история подействовала на него угнетающе. Посмотреть с берега — ничего особенного.

Они подровнялись к братьям Коннели. Те поплевывали на руки и ухмылялись. Ничего не говорили, только ухмылялись. Лучше бы они этого не делали, потому что Донаф, пристально смотревший на берег и на поднятую руку Пата Киннилли, первым увидел, как тот опустил ее. Команду Пата ветер отнес в сторону, она запоздала, и, прежде чем братья услышали ее, хитрый старый Донаф был уже на четыре лодочных корпуса впереди и набирал темп.

«Не так уж плохо,— думал Колм.— Надо заводить весла и срезать волну. Только не зарывать их. Заводить и срезать...»

Вода была зеленого цвета, белые гребни то и дело появлялись на верхушках волн. Лодка шла наперерез волне: вверх — вниз, вверх — вниз. То и дело вода заливала лодку, и Колм почувствовал, как промокли у него ноги, как морская вода насквозь пропитала его прекрасные синие брюки, со складкой, которая теперь исчезнет навсегда.

Скоро у него заболела левая рука. Волны ударялись о нос лодки, отклоняли ее от прямого пути. Чтобы выпрямлять ее, приходилось сильнее налегать на левое весло. Некоторое время все как будто было в порядке. Он крепче сжал весла большими руками и стал грести сильнее. «Вперед — назад! Раз — два, заводить — срезать. Мне это нипочем!» Через плечо Донафа он видел лодку братьев Коннели, она шла за ними почти вплотную. Братья, казалось, гребли без всякого усилия. Их движения были точно согласованы. Он видел, как напрягались мускулы под рубашкой на спине Донафа. За годы, проведенные под солнцем, шея у старика загорела дочерна. Шея была морщинистая и жилистая. «Здорово гребет!» — думал Колм. Он весело приналег на весла. Расстояние между лодками начало увеличиваться.

— Полегче, полегче,— услышал он голос Донафа.— Береги силы на обратный путь. Не забывай об этом.

Колм опомнился. Шесть миль туда, шесть миль обратно! Всего двенадцать. Смогут ли они делать по три мили в час? Получается четыре часа. «А продержусь я четыре часа? Почему бы нет? Я им еще покажу!..»

Они приближались к противоположному мысу, до них стали доноситься крики людей. Все было в прежнем положении. Лодка братьев Коннели отставала от них почти на четыре корпуса, но Колм отчетливо видел ее сквозь туман усталости.

— Загребай правым! Правым теперь! — услышал он крик Донафа и машинально налег на правое весло. Это было почти наслаждением, левая рука совершенно онемела. При повороте их захлестнуло волной, вода хлынула в лодку. Колм промок до пояса.

Потом перед ними возник заполненный народом мыс, и вот они уже держат курс обрат-





но. Теперь море невыносимо давит на сухожилия правой руки. Колм видит людей на мысу, они машут им, что-то кричат, но лиц он не может разглядеть: мгла застилала глаза.

На мгновение ему показалось, что глаза выскакивают у него из орбит. Он снова услышал голос Донафа:

— Греби правой, вычерпывай воду левой! Слышишь? Вычерпывай левой!

Колм отпустил левое весло и стал шарить позади себя, пока не нащупал ржавую жестяную банку. Он принялся вычерпывать воду, которая доходила почти до колен. Донаф делал то же самое, и если бы они могли обернуться, то увидели бы, что братья Коннели занялись тем же. Было приятно размять пальцы, делать ими что-то другое, только не сжимать весло. Руки у Колма раньше не раз покрывались мозолями от лопаты, серпа или плуга. Но никогда это не бывало так больно. Теперь кровавые волдыри сплошь покрывали ладони, лопались; невыносимая боль, как нож, терзала все тело.

— А теперь снова за весла, за весла! — прозвучал откуда-то голос Донафа.

Колм опять взялся за левое весло.

Ему казалось, что руки его вывернуты из суставов и держатся только на коже. Словно обручем стянуло грудь, сжало легкие, дыхание вырывалось со свистом. Он дышал все чаще и чаще. Все время казалось, что не хватает воздуха. Все вокруг окрасилось в зеленый цвет. Зеленый мир то поднимался, то опускался, а в волнах мелькали маленькие человечки; они обвязывали его веревками и тянули во все стороны, стараясь разорвать на части.

Он услышал голос Донафа, а тот говорил что-то непонятное

— Может, остановимся, Колм? — спрашивал он. — Я затеял неладное. Остановимся сейчас, бог с ними, в этом для нас не будет никакого позора.

Колм с трудом выдавил из себя слова:

— Ты больше не зовешь меня господином Колмом!

— Ты хороший человек, Колм! — услышал он в ответ.— А я старый дурак.

Дыхание Колма со свистом вырывалось из груди.

— Донаф,— пробормотал он,— ты отдашь за меня свою дочь Сорчу?

— Колм,— сказал Донаф,— если бы у меня было десять дочерей, я отдал бы за тебя всех десятерых. Только давай сбавим ход. Я сделал ужасную вещь, и если ты будешь грести дальше, и мы подойдем к берегу, и вместо тебя я привезу мертвое тело, что скажет мне моя дочь Сорча?

— Донаф,— произнес Колм громче,— а где эти люди, где эти твои братья Коннели?

— Они опередили нас на пять минут, а может, и больше,— ответил Донаф.— И если бы сам бог сидел сейчас со мной в лодке, даже он ничего не смог бы поделать.

— Донаф,— крикнул Колм,— давай наляжем и догоним братьев Коннели!

Он услышал смех Донафа.

— Черт возьми, Колм, давай попробуем! — воскликнул старик. — А выиграем мы, или проиграем, или придем вместе, все равно я готов драться за тебя со всей Ирландией, и такой свадьбы, какую я устрою своей дочери Сорче, еще не видывала провинция Коннот.

Странное зрелище представилось людям, стоявшим на берегу. На бегущих волнах ныряли две черные пробки, похожие на те, что дети бросают в канавы, воткнув в них предварительно спичку. Одна из лодок намного опередила другую, и некоторое время казалось, что второй гребец во второй лодке, согнувшись вдвое над веслами, похлопывает ими по воде, словно забавляется этим. Потом человек распрямился, и вторая лодка стала набирать скорость и медленно, но верно начала нагонять ту, что шла впереди. Люди с дальнего мыса бежали по берегу, и огромная толпа сгрудилась у старта, все проталкивались вперед, вытягивали шеи и ругались, как рыбаки, отдирающие шершавых устриц от камней на пустынном взморье.

...Кто же пришел первым?

Вы можете и сейчас поехать в эту деревню и пойти в трактир Пата Киннилли выпить бутылочку портера, и когда вы достаточно подкрепитесь, выскажите свое мнение насчет того, кто выиграл знаменитые лодочные гонки. По всей вероятности, вы закончите вечер с подбитым глазом.

— Братья Коннели, говорю я вам!

— Нет, не они!! Будто бы я не видел собственными глазами, что лодка Донафа опередила их на целый фут!

— Сам черт не разберет, кто из них выиграл... Слышали ли вы когда-нибудь подобное? Двое здоровых парней против старика и огородника, никогда в жизни не садившегося в лодку! И вот это просто неслыханно, что эти двое сделали! Нет, вы послушайте, мистер... как вас там? Послушайте...

Но как бы там ни было, в тот знаменательный день все четверо появились на причале, как настоящие герои. Их подняли на плечи и с триумфом донесли до трактира Пата. Они получили четыре бутылки портера бесплатно — неслыханный поступок со стороны Пата. Колма хлопали по спине, как самого заправского рыбака; из трактира он направился прямо к дому Сорчи, а она выбежала на дорогу, чтобы встретить его на полпути. Они пересекли поле, направляясь к стогу сена, приготовленному Колмом на зиму, и там он сперва поцеловал ее, а потом потерял сознание. Сорче пришлось целых пять минут целовать его, и расстегивать ему рубашку, и обмахивать его, прежде чем он открыл глаза и посмотрел на темнеющее небо.

Израненными пальцами он стер с ее лба все заботы.

— Прости меня, Сорча,— сказал он,— но я должен сказать, что твой старик — замечательный человек!

— Странно,— сказала плачущая Сорча,— то же самое, слово в слово, он кричит о тебе.

Перевела с английского **В. ЕФАНОВА.**

Писатели и книги

ФАНТАСТИКА НА ГРАНИ РЕАЛЬНОСТИ

Все труднее и труднее становится авторам научно-фантастических произведений. В наше время, когда меняется карта земли и человеком создаются новые моря и рекн, когда работает атомная электростанция и самолеты летают со скоростью, превышающей скорость звука,— в такое время самая пылкая фантазия романиста покажется бледной и беспомощной в сравнении с реальной действительностью. Но вот вы открываете небольшую книжку Владимира Немцова «Осколок солнца», и с первых же строк автор заявляет, что он не собирается тешить читателя выдумками об отдаленном будущем: «В это лето ни один межпланетный корабль не покидал Землю. По железным дорогам страны ходили обыкновенные поезда без атомных котлов. Арктика оставалась холодной. Человек еще не научился управлять погодой, добывать хлеб из воздуха и жить до трехсот лет. Марсиане не прилетали. Запись экскурсантов на Луну еще не объявлялась.

Ничего этого не было просто потому, что наш рассказ относится к событиям сегодняшнего дня, который нам дорог не меньше завтрашнего».

Герои Немцова — простые советские люди, наши современники. Тем не менее его книги выходят в библиотеке научной фантастики и приключений. Это потому, что герои книг Немцова — люди большой мечты, романтики, страстно влюбленные в свое дело... Они хотят сделать жизнь людей счастливой, залить электрическим светом деревни и города, заставить солнце служить человеку. Автор несколько расширяет технические возможности их изобретений и заглядывает в будущее.

Две последние по времени книги Немцова (повесть «Осколок солнца» и роман «Альтаир») связаны общими героями и общей темой — радиотехникой.

...Студенты радиоинститута сконструировали телепередатчик, включающийся автоматически на пять минут через каждый час. Аппарат случайно оставили в чужой автомашине. Владельцы автомашины не знают об этом, они собираются в далекую экспедицию и приннмают аппарат за один из ящиков со снаряжением. Передатчик будет работать двадцать дней, и студенты решают во что бы то нн стало найти его. Они пеленгуют его каждый час, стараясь по обрывкам разговоров случайно оказавшихся перед объективом людей догадаться о местонахождении аппарата.

Обе книги читаются с интересом. Но они пестрят длиннотами и стилистическими небрежностями. Автор, например, настойчиво рассказывает биографии всех героев, главных и второстепенных. Во второй части «Альтаира» просто угнетает многословие профессора Набатникова.

После того, как прочитаны книги, хочется задать автору один вопрос: возможно ли все это? Какие технические трудности мешают осуществить мечту героев книги? Раньше, в 20-х годах, у издателей была хорошая традиция: в конце книги помещать небольшое послесловие видного ученого, специалиста в данной области, который популярно рассказывал о реальных возможностях осуществления описанных в книге идей. Эту традицию нужно восстановнть.

Э. ДОЛОТОВ, В. ЗЕМСКОВ

Вл. Немцов. Осколок солнца. Повесть. Изд-во «Молодая гвардия». 1955. 256 стр. Альтаир Роман. Трудрезервиздат. Москва. 1956. 583 стр.



ПТИЦЫ СВОБОДЫ

Книжка стихов Василия Захарченко — итог долгого путешествия поэта из Одессы на остров Сахалин на борту советского парохода. Сам поэт довольно верно определил в кратком предисловии содержание и своеобразие своего сборника: «Это не поэтический дневник и не стихотворный очерк о путешествии по тропическим морям и странам... Это записи мыслей...»

В самом деле, в этой книжке почти нет ни интимных описаний, свойственных поэтическому дневнику, ни житейски-бытовых подробностей путевого очерка. Голос поэта звучит публицистически остро и страстно. В нем слышится не игривый плеск океанских волн, не безмятежное дыханне тропиков, а накипевшая боль и ненависть народов к своим угнетателям...

Вот поэт в Сингапуре.
Не дома,
а сампаны, джонки,
Многовесельные ладьи...
Ребятишки без одежонки
Затевают игры свои.

Казалось бы, здесь все осталось по-старому, как и много десятилетий назад. И поэту даже кажется, что «время тупо остановилось». Он спрашивает: «Неужели у ног небоскреба возродился каменный век?!» Но времена меняются. Времена колонизаторов миновали.

Старик, черпающий соль ведром в канале («Как будто вычерпать до дна мечтает горе из канала»); бедуин в базарной толчее, напомнивший поэту партизана; старый сомалиец в порту, грозящий «отяжелевшим кулаком» иностранному авианосцу; рикша-малаец, который скоро сбросит своего американского седока,— этим людям, еще вчера задавленным, а сегодня подымающимся на борьбу, посвящает свои стихи В. Захарченко.

Над морскимн просторами «чайки, как призрак свободы, чайки летят...» Эти слова выражают главную мысль сборника.

Наряду со стихами сильными, выразительными, как «Двадцатый век», «Разговор с красивой американкой», «В банановом раю», есть в книжке и стихи слабые: «За тех, кто в море», «Переводчик», «В ботаническом саду».

К. ВЛАДИН

Василий Захарченко. Чайки летят. Изд-во «Молодая гвардия». 1956. 144 стр.



Рая Ленькова, одна из лучших телятниц колхоза «Авангард», Чкаловского района, Горьковской области. Ее имя занесено на колхозную Доску почета

Фото В. Тарасевича.



Бригадир-оленевод Рая Эреннеут. Колхоз «Большевик», Чаунского района, Чукотского национального округа.

Фото Я. Рюмкина.

Больше игрушек хороших и разных



В. БЕЛЕЦКАЯ

Фото Е. Тиханова.



Прелестному ослику не повезло: уже давно принят он Научно-исследовательским институтом игрушки, но ни одно предприятие не выпускает его.



Эти автокраны безусловно заинтересуют маленьких строителей.

В жизни сказочника и поэта Г. Х. Андерсена был такой случай: однажды незнакомый мальчик подарил ему свою любимую игрушку — сломанного оловянного солдатика. Это был щедрый подарок: мальчик отдавал своего лучшего друга. Андерсен вдел хромого солдатика в петлицу сюртука и носил как орден. Уж кто-кто, а великий сказочник знал, как дорога малышу игрушка!

Дать ребенку веселого, умного, верного товарища — дело государственной важности. И в нашей стране не случайно ежегодно производится игрушек свыше чем на полтора миллиарда рублей. Много «игрушечных дел мастеров» настойчиво трудятся над тем, чтобы сделать для ребенка красивую и добротную игрушку.

И вот для подведения итогов этой работы, для обмена опытом между различными предприятиями, делающими игрушки, организована Всесоюзная выставка игрушки.

В ее залах собрано великое множество лошадок, птиц и рыб, зверей и паровозов, музыкальных игрушек и занимательных игр, заводных машин, самолетов, кукол. Есть и тряпичные куклы, и целлулоидные голыши, и куклы с закрывающимися глазами. Очень хороши «театральные игрушки на три пальца», выпускаемые на Украине: смешной и такой знакомый Петрушка, удачливый Емеля, веселый негр. Все они сделаны с выдумкой и вкусом.

Здесь вы найдете и елочные украшения и деревянные игрушки Украины, Белоруссии и прибалтийских республик. К сожалению, сейчас совсем пропала красивая и забавная деревянная полированная игрушка горьковской и загорской росписи.

Но самое интересное для детей — оживающая в их руках заводная механическая игрушка. Из дешевой литографированной жести в Москве, Ленинграде и Киеве делают заводные машины и паровозы, железные дороги, кувыркающихся гимнастов, бегающих животных. Но эти игрушки не всегда можно найти в магазинах. В связи с этим уместно напомнить историю Ленинградского завода металлоизделий. Раньше здесь выпускали только детские игрушки, потом один из цехов стал делать лезвия для бритв, через некоторое время начали изготовлять детали для радиоприемников, а вскоре и сами радиоприемники. А игрушкам уделяли все меньше и меньше внимания...

Игрушка не только развлекает ребенка, она может и многому научить его, развить любознательность, привить любовь к труду. На выставке представлены технические игрушки для детей старшего возраста. Очень интересна электрическая железная дорога, выпускаемая заводом «Москабель». Хорошие заводные железные дороги делают на киевском заводе имени Ватутина и Московском заводе механической игрушки. Есть на выставке интересные «конструкторы», ткацкий станок, швейная машинка, наборы химикалиев и микроскопов.

Много разных игрушек на выставке. Однако в магазинах хороших игрушек еще недостаточно.

Не всегда люди, выпускающие игрушки, думают о детях. На Украине «игрушечных дел мастера» почему-то решили попрать все законы природы и наделали небесно-голубых верблюдов, розовых зайцев, рыб, плавающих на боку, а горьковская артель «Детская игрушка» выпустила уродливых кукол, с бесформенными телами, в грязно-серых балахонах. Такого урода страшно даже показать ребенку: он испугается.

Вдоволь на выставке кукол в дорогих крепдешиновых и шелковых платьях. Не лучше ли было одеть их в яркие и со вкусом сшитые ситцевые платья? Куклы стали бы дешевле.

Очень мало музыкальных игрушек. Наиболее просты и доступны для ребенка органчики. Их делают в разных городах, но наигрывают все они одни и те же мотивы. «Барыней», «гопаком» и «Николай, давай закурим» кончается знакомство детей с народными мелодиями.

Не все еще сделано в области технической игрушки. «Конструкторы» строятся в основном по одному принципу, одноцветны; а некоторые игрушки, даже бывшие раньше в продаже, например, токарный станок, почему-то совсем перестали выпускать.

Невольно обращаешь внимание на то, что предприятия, производящие игрушки, не имеют своего лица, слепо копируют друг друга. Вот и получается, что игрушки разных городов ничем не отличаются друг от друга, кроме... цены. «Кольцевую дорогу с туннелем» и «автобус с трамплином» выпускают в Киеве и Москве. Но игрушки киевского производства стоят 30 и 25 рублей, а московского — 50 и 43. Дедов Морозов одинаковой штамповки выпускают в нашей стране 14 предприятий, но цена на них везде разная—от 12 рублей 40 копеек до 22 рублей. Таких примеров можно привести много.



Не ищите таких «матрешек» в магазинах: теперь они хранятся только в Загорском музее игрушек.

На выставке показаны и некоторые экспонаты Загорского музея игрушки. Деревянные полированные «матрешки», которые ловко вкладываются одна в другую; вертящаяся под музыку заводная карусель; кукольный картонный театр; игрушки, мастерски вырезанные из дерева; искусно сделанные куклы с закрывающимися глазами, одетые в национальные костюмы.

Производство некоторых игрушек, находящихся в музее, следовало бы возобновить. Например, так называемую «можжевеловую мелочь». Это очень тонко выполненные миниатюрные чайнички, чашки, тарелочки, кувшины, самоварчики, складывающиеся в деревянный бочоночек. Игрушку эту делали из прочного, сохраняющего приятный запах можжевельника (отсюда и название) или самшита. Можно возобновить производство такой «мелочи» из пластмассы.

Будем надеяться, что после Всесоюзной выставки в магазинах появятся в гораздо большем количестве красивые, оригинальные и недорогие игрушки.



Электрическая железная дорога.

Правнук писателя

Ему больше 60 лет, у него седые волосы, чуть сгорбленные плечи, но когда он садится за рояль, то забываешь о его годах: человек на глазах словно молодеет.

Сергей Сергеевич Аксаков — единственный оставшийся ныне в живых правнук русского писателя Сергея Тимофеевича Аксакова. Еще в 1916 году Сергей Сергеевич попал в Харбин и почти сорок лет провел в Китае. Он жил в Шанхае и работал преподавателем в консерватории.

Первым учителем С. С. Аксакова на его композиторском поприще был Александр Тихонович Гречанинов. Сергей Сергеевич вел переписку с Гречаниновым, который жил вначале в Париже, потом в США.

Между прочим он писал Аксакову: «Я со своей «большой славой» всегда в волнении за завтрашний день». В другом письме Гречанинов жаловался на полное безразличие очень многих людей Европы и Америки к серьезной музыке: «В Европе и Америке это дело сейчас очень захирело. Публика нот не покупает!» И еще: «Здешних директоров моя простая без вывертов музыка не интересует. Одно мое крупное сочинение — 4-я симфония — окончено 6 лет назад, но я до сих пор не слыхал его в исполнении». В 1934 году А. Т. Гречанинов писал из Парижа: «Безумно тоскую по Волге и вообще по русской природе».

После возвращения на родину С. С. Аксаков поехал в Минск, где работает преподавателем музыкальной школы и активно участвует в работе Союза композиторов БССР. На советской земле С. С. Аксаков написал несколько новых произведений, которые часто исполняются по радио.

Е. САДОВСКИЙ



С. С. Аксаков в Минской музыкальной школе.
Фото К. Якубовича.



Агрессия на границах Йемена

С. ВИШНЕВСКИЙ

В ночь на 25 декабря английские войска напали на небольшое арабское государство Йемен. Варварским бомбардировкам и обстрелу подверглись города и селения пограничных районов: Катаба, эль-Бейда, Хариб. Советский журналист С. Вишневский вместе с египетскими корреспондентами и директором каирского отделения американского агентства Ассошиэйтед Пресс посетил районы Йемена, где идет английская вооруженная агрессия.



Десять минут назад пастух Гаралла Али эль-Кардаш возвращался с отарой овец в свою деревню Дарб-Тухейф. Дома его ждут жена и маленькая дочка. Горькой будет встреча у родного порога...

Король Йемена имам Ахмед.



До Хариба остаются считаные километры. Слышны уже разрывы снарядов и пулеметные очереди. У небольшого селения нашу машину останавливает конный патруль. «Англичане обстреливают дорогу»,— предупреждают йеменцы. Но другого пути нет. «Джип» с бешеной скоростью мчится по каменистому грунту. «Эх, путь-дорожка фронтовая...» — затягивают египтяне полюбившуюся им русскую песню.

Проскочим или нет?.. Кажется, проскочили. Вот она, Харибская долина! Уже отчетливо видны зубчатые башенки города... Через несколько минут мы едем по безлюдным улочкам. Жители предпочитают не выходить на улицу: в соседних горах засели английские интервенты и сейчас снова ведут обстрел долины.





Мина и копье...
— Разве это военные действия?! Это война против мирного населения.

ена

Как раз в этот день лондонская газета «Дейли телеграф» сообщила, что в Харибе размещены регулярные йеменские войска, вооруженные современной техникой. Газета даже назвала «точную цифру»: двадцать тысяч солдат. В объектив нашего фотоаппарата вошло почти все войско, которое мы видели в районе Хариба. Это аскеры-ополченцы, а вся их «техника» — кинжалы да старые турецкие ружья. Американский корреспондент пересчитал аскеров по пальцам: пятьдесят ополченцев и один трубач.

«Англичане великолепно знают, — писал он позже, — что вооруженные старым и устаревшим оружием племена ни в какой мере не могут представлять для них угрозу».



В нескольких шагах от нас английская пуля смертельно ранила Салеха Касима Шамагаана. Он мужественно встретил смерть. Соотечественники только два слова услышали от него: «Помните. Расскажите...»

В этом селении племени сагаф было сорок крестьянских хижин, они сгорели дотла от бомбежки. Триста шагов до английских позиций. Интервенты заметили нас и открыли огонь. Американский корреспондент Уилтон Уинн (крайний слева) недаром пригнулся: пуля пролетела над самым его виском. Поистине незамаичивая перспектива для американца — погибнуть от рук «британского союзника».





Защитники Хариба заявляют: «Ни шагу назад!» Они готовы до конца сражаться за независимость родины.

Слезы детей и вдов, муки раненых, гибель близких вызывают священную ненависть йеменских патриотов. «Враг лишил меня крова. Погибла моя семья. Осталась только винтовка. Пусть захватчики не ждут от меня пощады: я стар, но не разучился стрелять», — говорит Абдурахман, шейх племени сагаф.



РУССКАЯ ОРФОГРАФИЯ

С. ОЖЕГОВ

В 1956 году были утверждены и изданы единые «Правила русской орфографии и пунктуации» и вышел академический «Орфографический словарь русского языка». Правила и словарь — результат длительной совместной работы большого коллектива ученых-языковедов и учителей русского языка.

Работа по упорядочению орфографии все время привлекала внимание нашей общественности, школы, печати. И это понятно. Ведь упорядоченность орфографии, этого первоэлемента письменной речи, расценивается как важный показатель высокой культуры. Вот почему забота общественности о повышении культуры письменной речи направляется прежде всего на орфографию. Она должна быть совершенна: удобна для пользования, проста и легка при изучении. Как достигнуть такого совершенства? Об этом думали не только учителя, боровшиеся с трудностями изучения орфографии в школе, но и многие образованные люди, заботившиеся о повышении культуры письма. Проводились дискуссии, были получены сотни писем с предложениями.

Среди предложений были крайние по своей радикальности. Некоторые предлагали, чтобы письмо полностью отражало произношение. Мысль заманчивая. В этом видели легкий способ ликвидировать все трудности изучения правописания: пиши так, как произносишь, чего же легче? Для этого нужно одно только условие: у всех говорящих по-русски должно быть полное единство в произношении. Но этого как раз и нет. Не только языковеду, но и каждому человеку, более или менее внимательному к языку, известно, что даже в литературной речи существует много колебаний в произношении, иногда очень заметных. Если к этому прибавить, что некоторые пишущие или обучающиеся письму еще не освободились от особенностей местного говора, то нетрудно представить себе, как будет выглядеть наше правописание.

Приведем несколько примеров. Известно, что специалисты-техники часто произносят слово «добыча» с ударением на первом слоге — **до́быча.** Они так и будут писать. В литературной речи это слово произносят с ударением на втором слоге: **добы́ча.** Так как по норме литературного произношения предударный звук здесь произносится как **а**, то пришлось бы писать **д а б ы ч а**. В силу этого же одно слово в разных падежах писалось бы по-разному: **п о л**, но множественное число **п а л ы́**. В зависимости от того, как пишущий произносит звук **к** в слове «меткий», оно должно было бы иметь три написания: **м е т к и й, м е т к а й, м е т к ы й.** На месте буквы **г** в конце слова говорящие по литературной норме произносят звук **к**, а уроженцы местностей к югу от Москвы часто произносят звук **х**. Тогда слово «шаг» одни писали бы **ш а к**, а другие **ш а х.** Слова «лук» и «луг» у литературно говорящих совпали бы в одном написании — **л у к**, а у южан получалось бы **л у к** (растение) и **л у х** (луг).

Проведение принципа «пиши так, как произносишь» привело бы к появлению бесконечного множества индивидуальных орфографий, другими словами — к полному произволу в написаниях. В этом не было бы большой беды, если бы наша письменная речь обслуживала только частную корреспонденцию: ведь можем же мы всегда добраться до смысла даже самого малограмотного письма! Но как быть с печатью? По какой орфографии будут печататься газеты, книги? В соответствии с произношением автора, редактора, по взаимному согласованию или по какому-нибудь установленному для данного издательства положению?

Теоретически можно представить единую орфографию, основанную на принципе отражения в ней не индивидуальных, конечно, произношений, но различных типов и вариантов произношения. Пришлось бы создать специальные знаки — буквы для обозначения звуков и их вариантов в разных положениях в слове, подобно так называемой фонетической транскрипции. Количество знаков в подобной азбуке превышало бы значительно не только количество современных букв, но и количество знаков фонетической транскрипции. Изучение такой азбуки и применение ее было бы непосильным трудом для всех пишущих, в том числе и для лиц со специальной филологической подготовкой.

Могут сказать, что для письма по произношению нужно установить единое для всех произношение. Но унифицировать это гораздо труднее, чем обучить современной орфографии. Унификация произношения — длительный процесс, совершающийся в результате воздействия школы, радио, театра, окружающей среды на говорящих. После революции нормы русского литературного произношения проникли в широкие народные массы, вытесняя местные, диалектные разновидности. Но диалекты еще живут и влияют на литературную речь. И в ней существуют варианты произношения, отражающие прежние этапы развития языка. Многие колебания, вновь возникающие, свидетельствуют о развитии языка, о его совершенствовании. При стопроцентной грамотности люди, однако же, не достигли единства в произношении. Поэтому-то сейчас оно и не может быть прочной базой для орфографии.

Совершенно фантастичным является предложение сохранить существующую орфографию, введя новое произношение по буквам. Действительно, мы видели, сколь трудно установить единство в живом произношении. Как же можно искусственно переделать живую речь вопреки, во многих случаях, звуковым законам современного русского языка?

В чем же сущность русской орфографии, на каких принципах она основывается? Орфография не есть сам язык. Орфография есть лишь внешнее средство обозначения живой речи в письме. Но это не произвольная система знаков. Она разными способами и приемами отражает законы и закономерности, присущие языку. Наша орфография, основы которой были заложены более десяти веков тому назад, в свое время достаточно точно отражала звуковую систему языка. Но с течением времени развитие звуковой системы русского общенародного языка с многочисленными местными говорами привело к тому, что орфография перестала точно отражать все звуки языка. Так, произносим **дуп,** а пишем **дуб,** произносим **щисли́вый,** а пишем **счастли́вый.** Но, отражая звуковой строй языка, орфография одновременно отражает и грамматическое строение слова. И вот эта «грамматичность» нашей орфографии сделала то, что орфография в течение веков успешно обслуживала весь народ, несмотря на различия в произношении. Дело в том, что характер грамматического строения слов был общим и для общенародного языка и для местных говоров. Это достоинство русской орфографии впервые отметил великий русский ученый М. В. Ломоносов. Такая стройность орфографии содействовала в известной степени сохранению и усилению единства русского языка в его говорах на обширных пространствах в течение веков. Поэтому современная русская орфография не нуждается ни в коренной реформе, ни в ломке ее устоев.

Наша современная «грамматичная» орфография построена, как говорят языковеды, на морфологическом принципе. Это значит, что каждая морфологически выделяемая часть слова, как элемент грамматического строения — корень слова, приставка, суффикс, окончание,— сохраняет единообразное написание во всех случаях, независимо от их произношения в разных положениях в слове. Так, корень **вод** пишется всегда через **о** и под ударением (во́дник) и в безударном положении, когда на месте **о** произносится звук, приближающийся то к **а**, то к **ы** (вода, водяно́й). Почти все правила русского письма ориентированы на этот принцип. Исключения, возникшие в разное время как отражение произношения, немногочисленны. Это, например, написание приставок **рас-, ис-, -вос, черес-, -нис-** через **с** перед глухими согласными вместо морфологически ожидаемого **з** или написания **ы** в таких словах, как **б е з ы д е й н ы й,** по образцу **п о д ы т о ж и в а т ь, б е з ы с к у с с т в е н н ы й.**

Необходимость упорядочения нашей орфографии возникла потому, что со времени издания правил академика Грота в конце прошлого века и реформы 1918 года,

На уроке русского языка в 5-м классе 112-й московской школы.
Фото Р. Лихач.



ПЕРЕДОВИКИ РЯЗАНСКОЙ ОБЛАСТИ



23 февраля в Рязани состоялось вручение правительственных наград передовикам сельского хозяйства области.

На снимке: группа награжденных (слева направо, на переднем плане) — дважды Герой Социалистического Труда доярка колхоза «Фундамент социализма» П. Н. Коврова, доярка колхоза «Советский герб» П. Л. Васехина, ее дочь доярка Анастасия и Герой Социалистического Труда доярка колхоза «Дело Октября» А. Ф. Ивкина.

Фото М. Савина.

КТО БУДЕТ ЧЕМПИОНОМ МИРА И ЕВРОПЫ?

22 раза разыгрывался мировой чемпионат по хоккею с шайбой, 34 раза — европейский. И вот хоккейные поля Москвы, родины нынешнего чемпиона Европы, мира и Олимпийских игр, впервые стали ареной таких больших состязаний: в минувшее воскресенье во Дворце спорта в Лужниках открылось XXIII первенство мира и XXXV первенство Европы. Восемь стран выставили свои команды на этот турнир, который определит чемпиона мира и Европы 1957 года: Австрия, ГДР, Польша, СССР, Финляндия, Чехословакия, Швеция и Япония. Интересно, что японские хоккеисты до этого 20 лет никуда не выезжали. Московские любители хоккея и многочисленные иностранные гости искренне сожалели, что среди команд, выстроившихся на ледяном поле во время торжественного открытия состязаний, не было команд Канады и США. Американские хоккеисты отсутствовали потому, что госдепартамент не выдал им виз на въезд в Советский Союз, а канадцы — из-за финансовых затруднений.

Трибуны Дворца спорта не смогли вместить, пожалуй, и десятой доли тех, кто хотел попасть на открытие первенства, посмотреть самые первые матчи: Швеция — ГДР и Япония — Советский Союз.

Напряженно проходят игры. Каждая шайба забрасывается в ворота ценой больших усилий. Но уже с первых встреч можно было определить трех наиболее вероятных претендентов на призовые места. Это команды СССР, Чехословакии и Швеции. Они хорошо приняли старт: шведы выиграли у немцев — 11 : 1, советские хоккеисты у японцев — 16 : 0, сборная Чехословакии у австрийцев — 9 : 0.

Кто будет чемпионом мира и Европы по хоккею, окончательно выяснится 5 марта.

О. МИХАЙЛОВ



Фото А. Бочинина

значительно упростившей правописание, но не решившей ряда частных вопросов, накопилось немало исключений, колебаний в написаниях, орфографических вариантов и т. п. Объяснялось это тем, что для многих явлений письма не было правил или они были нечетки и допускали разные толкования, были спорные случаи написаний. Рост колебаний связан и с развитием словарного состава языка: очень часто было неясно, как писать новое слово или выражение.

В военные годы в нашей печати появилось выражение «с ходу», и, затрудняясь подвести его под какое-нибудь правило, одни писали его слитно (**сходу**), другие раздельно. Когда недавно появилось слово «дизель-электроход», его писали и через черточку и слитно. Таких случаев сотни. Все эти колебания и неясности в орфографии чрезвычайно затрудняли школьное обучение, требовали огромной энергии и времени на изучение исключений из правил, на изучение колеблющихся написаний, а у взрослых людей вызывали разрушение орфографических навыков, так как ни печать, ни другие формы общественного письма не были единообразны во многих написаниях.

В новых правилах впервые охвачены все стороны русской орфографии, а раздел пунктуации вообще разработан впервые. Многие правила дополнены и уточнены и не допускают теперь двояких толкований. Так, в соответствии с морфологическим принципом внесена ясность в написании гласных после шипящих в корнях слов: **жёлудь**, а не **жолудь**, **чёрт**, а не **чорт** и т. п. Уточнено написание некоторых разрядов иноязычных слов. На вывесках магазинов мы и теперь можем видеть написания **диетический** и **диэтический**; в словах этого типа везде введено написание **е**, а не **э**; **диета**, **пиетет** так же, как в слове **гигиена** и подобные. Уточнены правила написания частиц «ни» и «не», наведен порядок в слитном или раздельном написании наречий, слитном или через черточку написании сложных прилагательных, в написании прописных букв и во многих других правилах.

Но некоторые правила все же сохранили известную трудность. Это относится к тем случаям, когда различие написания связано со значением, со смыслом всего выражения. В наше время появляется много новых слов, образованных из наречия и прилагательного, которые, как известно, пишутся раздельно. Но если в этих случаях мы имеем дело не с простой суммой значений наречия и прилагательного, а с новой смысловой единицей, мы должны писать ее слитно. «Долгоиграющая пластинка» не просто та, что долго играет, а пластинка с бóльшим текстом, чем нормальная. Мы пишем **дорогостоящие** материалы, но **дорого стоящее** удовольствие. В первом случае это терминологическое сложное прилагательное, определяющее предмет с экономической точки зрения, во втором случае — свободное словосочетание обстоятельства с прилагательным. Подобные правила неминуемо должны сохраниться, так как орфография призвана содействовать, а не мешать пониманию сложных смысловых оттенков, имеющихся в языке.

Всякое знание требует усилий и труда. Постижение орфографии не составляет исключения. Надо только, чтобы в орфографии, как и везде, труд не затрачивался бесполезно, чтобы правила были точны и не содержали в себе элементов, не имеющих существенного значения для грамматического и смыслового строя языка. Известно также, что орфография лучше всего выполняет свою культурную функцию тогда, когда она устойчива и правильно отражает своими средствами строй языка.

Как бы полны ни были правила, они не могут удовлетворить всех запросов орфографической практики. Как написать отдельное слово, которое пишущему трудно подвести под какое-нибудь правило? Как пишутся некоторые единичные слова или сочетания слов, не подпадающие под известные правила? «Панацеей от всех зол» в этих случаях является орфографический словарь. Он должен дать ответ на всякий вопрос о том, как писать то или иное слово, без обращения к правилам. Новый академический орфографический словарь, в котором около 110 тысяч слов, и призван служить такой «панацеей». В нем нет вариантов написаний. Принято единое, правильное написание, соответствующее новым правилам и рациональным традициям русского письма. Так, урегулировано написание многих заимствованных слов, в которых наблюдались колебания: рекомендуется **лояльный**, а не **лойяльный** (ср. аналогичное **рояль**), **атрибут**, а не **аттрибут**, **эксплуатация**, а не **эксплоатация** и многие другие, исключающие всякие иные варианты.

После долгих лет разнобоя в орфографии, споров по поводу написания отдельных слов, колебаний в применении правил, иногда неясно сформулированных, издание новых правил и орфографического словаря является важным этапом в развитии культуры письменной речи. Закрепление этих правил, придание им устойчивости — дело всей советской общественности. Школа уже вводит новую, упорядоченную орфографию. Но этого мало. Укреплению орфографии должны содействовать газеты, журналы, книги, кинодокументы, документы учреждений, торговые объявления.

Правила орфографии — общественный закон. Нарушение их, по сути дела, не отличается от нарушения любого другого закона. В школе — это ошибка, которая ведет к снижению оценки, в практике взрослых — признание недостаточно грамотным человеком. Как и любые общественные законы, орфографические правила, пока они не отменены, обязательны, но могут быть изменяемы и совершенствуемы. Принятые теперь правила во многих случаях еще далеки от полного совершенства. Над дальнейшим улучшением и совершенствованием их продолжают работать языковеды.

Шутка мамаши Диссагет

Елена ЦУГУЛИЕВА

Рисунок Е. ГУРОВА.

— Вы просите меня рассказать о наших женщинах-осетинках? Трудновато. Пожалуй, неделю буду говорить, и то не закончу. Ведь у нас есть много известных, передовых женщин. Давайте я вам лучше расскажу о женщинах своей семьи. Например, о мамаше Диссагет. Тоже довольно примечательная фигура и по всей Северной Осетии известная.

Много лет она работала заведующей колхозной птицефермой. А когда стукнуло шесть десятков, решили дать ей пенсию от колхоза. Что же из этого получилось?

Мамаша немедленно отправилась на заседание правления колхоза, подступила к столу и во всеуслышание заявила:

— Слышала я, благородное правление, что вы хотите дать мне пенсию. От души благодарю вас и сама прошу освободить меня от руководящей работы.

После этих слов мамаша лихо сдвинула косынку на ухо и продолжала:

— Но какой же пес, какой ишак сказал вам, уважаемое правление, что я совсем уйду с фермы и кому-нибудь уступлю своих индюков? Кого вы мне прочите в сменщики? Уж не того ли пьяницу, что у вас раскатывает по разным курсам, а на работе его никогда не видали? Так пусть это вам и во сне не снится, и вообще, кто это придумал, тому я пожелаю всю жизнь ходить спотыкаясь.

Члены правления хотели было успокоить мамашу, но она и пикнуть никому не дала.

— За курами и утками ухаживать немудрено,— продолжала она,— это даже вы сумеете. А индюшки — создания нежные, требуют вежливости и культурного обращения и не каждому грубияну станут подчиняться. Так знайте: индюшек я отдам только через свой труп. А сейчас я иду на ферму, и пусть кто-нибудь попробует меня задержать!

После этого коммюнике мамаша, бодро постукивая клюкой, отправилась к своим пернатым питомцам.

Лично я никогда не разделял пристрастия матери к этим глупым, крикливым созданиям. Подумать только, какая с ними возня! Ведь индюшатам нужно особое питание: рубленые крутые яйца, каша из кукурузной муки, вместо воды сыворотка. А чуть ветер, или дождь, или солнышко припечет, индюшонок брык — и с копыт долой!

Но мамаша моя была на них удачлива. Соседи шутя говорили, что если Диссагет подложит под индюшку десяток яиц, то вылупится не меньше дюжины индюшат. Шествует, бывало, моя старушка в своем обычном черном платье, маленькая, щупленькая, гордо задрав свой сухой, острый носик, а за ней бегут индюки ростом со всадника. Мамаша с ними разговаривает, рассказывает что-то, а они дружно галдят ей в ответ.

Нет, не люблю я их, а громадного белого индюка Султана просто не перевариваю, разумеется, в переносном смысле. У этой мерзкой твари клюв острый, как кинжал. Он мне, подлец, однажды новые сапоги испортил: проклевал насквозь.

На ферму я предпочитал не ходить и с мамашей старался об индюках не говорить. Но беда в том, что она ни о чем другом говорить просто не хотела.

Но вот однажды мамаша нашла для разговора со мной и другую тему.

Помню, вернулся я из школы, пообедал и, как всегда, засел проверять тетрадки своих учеников. По обыкновению, замурлыкал свою любимую песенку о кудрявой Таучѐ. Мать сидела тут же и перебирала верблюжью шерсть. Послушав несколько минут мои вокальные упражнения, она сказала:

— Сын мой! Чем во все горло воспевать какую-то неизвестную девицу, лучше бы ты подумал о том, что тебе пора обзаводиться семьей. Мне возиться с тобой надоело, я уже стара. Сил у меня осталось мало, и к тому же я хочу разводить новую породу — бронзовых.

От злости я чуть не задохнулся: до чего дошло — жениться и то я должен в интересах индюков! Но грубить матери я не стал, а, изобразив на лице скромность, ответил:

— Я и сам подумывал об этом, мать, но как-то неудобно было заговаривать на такую тему первому.

— Хи-хи!— смеется мать.— Скажите, какой стыдливый! Знаю я вас. Молчит, молчит, а потом приведет какую-нибудь прическу и бухнет: «Вот моя жена!» Перестань ломаться и скажи прямо: выбрал ты себе невесту или и эту заботу взвалишь на мои плечи?

Признаться, я перепугался: а вдруг мамаша сама займется подбором невесты для меня! Ведь я уже нашел ее сам, и лучше Лизы для меня никого на свете не было. Мать об этом не знала ничего, ибо она постоянно торчала на ферме и не могла делить свое внимание между мной и индюками.

А пока я молчал, придумывая, как бы выйти из положения, мамаша продолжала меня шпиговать:

— Может быть, ты еще слишком молод? Куда торопиться! Вот когда ты приобретешь лысину величиной с тарелку, а зубы, наоборот, растеряешь, вот, может быть, тогда...

— Ладно, — говорю, — перестань, мать, сверлить мое сердце. Дело в том, что невеста у меня уже есть. Это Лиза Соловьева.

— Лиза Салбиева? — переспрашивает мать, притворившись глухой.

— Русская девушка, которая работает на почте.

— На почте? Гм...— ворчит мамаша.— До чего умен мой младший сын, моя надежда на старости лет!.. А на каком языке я буду с ней разговаривать? — продолжает она.— Мы наймем переводчика, или ты, благородный Мухарбек, бросишь работу и сам будешь нашим толмачом?

Я подавленно молчал. Зато мать продолжала тарахтеть:

— Кто эта Лиза, я не знаю, но сдается мне, что она похожа на Аличку. А если такая девушка переступит мой порог, я немедленно ухожу к своим индюкам.

Аличка, точнее, Аллочка, о которой вспомнила мамаша, была действительно примечательная девушка. Работала она в сельпо и в свободное время разгуливала по селению в самых необычайных нарядах, пугая детей. Ей ничего не стоило в летнее пекло напялить чернобурку и ботинки, опушенные мехом, а зимой она щеголяла в красной кружевной шляпке, еле прикрывающей макушку. Брошь у нее была размером с блюдце, а к поясу она прикалывала шикарный букет из бумажных тыквенных цветов. Работала Аллочка недолго: после какого-то недоразумения с шерстяными кофточками она покинула наше селение...

— Да нет же, мама,— говорю я,— Лиза совсем не похожа на Аллочку.

— Ну, этого я не знаю,— говорит мать,— но думается, что она по хозяйству ничего не смыслит, и от этого брака я для себя и своих индюков ничего хорошего не жду.

Не выдержав, я схватил шапку и выбежал на улицу. Там я неожиданно встретил заведующую детским садом Фаризу Калманову и рассказал ей о своем горе.

— Ай-ай! — говорит Фариза.— Плохо твое дело, Мухарбек!

— Уж ты только об этом не говори Лизе,— предупреждаю я.— Вот характер у матери! Еще не зная девушки, она уже настроилась против нее.

— Тетушка Диссагет любит только своих индюков,— говорит Фариза.— А скажи, Мухар, твоя мать видела когда-нибудь Лизу?

— Где ей! — говорю я.— Из-за своих питомцев она и света белого не видит. Я уверен, что она и тебя, встретив на улице, не узнает.

Фариза смотрит на меня, я — на Фаризу.

— Слушай,— говорит она,— а почему бы ей самой не выбрать тебе невесту?

— Стыр бузныг [1],— говорю я, — ничего глупее за последние десять лет я не слыхал. Представляю себе, что это будут за выборы.

— Да ты сначала выслушай,— говорит она и без передышки, за две минуты выкладывает свой план, от которого я прихожу в восторг и соглашаюсь на все. На том мы расстались.

...В воскресенье я проснулся рано. Побрился, позавтракал в одиночестве, ибо мамаша спозаранку ушла на ферму. В этот день в инкубаторе должна была вылупиться первая партия бронзовых индюшат, и, без сомнения, если бы мать не пошла туда, птенцы так бы и остались сидеть в своей скорлупе.

Надев синий костюм, желтые ботинки, надушившись одеколоном, я отправился к мамаше. Встретила она меня недружелюбно и заявила, что запах моих духов вряд ли понравится птицам. Но я, выполняя заранее намеченный план, не обратил на ее выпад никакого внимания и участливо спросил:

— Мать, как твои индюшата? Я так беспокоюсь за них! Вот пришел проведать.

Старуха растрогалась до невозможности.

— Мухарбек, дорогой мальчик,— говорит она, прослезившись,— а мне-то всегда казалось, что ты их терпеть не можешь!

— Как ты заблуждалась! — восклицаю я.— Разве можно не любить этих чудесных птичек! Какие у них перья, какие хвосты!

— Кхе-кхе... Меня всегда больше интересовала их упитанность,—



[1] Большое спасибо (осет.).

суховато говорит мамаша,— но, во всяком случае, спасибо за внимание.— Тут она начинает вглядываться в дорогу.

— Что-то яркое приближается,— задумчиво говорит она.— Не пожарная ли машина?

Мое сердце начинает бешено стучать.

— Нет,— отвечаю я.— Кажется, это идут две девушки.

— Посмотри хорошенько, что это за девушки.

— Мать! — торжественно говорю я в то время, как меня прошибает холодный пот и рубашка начинает липнуть к спине.— Моя судьба в твоих руках. Сегодня ты должна сама мне выбрать невесту. Одну из этих двух.

Старуха смотрит на меня, как на сумасшедшего. Я было приготовился повторить свое объявление, но тут девушки подошли совсем близко и остановились в двух шагах. Одна в строгом синем костюме и в белой блузке; ее темные косы аккуратно уложены на затылке. Другая в оранжевом платье, от которого слепит в глазах; на шее ожерелье из зеленых камней величиной с наперсток; яркорыжие волосы украшает шляпка, похожая на кадушку, в которую соседка Секинат складывает сыр. На ногах туфли, очень модные: из них вылезают пальцы и пятки. В руках эта великолепная особа держит огромный зонтик с роскошной бахромой. Расфуфыренная таким образом Фариза могла бы поспорить с какаду. Я прямо направляюсь к ней.

— Добрый день, Лиза,— говорю я Фаризе громко, а потише добавляю: — На какой барахолке ты приобрела эту палатку, которую считаешь зонтиком?.. Ну, давай, разыгрывай свою роль, а то мне уже невмоготу.

— Приветствую тебя, Мухарбек,— говорит она мне по-русски, скаля зубы и вертя головой,— познакомь меня со своей маман.

Я подвожу их к мамаше и говорю замогильным голосом:

— Решай, мать. Тут тебе и Лиза, тут тебе и Фариза. Как скажешь, так и будет.

...Не думайте обо мне плохо, ведь я играл наверняка. Но тут мамаша сделала ход, спутавший все мои карты. Она шагнула вперед и схватила за руку... Фаризу! Я почувствовал, что сердце мое оборвалось и покатилось в дорожную пыль, хотя теоретически знал, что так не бывает.

— Бессовестная! — сказала мамаша Фаризе.— Так ты согласна выйти за моего сына? А что скажет на это твой муж Сослан?

Потом она повернулась ко мне:

— Не ожидала, что ты так глуп, сын мой. Для чего ты все это устроил? Мне просто жаль бедную девушку, которой придется жить с дураком.

Тут она обняла Лизу и сказала ей по-осетински:

— Мое солнышко, прибыла ли посылка, которую я жду?

— Да, тетя Диссагет,— отвечает эта коварная притворщица по-русски.— Еще вчера. Я уже распаковала. Яйца четырехдневной давности, и ни одно не разбилось. Это настоящая бронзовая порода. Индюшки будут мясистые и выносливые.

Из оцепенения меня вывел индюк Султан, усердно клевавший шнурки от моих ботинок.

— На девушек не сердись,— сказала мать,— это моя выдумка. Мне уже надоело, что ты морочишь голову мне и Лизе, неизвестно зачем... И почему ты считаешь нас глупее себя? — безжалостно продолжала мамаша.— Вот посмотри, нас здесь четверо. Трое из нас — начальство. Я заведующая индюками, Фариза — директор детского садика, Лиза — начальник почтового отделения. А ты? Кто ты такой? Просто школьный учитель. Кстати, у вас директор школы тоже женщина. Но мы ведь тебя не упрекаем за это. Занимаешь такую должность, какую позволяют тебе способности. Тут ничего не поделаешь. А я тебе скажу, почему ты, благородный Мухарбек, скрывал от меня Лизу. Потому что думал так: «Моя мать — женщина старого закала, она привержена к адату и не согласится на такой брак». Верно?

Я молчал, тупо глядя на Султана, нагло дергавшего мою штанину. Мне стало стыдно. Как же плохо я знал свою мать! А еще агитатор! Проводил беседы в бригадах, разговаривал с родителями школьников и только со своей мамашей никогда не удосуживался поговорить. Все времени не хватало.

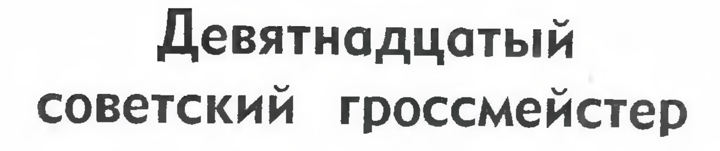
— О юноша,— сказала мать, отгоняя от меня Султана,— не все ли равно, какой национальности будет твоя жена? Лишь бы она была человеком. А язык для разговоров как-нибудь найдем. Ну, девушки, я пойду. Проводите меня.

Конечно, мне потом пришлось просить у них прощения. Конечно, они меня простили. Иначе и свадьбы не было бы. Собственно, теперь все в порядке. Живем мы с Лизой душа в душу. Вот приду сейчас и расцелую их всех трех: мамашу, Лизу и Фаризу.

Что вы! Нет, у меня всего только одна жена. Фариза — это наша маленькая дочка. Ей всего два месяца, а она уже тянется к индюшатам. Вся в бабушку. Ну, хватит болтать. Вот приду сейчас, бабка откроет дверь и скажет:

— Заходи, учитель. Тут тебе и Лиза, тут и Фариза. Я же побегу к своим индюкам. Слышишь, как орут? Здесь слышно.





Девятнадцатый советский гроссмейстер



Чемпион СССР — Михаил Таль.

Без сюрпризов не обходится ни один шахматный турнир. Д. Бронштейн с удовольствием вспоминает последний тур соревнования в Стокгольме в 1948 году. В этот день лидер турнира Л. Сабо встретился с Е. Лундином, который не выиграл ни одной партии и шел на последнем месте. И вот этот «неудачливый» мастер взял и выиграл партию у лидирующего гроссмейстера! В итоге на первое место вышел Д. Бронштейн и одновременно завоевал звание гроссмейстера.

Менее приятный случай произошел с Д. Бронштейном в 19-м туре нынешнего чемпионата СССР. Гроссмейстер проиграл мастеру Б. Гургенидзе, «крепко» занимавшему последнее место. Этот «сюрприз», конечно, не входил в турнирную программу Д. Бронштейна и создал «под занавес» чемпионата еще более острую, напряженную обстановку.

В предпоследнем туре ситуация стала совсем запутанной. Претендентов на золотую медаль было четверо: А. Толуш, М. Таль, Д. Бронштейн и П. Керес. В партии: А. Толуш — Л. Аронсон «борьба» окончилась уже на 10-м ходу! Л. Аронсону понадобилось 15, а А. Толушу всего 7 минут, чтобы войти в шахматную историю, создав эту любопытную миниатюру.

Свежая, инициативная игра молодого М. Таля и солидного А. Толуша в этом соревновании особенно импонировала всем любителям шахматного искусства.

Последний тур! Жребий свел их друг с другом в решающей схватке. Представитель Риги впервые получил шанс стать первым шахматистом СССР. Напряженное ожидание захватило тысячи московских болельщиков. На улице у здания, где проходил турнир, укрепили демонстрационную доску — для тех, кто не мог попасть в зал. Рига не сходит с провода.

В самом зале тишина. Затаив дыхание, зрители ожидают развязку. Внешне самым спокойным в зале кажется М. Таль. А. Толуш курит одну папиросу за другой. Есть основание нервничать: его сильно атакуют. М. Таль играет с большим подъемом, он надеется, что выступает в последний раз в качестве мастера. Рижанин ведет игру уверенно и с сокрушительной силой. И вот — А. Толуш сдался! Гром аплодисментов. Они адресованы новому гроссмейстеру СССР. Д. Бронштейн, П. Керес и другие гроссмейстеры поздравляют своего молодого коллегу.

Через пять минут Д. Бронштейн видит, что ему не пробить «холмовскую крепость», и соглашается на ничью. Новые аплодисменты. На этот раз они означают, что Михаил Таль стал чемпионом СССР!

* * *

Когда маленький Миша впервые пришел в школу, то его сразу... перевели в третий класс — настолько он оказался развитым. Когда юноша окончил десятилетку, ему в виде исключения разрешили в возрасте 15 лет поступить в Рижский университет. Там двадцатилетний комсомолец Михаил Таль ныне заканчивает пятый курс историко-филологического факультета.

М. Таль-шахматист «не упал с неба». Он один из тех талантов, какими богато советское шахматное искусство. Он один из тех, кто получил свое шахматное воспитание в Доме пионеров, а эти «школы» дали таких выдающихся советских гроссмейстеров, как В. Смыслов, Д. Бронштейн, Ю. Авербах, Т. Петросян, М. Тайманов, и плеяду видных мастеров.

Еще несколько лет назад мы слышали, что в Риге есть паренек, который здорово играет в шахматы. Быстро, почти не задумываясь, он рассчитывает сложнейшие варианты.

В прошлом году Михаил Таль с группой советских студентов выезжал в Упсалу (Швеция), где наши студенты успешно защищали титул командного чемпиона мира по шахматам. Руководитель делегации гроссмейстер А. Котов с большим интересом присматривался к игре юного Таля. В начале XXIV чемпионата СССР А. Котов заявил: «Первое место займет Таль!» Это был «изолированный» голос. Ему не верил и сам М. Таль.

После блестящего старта молодого рижанина одни заявляли: «Ничего, скоро сорвется, скажется неопытность и юношеская горячность». Другие, однако, хотя и не очень уверенно, говорили: «Смотрите-ка, а ведь этот Таль действительно опасный противник, Котов, кажется, прав!»

При современном развитии шахмат, особенно в нашей стране, трудно добиться такого грандиозного успеха. Пройти «марафонскую» дистанцию в 21 тур, пройти почти невредимым через «огонь» 8 международных гроссмейстеров, обойти их — это шахматный подвиг! Трудно, почти невозможно в наших чемпионатах добиться гроссмейстерского диплома. Гроссмейстеры не любят «прибавления своей семьи». Они очень строгие экзаменаторы. Но на этот раз в роли экзаменатора оказался молодой шахматист.

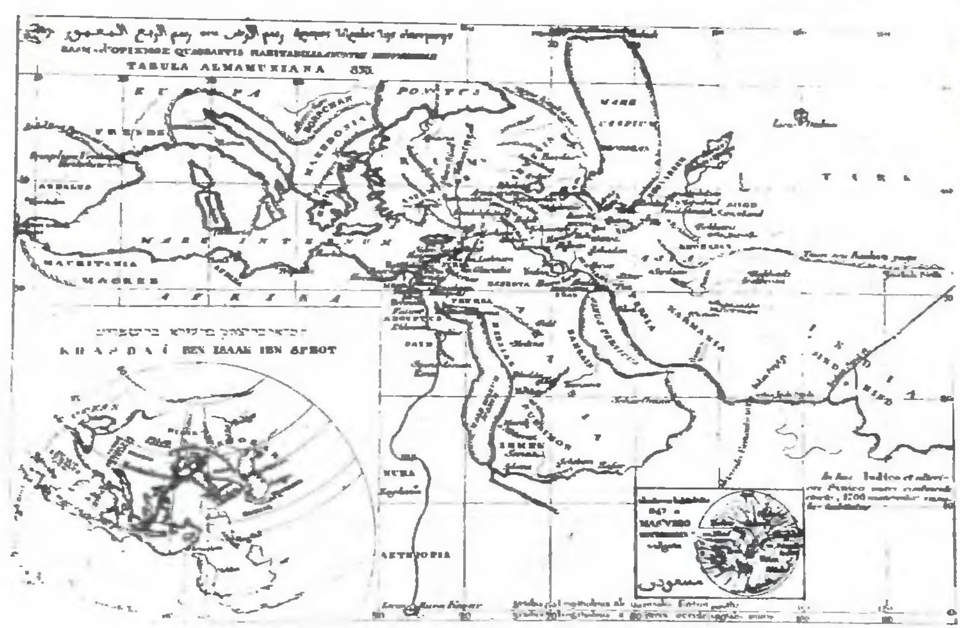
Хотя М. Таль еще очень молод, можно сказать, что в его лице шахматная семья получила совершенно зрелого гроссмейстера высокого класса. Он все партии играет с огромной волей к победе и особенно ответственно проводит встречи с сильнейшими соперниками. Не говоря уже про победы на старте, сильное впечатление произвели схватки М. Таля в борьбе за лидерство с гроссмейстерами Т. Петросяном, П. Кересом и, наконец, с А. Толушем. Очко от А. Толуша окончательно дало М. Талю путевку в гроссмейстерскую семью. А. Толуш может считать себя «крестным отцом» М. Таля.

В спорте на весь мир гремит короткое имя: Куц! Весь шахматный мир сегодня узнал новое короткое, звучное имя: Таль! Дело не только в том, что М. Таль занял первое место в труднейшем составе. Важно другое: как блестяще он добился этой феноменальной победы. Когда шахматисты нашей страны и во всем мире ближе познакомятся с сыгранными на чемпионате партиями, они убедятся, что Михаил Таль — яркий шахматный талант. Это не шахматный «кустарь», который с трудом выжимает очко, это шахматист, который хватает «за горло», играет оригинально, глубоко, смело и красиво.

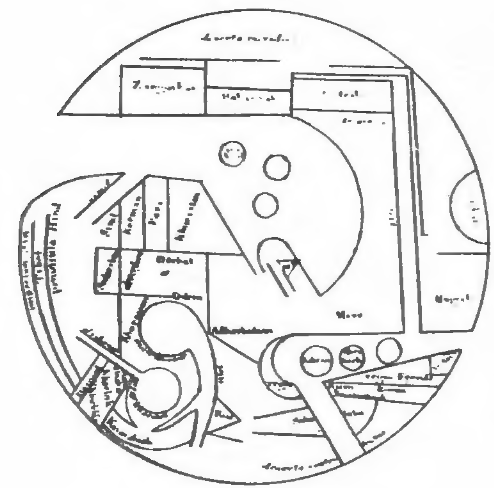
В 1935 году молодой чемпион СССР Михаил Ботвинник получил звание гроссмейстера СССР № 1. Прошло много лет. М. Ботвинник стал чемпионом мира. Сегодня Михаил Таль получил титул гроссмейстера СССР № 19. Быть может, эти два Михаила и встретятся как-нибудь в матче!

Сало ФЛОР

СРЕДНЕВЕКОВАЯ АРАБСКАЯ ГЕОГРАФИЯ



Перед нами точно вычерченный круг, заполненный причудливыми фигурами — сочетанием линий, полуокружностей и кругов. Это арабская карта мира X века. Ее начертил известный арабский ученый Истахри.



Арабы уже в тот период располагали обширными знаниями по географии окружающего их мира, но карты их малопонятны для людей, привыкших к изображению местности по принципам европейской картографии.

Арабская карта труднодоступна для чтения, и лишь названия позволяют немного разобраться в ней, масштаб же ее совершенно неуловим.

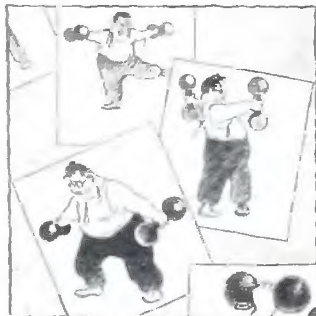
И вот выдающийся польский ученый и общественный деятель Иоахим Лелевель, живший в первой половине XIX века, занялся этим сложным и важным вопросом. Он решил по старым арабским рукописям и таблицам, скрытым в пыли европейских архивов и библиотек, составить понятные для современников карты. Одну из таких карт мы видим на другом рисунке.

Эта любопытная и редкая карта открыла, что ученые средневекового Востока неплохо знали географию. Она убедительно доказывает, что арабские географы далекого средневековья хорошо знали окружающий их мир и представляли его себе таким, каким он в общих чертах показан и на современных картах.

В. ФЕДЧИНА,
научный сотрудник Института истории естествознания и техники АН СССР.



1. Если вы хотите похудеть, занимайтесь больше спортом. Через год — два вы себя не узнаете.



2. Прошел год, другой...



3. . . . .

Рис. И. Массина. Тбилиси.

В этом номере на вкладках: репродукции картин В. А. Серова «В Смольном», Ф. П. Решетникова «Голуби мира», Г. Г. Нисского «Уссурийский залив», Я. Д. Ромаса «Моряна», А. А. Пластова «Молодые» и четыре страницы цветных фотографий.

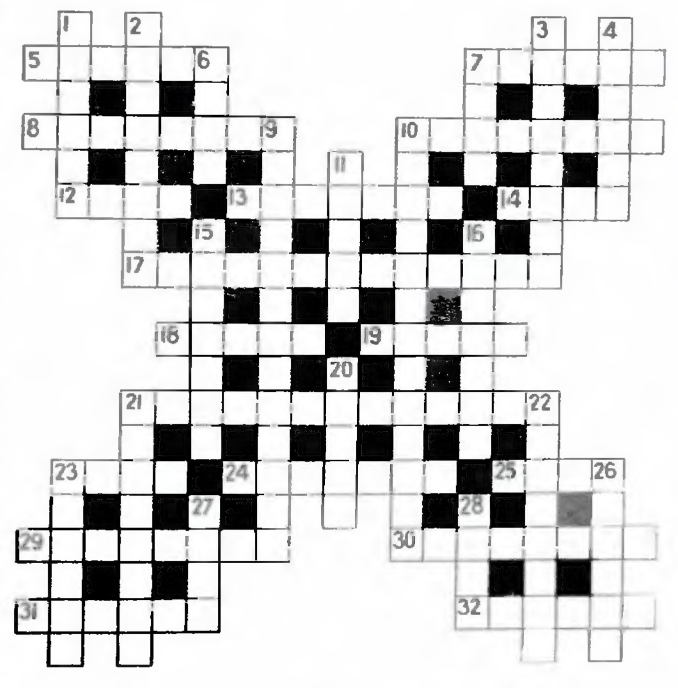




Сила хорошей привычки.

Рис. Г. Яралова. Ереван.

КРОССВОРД



По горизонтали:

5. Австрийский композитор. 7. Минеральная вода. 8. Машина для земляных работ. 10. Совокупность водных организмов. 12. Курорт в Крымской области. 13. Часть воздушного винта. 14. Листья некоторых деревьев. 17. Основной документ. 18. Единица силы электрического тока. 19. Грамматический термин. 21. Коллективное решение. 23. Краска. 24. Одна из героинь романа А. А. Фадеева «Молодая гвардия». 25. Столица Эквадора. 29. Специальное статистическое обследование. 30. Ржавчина. 31. Цветок. 32. Белорусский поэт.

По вертикали:

1. Фламандский живописец. 2. Рабочий. 3. Польский танец. 4. Украинский музыкальный инструмент. 6. Вечнозеленое дерево или кустарник. 7. Остров в Индонезии. 9. Сельскохозяйственное орудие. 10. Город в Казахстане. 11. Опера Ш. Гуно. 15. Искажение черт лица. 16. Часть радиоустановки. 20. Произведение Д. Н. Мамина-Сибиряка. 21. Древнегреческий астроном. 22. Персонаж пьесы А. П. Чехова «Вишневый сад». 23. Кормовая трава. 26. Неправильное действие. 27. Китайский щипковый музыкальный инструмент. 28. Ракообразное.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 9

По горизонтали:

3. Коллар. 6. Болотников. 7. Мелиорация. 12. Оксана. 13. Климат. 15. Сайгон. 19. Македонка. 20. Ахроматин. 21. Крюк. 22. Форт. 23. «Черевички». 24. Обращение. 25. Райнис. 28. Шишкин. 30. Кровля. 31. Водопровод. 32. Физиология. 33. Осетин.

По вертикали:

1. Боровинка. 2. «Наливайко». 4. «Богема». 5. Зодиак. 8. Укрепление. 9. Рапортичка. 10. Виноградов. 11. Тарантелла. 14. Размер. 15. Сапфир. 16. Гурт. 17. Наксос. 18. Диорит. 21. Край. 26. Акмолинск. 27. Идеология. 29. Неолит. 30. Кролик.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, И. П. ГОРЕЛОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, Т. З. СЕМУШКИН, И. А. УРАЗОВ, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление В. Епанешникова

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Публицистики и очерка — Д 3-39-27; Информации — Д 3-39-07; Международного — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-83; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-65; Юмора и сатиры — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-38-08; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00736. Подписано к печати 27/II 1957 г. Формат бум 70×108¹/₈. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 200 000. Изд. № 123. Заказ 373.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.



В детских яслях Тбилисского прядильно-трикотажного комбината.

Фото В. Джейранова.

Цена номера 3 руб.



А. И. Лактионов. ФЕВРАЛЬ. Четвертая выставка произведений действительных членов и членов-корреспондентов Академии художеств СССР